

ДЖАСТИН КОЛЛ

МАСТЕР ПЕЧАЛИ

МОЛЧАЛИВЫЕ БОГИ. КНИГА 1

Джастин Колл
Молчаливые боги.
Мастер печали
Серия «Звезды новой фэнтези»
Серия «Молчаливые боги», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63846946

Дж. Колл. Молчаливые боги. Книга 1. Мастер печали: ООО

«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»; Санкт-Петербург; 2021

ISBN 978-5-389-19196-9

Аннотация

Академия, скрытая от внешнего мира в Шаенбалу, веками противостояла магии. Ведь магия опасна: то, что лечит, может и навредить, а сила, которая помогает одному человеку, способна уничтожить другого. Из многочисленных учеников Академии лишь самые опытные и решительные становятся аватарами – охотниками за магическими артефактами, которые следует оберегать от неправильного применения. Выросший в Шаенбалу юный сирота Аннев де Брет отчаянно мечтает стать таким мастером-аватаром. Однако ему приходится нелегко – он не такой, как все, и если об этом узнают в Академии, жизнь его не будет стоить и гроша. Воспитанный мудрым наставником,

отрицающим, что магия приносит только зло, Аннев стоит перед трудным выбором: или научиться предавать и убивать во исполнение заветной мечты, или забыть о ней, сохранив верность друзьям и самому себе, или наконец узнать, кто он на самом деле...

Первая книга из цикла «Молчаливые боги».

Впервые на русском!

Содержание

Пролог	9
Часть 1	24
Глава 1	31
Глава 2	45
Глава 3	61
Глава 4	73
Глава 5	83
Глава 6	96
Глава 7	105
Глава 8	113
Глава 9	118
Глава 10	129
Глава 11	139
Глава 12	152
Глава 13	161
Глава 14	170
Глава 15	176
Глава 16	183
Глава 17	199
Глава 18	210
Конец ознакомительного фрагмента.	212

Джастин Колл

Молчаливые боги.

Книга 1. Мастер печали

Justin T. Call

Master of Sorrows

© Justin Travis Call, 2019

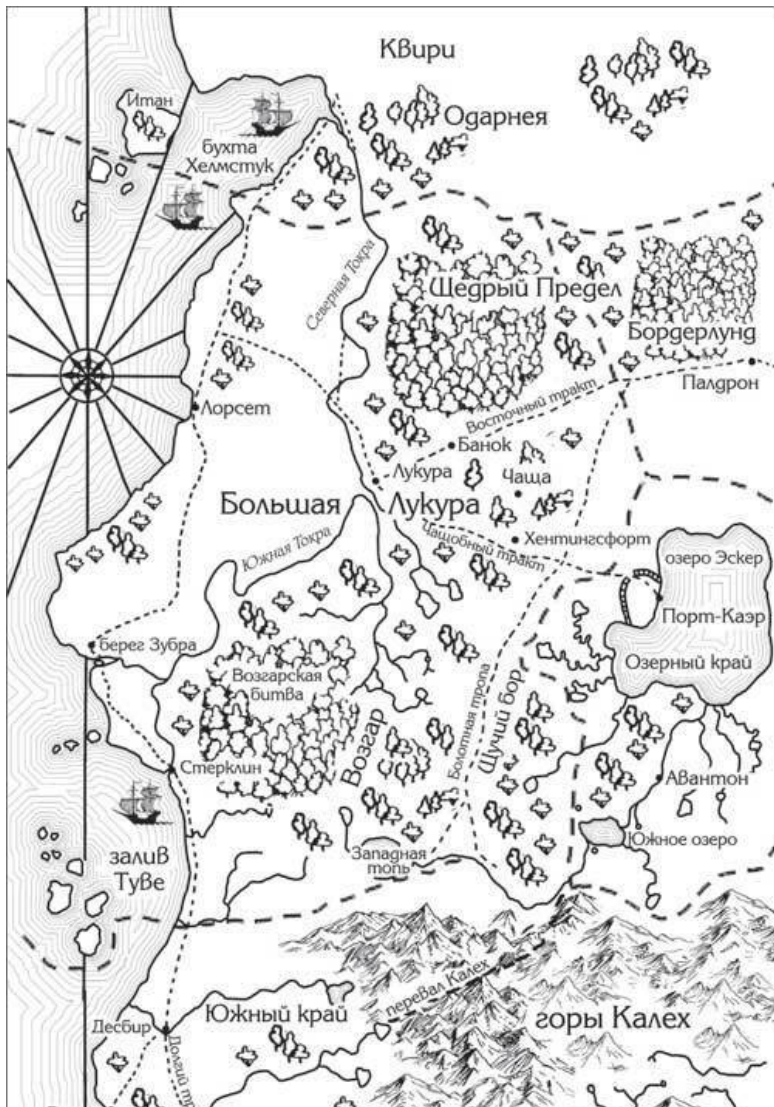
© Е. И. Клипова, перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

* * *

Дарвину

*Ничейный сын, Сын Семи Отцов.
Мастер печали. Его воплощение.
Поющий клинок. Сорока. Феникс. Король.
Крови владыка. Кольцевая змея. Всего сущего
завершение.*

*Горе тем, кто пробудит его, ибо он принесет им
погибель,*

*Горе тем, кто пойдет за ним, ибо потребует он
великих жертв,*

*Горе тем, кто встанет на пути его, ибо он
сокрушит любого,*

*И когда пробудятся молчаливые боги, рыдайте,
чада мои, ибо грядет конец».*

Сын Семи Отцов. Из Книги Терры

Пролог

Женские крики стихли, и послышался плач младенца. Наконец-то. Содар оправил складки синего одеяния и вошел в бежевый шатер следом за древним Тосаном.

Свечи еще не зажигали, и Содар прищурился, чтобы глаза привыкли к полумраку.

В углу древний Тосан беседовал со своей женой Ланой – одной из двух знающих, помогавших с родами Эген. По-видимому, Лана остановила мужа до того, как тот приблизился к матери и младенцу, и священник был ей за это благодарен: значит, он сможет хотя бы несколько мгновений побыть наедине с Эген и малышом. Содар прошел вглубь шатра и увидел вторую знающую – пожилую женщину: на ее руках, наспех завернутый в одеяло, лежал все еще мокрый младенец. Содар подавил желание закричать от радости – у Туора появился наследник! – и, храня невозмутимое выражение лица, направился к новоиспеченной матери.

Роды были тяжелыми. Эген неподвижно лежала на ковре, к ее бледному лицу липли мокрые от пота кудряшки. Пусть отдохнет, бедняжка, подумал Содар и уже собирался отойти, как вдруг в глубине души шевельнулась тревога. Что-то было не так.

«Да ведь она не дышит».

Священник бросился на колени, схватил Эген за плечи и

принялся трясти, звать по имени – сначала шепотом, потом в полный голос. Мгновение спустя в его запястье вцепились скользкие от крови пальцы Ланы.

– Она мертва, брат Содар.

Содар вырвал руку и потер запястье, размазывая липкие пятна по морщинистой коже.

– Ее убило дитя?

Слова комом встали в горле. Он повернулся, чтобы взглянуть на ребенка. Тосан уже забрал его у второй знающей – костлявой старухи по имени Кельга, – но, вместо того чтобы бережно прижать новорожденного к груди, держал его на вытянутых руках и не сводил со свертка преисполненного отвращения взгляда.

– Древний Тосан?

Высокий худощавый древний продолжал буравить младенца глазами.

– Дитя, Содар, – произнес Тосан. – Да ведь это сын Кеоса.

– Что?

Тосан протянул сверток священнику.

– Этот ребенок, – повторил он, поднимая край одеяла, – сын Кеоса.

Сердце Содара сжалось от ужаса. Он успел заметить, что у малыша ярко-голубые глаза – знак милости бога Одара, – но никаких признаков того, что мальчик – сын Кеоса, не увидел. Макушку новорожденного покрывал светло-каштановый пушок, и в целом это был самый обычный младенец. Содар на-

хмурился и уже собрался объявить Тосану, что тот чудовищно заблуждается, как вдруг ребенок зашевелился и из свертка показались крохотные ручки.

Точнее, всего одна ручка.

– О боги... – пробормотал Содар.

Тосан снова прикрыл младенца одеялом.

– Эген его выносила. Она была сосудом Кеоса, а сосуды Кеоса надлежит разбивать.

Лана кивнула, соглашаясь с мужем. Содар перевел взгляд с окровавленных рук женщины на мертвое тело – и лишь теперь увидел, что под головой Эген расплзается темно-красное пятно.

«Они убили ее, – пронеслось у него в голове. – Они убили Эген, и я позволил этому случиться».

– Убери это чудовище с глаз моих, – приказал Тосан, передавая сверток Лане. – Ты знаешь, что с ним делать.

Знающая поклонилась, и длинные каштановые косички, висевшие за спиной, упали ей на плечи.

– Сыновей Кеоса да пожрут звери Кеоса.

– Удостоверься, что он мертв. Звери Кеоса кормятся лишь с наступлением ночи.

– Древний Тосан, – произнесла Кельга, выступая вперед, – Лана, возможно, предпочла бы вернуться в Академию, к вашей малютке-дочери. Я сама отнесу дитя в лес.

Тосан задумчиво погладил тонкую бородку:

– Лана?

– За Маюн присмотрят ученицы, – ответила та. Вытерев руки об одеяло из овчины, в которое был завернут младенец, она обмакнула сверток в лужу крови на полу. – Но спутник мне не помешает.

Тосан кивнул.

– Чаща – зловещее и коварное место. Хорошо, если будет с кем разделить тяготы ночного бдения.

Он снова перевел взгляд на окровавленный сверток в руках Ланы, затем тщательно вытер ладони о свой черно-серый плащ.

– Отец – тоже сосуд Кеоса, – проговорил древний. – Дождитесь, пока его свяжут, а после отправляйтесь в лес.

Туор. Содар знал, что кузнец сейчас снаружи, ждет, когда ему вынесут его первенца. *Нельзя бросать его на произвол судьбы... но их обоих мне не спасти.*

– Прости, что побеспокоил тебя, Содар, – сказал Тосан, приподнимая полог шатра. – Сегодня благословлять некого. – И, перенеся ногу за порог, добавил: – Думаю все же, что тебе следует остаться. Пусть люди увидят, как их священник разобьет сосуд Кеоса. Им это нужно.

Содар опустил глаза, всеми силами пытаясь сохранить самообладание.

– Прошу простить меня, древний Тосан, но я вынужден отказаться от этой чести. Силы уже не те, что прежде.

Древний, явно не удивленный таким ответом, что-то проворчал и вышел. Кельга фыркнула и принялась собирать оде-

яла, лежавшие кучей на родильном ковре Эген. Тут же снаружи раздались крики Тосана, перекрывающие ропот толпы. Скорые руки убрали подпорки шатра, стены его рухнули, и на Содара и знающих, стоявших внутри, хлынул солнечный свет. Несколько человек начали скручивать полосы ткани, составлявшие стены шатра; мгновение – и взорам собравшихся предстала мертвая Эген.

– Эген? – Глаза Туора, стоявшего совсем близко, расширились от ужаса. – Эген! – Он бросился к жене, схватил хрупкое обмякшее тело и прижал к себе. – Эген, Эген... – повторял он, не веря в страшную правду, доказательство которой держал в руках.

За спиной кузнеца уже появился Тосан в сопровождении Винзора, старейшего из древних, и полудюжины мастеров из Академии. Мастера-аватары были одеты в свои кроваво-красные туники, а Винзор – в черно-красную, с шевронами, мантию главы Академии.

– Свяжите сосуд Кеоса, – распорядился Винзор. – Свяжите и разбейте. Не допустим, чтобы скверна его расплескалась по нашей земле.

Туор поднял голову, ища глазами ребенка, которого последние девять месяцев носила его жена. Он успел заметить овечьё одеяло в руках Ланы, но в ту же секунду знающую загородил собой Содар.

Несколько секунд кузнец и священник смотрели друг другу в глаза, и во взгляде Содара читалось то, чего он не имел

права произнести вслух.

Ему не причинят вреда. Обещаю. Я спасу его.

И Туор, хотя его переполняли горе и ярость, казалось, все понял. Еще секунду назад этот сильный, крепкий мужчина был готов насмерть биться за своего сына – теперь же он вверял жизнь и судьбу малыша Содару.

А затем на кузнеца набросились мастера-аватары. Туор сопротивлялся до тех пор, пока ему не удалось бережно опустить тело Эген на землю, а после резко выпрямился – и несколько человек, вцепившиеся в него, полетели в разные стороны. Содар и две знающие жены отступили подальше от толпы. Остальные аватары кинулись на подмогу, повалили Туора и связали ему руки и ноги прочными веревками. Но ни раны, ни путы не могли остановить кузнеца: яростно отбиваясь, он полз и полз вперед, к телу своей бездыханной жены, а когда оказался рядом с Эген – свернулся кольцом вокруг нее, словно в попытке оградить любимую от неминуемой участи.

Содар ничем не мог помочь другу. Но эту жертву Туор принес во имя жизни своего сына, которого он, Содар, поклялся защищать, поэтому все внимание священника сейчас было приковано к свертку в руках Ланы. Когда знающие отделились от толпы, Содар незаметно последовал за ними. Как только они дошли до края площади, до них донесся дребезжащий голос старейшего Винзора, но, как бы старик ни старался, перекричать толпу ему оказалось не под силу. И

тогда раздался зычный бас Тосана.

– Сын Кеоса родился среди нас! – гремел древний. – И мы знаем, что должны делать! Сынов Кеоса пожирают звери Кеоса, но обязанность разрушить сосуд Кеоса – нет, не обязанность, а честь! – выпала нам!

Толпа ответила одобрительными возгласами, и Содар остановился. Он знал, что увидит, если оглянется. Ему уже столько раз приходилось на это смотреть!.. Крестьяне наберут камней, и тут же начнется Разрушение.

Лана с Кельгой уже покинули площадь и шли через деревню на восток. Содар вновь последовал за ними, держась на таком расстоянии, чтобы не вызывать подозрений. Толпа за его спиной торжествуяще ревела, заглушая крики Туора.

– Изничтожим скверну! – проорал кто-то.

– Отродье Кеоса! – подхватил другой.

– Кру-ши кос-ти! Кру-ши кос-ти! – хором рычала толпа.

Содар заставил себя сдвинуться с места и зашагал вперед, стараясь не обращать внимания на отдельные голоса и не думать о том, кому они принадлежат. Вскоре это уже не составляло труда, потому что все они слились в сплошную смертоносную какофонию за его спиной, и тогда-то до его слуха донесся совершенно новый звук, пронзительный и настойчивый. Это плакал младенец – от голода, страха и одиночества.

Потерпи немного, малыш. Я уже близко.

Лана неподвижно лежала на краю прогалины и, дыша глу-

боко и размеренно, делала вид, будто крепко спит. Справа от себя она видела Кельгу: согбенный силуэт старухи чернел на фоне усыпанного звездами неба. Она бродила туда-сюда, то и дело бросая взгляд на сверток, лежащий у зарослей терновника, но Лану беспокоило не это – старуха явно нервничала.

Поначалу она думала, что женщина попросту хочет ей помочь. Оно и понятно: Лана родила дочь всего месяц назад – слишком короткий срок для знающей, чтобы возвращаться к обязанностям повитухи. Но, пусть ее организм и не окончательно оправился после родов и для жатвы она оставалась еще слишком слаба, на то, чтобы проследить, как погибнет сын Кеоса, сил ей вполне хватало. Все, что от нее требовалось, – дождаться, когда явятся звери Чащи, привлеченные криками младенца и запахом крови, пропитавшей его одеяло.

Однако Кельга настояла на том, чтобы пойти в лес вместе с ней, и это было более чем странно. Не потому, что Кельга старая и немощная – эта карга совершала ритуалы, от которых остальные знающие падали в обморок, – но потому, что Кельга – эгоистичная одиночка, которой ни до кого нет дела. Может, из-за ее скверного нрава знающая госпожа Кьяра и отстранила ее от жатвы?

Как бы то ни было, Кельга предложила сопровождать Лану и даже вызвалась первой нести караул. Лана пыталась отказать, но спорить со старухой оказалось делом безнадеж-

НЫМ.

Однако Лана не заснула. На лес опускалась ночь, и чем темнее становилось, тем беспокойнее вела себя Кельга. Наконец старуха замерла, привалившись к дереву. Лана, укрытая толстыми одеялами, дрожала от холода.

Время шло. Облака не спеша проплывали над лесом, и Лану охватил безотчетный страх. Что-то было не так. Она затаила дыхание, прислушиваясь к звукам Чащи. Силуэт Кельги почти слился с темнотой. Лана не могла понять, чего именно она боится, поэтому сделала то, что всегда делала, когда ей было страшно: она приготовилась. В одной руке она сжала грибные споры, в другой – свой нож для жатвы, тот самый, что вонзила в череп Эген.

Вдруг она услышала тихий хруст веток и шелест листьев – кто-то подкрадывался к ней сзади. Тут до Ланы дошло, что Кельги на прежнем ее месте больше нет.

– Зачем прикидываешься, будто спишь?

Повисла тишина.

– Потому что чую смерть, – чуть слышно ответила Лана.

– Страхиться того, чего не понимаешь, – это мудро, – прокаркала старуха. – Но смерти никому из нас не миновать.

– Так ты пришла для того, чтобы ускорить мою?

Карга скрипуче рассмеялась, и Лану затрясло от страха. Она приготовилась к нападению.

– Зря ты не позволила мне забрать ребенка, – проскрипела Кельга.

Лана переменяла положение тела. Она несколько мгновений размышляла над словами старухи – и вдруг все поняла.

– Так ты – дочь Кеоса. Прислужница смерти. Значит, слухи о расколе... все это правда.

– Я не прислужница, – спокойно ответила Кельга. – Смерть – моя тень. Он следует за мной повсюду. И сейчас он здесь, чтобы забрать дитя.

Мальчик уже не плакал, – видимо, усталость наконец взяла свое и он заснул. Лана бросила взгляд туда, где он лежал. – И тебя.

Кельга нанесла удар с такой силой и быстротой, что Лана едва успела отпрыгнуть в сторону. Клинок, направленный ей в грудь, вошел глубоко в плечо. Лана извернулась и бросила Кельге в лицо зажатые в кулаке споры.

Старуха завизжала и отшатнулась, царапая щеки и глаза костлявыми пальцами. Но споры быстро сделали свое дело, и через несколько секунд она затихла. Лана с трудом поднялась на ноги и, спотыкаясь, побрела в центр поляны. Кельга больше не опасна – споры, попавшие ей в горло, мгновенно прорастут, забьют трахею, и старуха задохнется, – так что можно осмотреть рану, благо ночь лунная.

Рана оказалась глубокой, к тому же нож пропорол мышцы, когда Лана рванулась от лезвия прочь. Если кровь не остановить – до дома не дойти. Зажав зубами одеяло, Лана одной рукой оторвала от него полосу ткани и начала перевязывать рану.

– Всегда настоroje? Похвально, – прохрипела Кельга.

Лана обернулась. Старуха ползла по залитой лунным светом поляне. Губы знающей были измазаны рвотой, но дышала она свободно. Лана просчиталась: споры попали не в горло, а в глаза, которые стали такими же снежно-белыми, что и волосы старухи. Лана отошла на несколько шагов назад, но поняла, что даже сейчас спятившая карга все равно за ней следит: пусть глаз она и лишилась, но слух ей служил по-прежнему исправно.

– Ты всех нас предала, Кельга, но теперь ты слепа. И зелье, которым были помазаны твои глаза, чтобы ты могла видеть Шаенбалу, теперь не поможет. Ты никогда не вернешься в деревню.

Кельга издала смешок, похожий на кудахтанье.

– Я и не думала возвращаться. – Ее треснувший голос зазвучал громче. – Я всю жизнь ждала это дитя и не собираюсь оставлять его в вашей паршивой деревушке.

Держа нож перед собой, она подползла ближе.

Лана начала пятиться, отступая в том направлении, где лежал ребенок. Что бы ни было у Кельги на уме, старуха желала сохранить жизнь сыну Кеоса и не стала отрицать, что и сама она дочь Кеоса. Надо покончить с этим младенцем во что бы то ни стало.

«Если я его убью, – думала она, – все ее планы пойдут прахом, а я убегу».

Это был самый верный путь. Лана не хотела драться со

старухой – пусть та слепа, но у Ланы сейчас всего одна рука, к тому же неизвестно, на что еще способна эта старая карга.

Однако Кельга разгадала ее намерение и рванулась вперед, намереваясь ей помешать. Лана оказалась проворнее. Она занесла нож и со всей силы вонзила его... в землю.

Знающая огляделась, ища глазами сверток, но его нигде не было.

А в следующее мгновение на нее с пронзительным визгом кинулась Кельга, размахивая изогнутым ножом перед самым ее лицом. Лана отклонилась назад, чтобы избежать удара, но тут карга свободной рукой толкнула ее в грудь, и Лана упала в гущу терновника. Десятки черных кривых шипов пронзили ее бедра, спину и руки. Лана дернулась, пытаясь высвободиться, но лишь еще больше двухдюймовых игл впилося в ее тело, не давая пошевелиться. Женщина взвыла – от боли, злости и страха, но вой прервался надрывным кашлем, а на губах выступила кровавая пена.

Кельга, словно тень, медленно приблизилась, шаря рукой впереди себя, пока не нащупала терновый куст. Белые глаза уставились в небо, ухо она повернула к Лане. Издав довольный смешок, старуха наклонилась, чтобы поднять с земли сверток, – но руки встретили пустоту.

– Что ты с ним сделала? – взревела Кельга. Она крутила головой по сторонам, как будто пыталась найти младенца шестым чувством. – Куда подевался сосуд?

Лана хотела рассмеяться, но вместо смеха из пронзенной

груди снова вырвался хриплый кашель. Она плюнула в старуху кровью и прорычала:

– Его забрал Кеос. Надеюсь, ты следующая.

– Есть более страшные способы умереть, чем истечь кровью, повиснув на кусте терновника, – прорычала Кельга. Она вытянула руку, и острое ножа уперлось женщине в грудь. – Куда ты девала младенца? – требовательно спросила слепая и начала ввинчивать лезвие в плоть.

Лана закричала.

И тут из темноты вынырнул тяжелый посох. Он опустился старухе на спину, и карга повалилась на колени. Она завывала, обернулась и выбросила руку вперед, намереваясь достать нападавшего.

– *Басайх!* – выкрикнула она, рассекая воздух скрюченными когтистыми пальцами.

Посох, сверкнув серебром, снова исчез во тьме. Лана моргнула, пытаясь рассмотреть своего спасителя, и едва не лишилась дара речи, когда на поляну вышел деревенский священник.

– Содар? – неуверенно спросила она.

И тут увидела у него в руках овечьё одеяло.

– Что... что ты делаешь?

Священник, держа посох наготове, направился к Кельге, которая съежилась на заросшей клевером поляне. Едва Содар подошел достаточно близко, та метнула в него нож. Молниеносным движением посоха Содар отбил направленный

ему в живот клинок и ударил старуху по голове. Кельга скрылась на земле, и жрец снова поднял посох, приготовившись на сей раз размозжить старухе череп. Но та больше не шевелилась. Содар помедлил, затем опустил свое оружие и повернулся к Лане. Внутри овечьего свертка запищал треклятый младенец.

– Поторопись, – тяжело дыша, проговорила Лана. – Ты должен помочь мне покончить с сыном Кеоса и предупредить Академию. В круг знающих проникли дочери Кеоса.

Священник даже не шелохнулся. Его глаза были холодны и суровы.

– Не в том ты положении, чтобы приказывать, Лана бан Тосан. – Он бросил взгляд на старуху, лежащую без сознания. – Ты сказала, Кельга не сможет вернуться в Шаенбалу.

Лана кивнула и закашлялась, харкая кровью.

– Но это не так, – продолжал Содар. – Ей лишь нужен провозатый.

Лана судорожно втянула ртом воздух и прохрипела:

– Кто же поведет ее назад в деревню? Она хотела спасти сына Кеоса!

– Поэтому я и оставляю ей жизнь. – Священник снова повернулся к Лане. – Но вот ты... Ты убила бы мальчика не задумываясь, как до этого убила Эген. – Содар покачал головой, и его длинная седая борода коснулась лица ребенка. – Если Кельга не найдет дорогу в деревню, значит бояться нечего. Если Одару будет угодно, ей даже удастся выбрать-

ся из Чащи до того, как звери ее учуют. Но ты – ты совсем другое дело. Если я сохраню тебе жизнь, и я, и младенец обречены.

Мир перед глазами Ланы начал размываться, и она часто заморгала, пытаясь сфокусировать зрение; изо рта струйкой потекла кровь. Мысли разбегались, тело стало как будто чужим.

– Я боялся, что придется тебя убить, – произнес священник. – Но Кельга сделала это за меня.

Он не сводил с нее спокойных серых глаз. Ей стало холодно. Она вдруг со всей ясностью осознала, что умрет здесь – и больше никогда не увидит мужа и дочь. Ее обмякшее тело запрокинулось назад, и шипы еще глубже впились в плоть, на сей раз не причинив никакой боли.

Часть 1

Век спустя после смерти Маяхлая Обманщика, в тридцать первый день третьего месяца, решено было богами и людьми отпраздновать изгнание зла из Лукватры. Кеос, видя, как радуются люди, готовящиеся к празднеству, сказал Люмее и Одару, что им троим следует спуститься к их детям и праздновать вместе с ними.

Но Одар, старейший и мудрейший из троих, рассудил, что людям вмешательство богов ни к чему и богам надлежит принести друг другу дары на следующий день. Так было положено начало Регалею, празднику обмена дарами.

Когда оставалось два дня до празднества, Кеос, пребывая в глубоком раздумье, пришел к Одару. Тот, видя, как печален младший брат, спросил, что его гложет.

И ответил Кеос:

– Я не знаю, чем порадовать нашу сестру. Какой дар достоин той, что держит в своих ладонях солнце? Все на свете нуждается в ее благосклонности, она же ни в чем не имеет нужды.

И сказал ему на это Одар:

– Разве не радуется мать, глядя на детей своих? Одарим же ее тем, что она разделит с поклоняющимися ей.

Кеос счел мудрыми слова брата и спросил:

– Готов ли у тебя дар для нашей сестры?

И Одар ответил:

– Нет, ведь я не владею никаким ремеслом, чтобы его создать. Но должно быть, это суждено тебе, ведь ты искусен во всех ремеслах. Я задумал подарить Люмее глиняную флейту, ведь и она, и чада ее любят петь и танцевать.

И от слов этих преисполнился Кеос радостью, ведь то была истина: он действительно обладал благословенным умением придавать форму каждой вещи, и называлось оно *т'расанг*. Подвластны были ему глина и камень, дерево и железо, кость и кровь. Так Кеос с Одаром решили совместно одарить сестру свою Люмею.

Но вернулся Кеос, бог т'расанга, в свою кузницу в Тор-Куме, и овладело им сомнение: слишком груба, по его разумению, была глина и не годилась для прекрасной флейты. И потому вместо глины взял он чистейшее золото, добытое из самых глубоких жил, и выковал из него флейту для Люмеи.

Увидел Одар, что брат его ослушался, но не стал гневаться и благословил золотую флейту.

За день до празднества пришла к Кеосу Люмея и спросила его, какой дар преподнести брату их Одару. И Кеос, помня мудрую речь Одара, спросил сестру:

– Разве не радуется отец, глядя на детей своих? Одарим же его тем, что он счастлив будет разделить с поклоняющимися ему.

И спросила Люмея:

– Какой же дар преподнести нам нашему брату? Ведь на

свете нет его мудрее, и дети его во веки веков обласканы его милостью.

И ответил ей на это Кеос:

– Долго ходил я среди наших детей, многое видел из сотворенного ими и детьми Одара. И нашел я дар, достойный нашего брата: посох, что передается старейшему в знак его мудрости и королю – в знак его власти.

И Люмея согласилась с братом:

– Одарим же Одара посохом, ибо разве бог не король среди своего народа? И разве не мудрейший он из всех? И дети его будут также владеть этим посохом и будут знать, что Одар к ним милостив.

Так Люмея с Кеосом решили создать посох для Одара.

Люмея пожелала, чтобы посох был сделан из дерева, ибо милы ей были леса Лукватры с цветущими вишнями и могучими дубами, а дети ее любили танцевать на лесных полянах. Но пришел Кеос в свою кузницу – и вновь овладели им сомнения и страхи: а ну как рассердится Одар, когда увидит, что дар Люмеи из золота, а его – из дерева? И потому вместо дерева взял он чистейшее серебро, добытое из самых глубоких жил Лукватры, и выковал из него посох.

Увидела Люмея, что брат ослушался ее, но не стала гневаться и благословила серебряный посох.

И вот настал день, когда боги должны были обменяться дарами.

Решили они, что первой получит свой дар Люмея. Высту-

пили вперед Кеос с Одаром и подарили сестре своей золотую флейту. Когда увидела богиня прекрасный инструмент и почувствовала силу братьев в нем, слезы радости хлынули из глаз ее. Тогда поднесла она флейту к губам и заиграла мелодию столь чарующую, какой еще не слышала земля. С радостью, страстью и любовью ко всему сущему играла Люмея, вкладывая душу и сердце во флейту. И, наполнившись *дивным светом – люменом*, засияла флейта в ее руках, и все, кто услышал мелодию, навсегда остались очарованы ею.

Но вот замолчала флейта, и Люмея поблагодарила братьев за чудный дар, что преподнесли они ей и ее детям.

Пришел черед Одара получить свой дар. Увидел он серебряный посох, приготовленный для него Кеосом и Люмеей, и преисполнился смирения пред величием дара. Принял он посох из рук брата и сестры, ощутил силу, заключенную в нем, и остался доволен.

– В посохе моем чувствую я силу Кеоса и любовь Люмеи, так пусть же будет в нем и моя добродетель.

Сказав так, поднял Одар посох и призвал силу *кваир* – саму душу воздуха, воды и льда. И когда свершил то, что задумал, серебряный посох засиял сильнее, чем чистейшее серебро, из которого Кеос его выковал.

И сказал тогда Одар брату и сестре:

– Посох сей я дарую детям своим, чтобы помнили они о мудрости и справедливости. Пусть знают, что милость Одара не покинет их.

Кеос и Люмея остались довольны.

Пришел черед Кеоса получить свой дар. С великой заботой положил Одар посох на землю и снова сел рядом с сестрой. Люмея же встала перед братьями, разомкнула уста, и полилась из них песнь. Говорят, никогда еще на земле не слышали песни столь прекрасной, и не способен язык человеческий произнести слова, что пела Люмея Кеосу, как и никому из людей вовек не испытать того счастья, что наполнилось в душе от песни Люмеи.

Вот прекратилась песнь, и Люмея взглянула на Кеоса, ожидая его одобрения. Но брат ее словно окаменел, и не было на его лице ни радости, ни жизни, ни любви. Печален и хмур сидел Кеос, не желая верить, что это и есть дар для него. Разгневанный, обратился он к брату и сестре:

– И это все, что вы приготовили для меня?

И ответила Люмея:

– Это наш дар тебе.

И Кеос впал в ярость и сказал:

– Не жалея сил, трудился я над дарами для вас, брат и сестра. Я вгрызался в самые недра земли, чтобы добыть бесценные металлы, и в поте лица работал в кузнице своей, чтобы вы остались довольны. А взамен вы одарили меня лишь песней?

Тогда выступил вперед Одар и молвил:

– Нет, брат, это не простая песня. Я долго трудился над ней, и каждое слово в ней – священное слово силы; и твоя

сестра трудилась над ней, и потому мелодия оживляет сердце и просветляет разум. Это и есть наш дар тебе, и по ценности своей не сравнится он ни с золотом, ни с серебром.

Но Кеос, охваченный гневом, покинул место веселья и отстранился от брата и сестры. С тех пор и говорят: остерегайся даров, ибо они приносят несчастье.

О первом Регалее. Из Книги Одара

Возвратившись в кузницу в Тор-Куме, Кеос предался скорби и не находил себе утешения. Тогда спустился он к самому ядру Лукватры, в жажде найти металл, что ценнее самого золота. И в недрах гор, в глубочайших безднах нашел Кеос остатки от руды *аклумеры* – элемента, из которого был сотворен мир. Он был и огнем, и льдом, и водой, и металлом, и трое старших богов возникли из него, и из него сотворили они Лукватру.

И принес Кеос аклумеру в свою кузницу, и выковал себе оружие, которое желал больше всего на свете, – молот, ибо величайшую радость испытывал бог при творении вещей – т'расанге. И дал он молоту имя – Длань Кеоса, ибо вложил в него свою огромную силу.

Много веков миновало с первого Регалея, и не видели народы Лукватры от богов ничего, кроме милости. Но дариты и илюмиты, а с ними и терранцы возгордились собою, и каждый стал возносить свой народ выше остальных, и не стало среди людей согласия. Начали они возводить королевства и

выбирать королей, и так начался второй век, называемый Веком королей.

Увидев это, Одар и Люмея спустились к своим детям и принялись наставлять их, призывая к скромности и миролюбию. И каждый отныне получал милости богов по заслугам его. И многие илюмиты и дариты получили флейту Люмеи и посох Одара и стали называться «далта», что значит «младшие боги», ибо владели предметами богов и были наделены божественной силой.

Терранцы же на протяжении долгих веков не получали от своего бога наставлений, ибо Кеос по-прежнему был охвачен гневом. И люди стали воинственны, свирепы и склонны к похоти. Не мирные орудия ковали они, но оружие и броню, и украшали себя прекрасными одеяниями и драгоценностями. И когда наконец Кеос покинул Тор-Куму и взглянул на труды своих детей, то вовсе не рассердился, а возликовал. И стал он благословлять тех, кто был наделен силой и красотой, одаривая милостью бесстрашных в бою и пылающих страстью.

Миновало много лет; да, шесть веков кануло со дня первого Регалея и семь веков – с того дня, когда из Лукватры был изгнан Маяхлай, воплощение первозданного хаоса.

Падение Кеоса. Из Книги Одара

Глава 1

– Аннев! Пора вставать.

Аннев сонно перевернулся на другой бок, но тут же почувствовал ощутимый тычок под ребра.

– Ох, больно же!

– Подымайся, – грозно прошипел Содар и снова ткнул мальчишку концом посоха. – На учебу опоздаешь.

Аннев вылез из-под горы одеял.

– Да встаю я, встаю!

Он спрыгнул с кровати и невольно вздрогнул: пол оказался ледяной. Аннев потянулся и, все еще дрожа, вдохнул тяжелый запах пота, соломы, сырой земли и корицы. Мальчик наморщил нос и зевнул.

Ставни были закрыты, и единственным источником света служила свеча, стоявшая на полу за дверью его спальни. Когда глаза привыкли к темноте, Аннев увидел перед собой священника с посохом в руке.

– Ну же, пошевеливайся! – рявкнул Содар. Но, поглядев на дрожащего паренька, смягчился и добавил: – В часовне можешь не убираться. Хорошо еще, если умыться успеешь.

Аннев широко ухмыльнулся:

– Успею!

Он откинул крышку стоявшего у кровати сундука и вынул из него засаленную тунику и такие же штаны. Когда-то небез-

ленная ткань была светлой, почти белой, но теперь ее цвет напоминал скорее коричневый.

– Надеюсь, – сказал Содар и махнул рукой на дверь, приказывая поторопиться. – Вода, плита, чайник. А после...

– Да-да-да, – перебил его Аннев, натягивая штаны. – Проверить ловушки и прибраться в часовне. Каждый день одно и то же.

– Почти каждый день, – поправил его Содар.

Аннев поднял голову и перехватил взгляд старика.

– Сегодня первая ночь Регалея. А завтра – день Испытания. Последнего Испытания. – Старик тяжело замолчал, многозначительно глядя на мальчика.

Аннев ответил серьезным взглядом.

– Я помню.

– Вот и хорошо, – кивнул Содар. – Тогда поторапливайся. Я приготовлю бурдюки для воды. Как только выйдешь из комнаты – начинаю считать.

И священник ушел.

«Последнее Испытание суда, – думал Аннев, завязывая веревки на поясе штанов. – И мой последний шанс».

Завтра начинается Регалей – праздник наступления весны, который продлится три дня. А значит, завтра у Аннева и остальных мальчишек его сбора последняя возможность заработать титул аватара.

Аннев прикинул в уме свои шансы – и печально вздохнул.

В конце каждого месяца Академия устраивает испытания

для служителей веры, и победитель – а он может быть только один – становится аватаром суда. Класс Аннава уже четырнадцать месяцев участвовал в испытаниях, но заветный титул удалось получить меньше чем половине ребят. Их было бы больше, вот только новоиспеченные аватары не отстранялись от следующих испытаний и участвовали в них на равных с остальными.

«Это ведь нечестно, – в который раз возмутился про себя Аннев. – Особенно если учесть, что наш сбор – самый многочисленный из всех, какие только бывали в Академии».

Аннев затянул пояс туники, сунул ноги в мягкие кожаные башмаки и, завязывая шнурки, вспомнил своих друзей: тощего паренька по имени Терин и пухлого коротышку Титуса. Оба еще ни разу не побеждали в испытаниях, и при мысли об этом Анневу стало совсем паршиво: им троим, лучшим друзьям, придется соперничать друг с другом. Хотя, если подумать, какие из этих двоих соперники? Терин – прекрасный вор и жулик, но никак не боец, а про Титуса и говорить нечего. Он попал в Академию позже и был почти на два года младше остальных. В класс Аннава его перевели потому, что он проявлял необычайные таланты в области истории, земледелия, арифметики и прочих дисциплин, не имеющих отношения к боевым искусствам. Вот только для перевода в старший класс существовало жесткое условие: если Титус не пройдет Испытание суда вместе с одноклассниками, не видеть ему выпуска как своих ушей.

Нет, его не отчислят – из Академии еще никого не выгоняли, – но отныне ему будет запрещено даже думать о том, чтобы стать мастером-аватаром. Он, как и многие до него, станет стюардом, а это, как считал Аннев, самое страшное наказание: стюардам закрыт путь к титулу древнего, они не могут обучать служителей, не могут жениться. Удел этих несчастных – быть на побегушках у мастеров и древних и слепо выполнять любое задание, которое взбредет в голову мастеру расчетов.

Но и это еще не самое страшное: когда аватары становятся мастерами, их посылают на поиски артефактов, а если ты стюард – забудь о мире за пределами деревни. Всю оставшуюся жизнь ты проведешь в Шаенбалу.

Жаль их всех, и особенно жаль Маркоя, который целыми днями сидит в Проклятом хранилище, помогая мастеру Нараху записывать артефакты. Несколько лет назад в Шаенбалу разразилась эпидемия чумы, которая не обошла стороной и Академию: много погибло и старших учеников, и знающих жен, и мастеров-аватаров. Маркой оказался одним из тех немногих заразившихся, которым посчастливилось выжить. Но увы: когда проводились Испытания его сбора, он еще не оправился после болезни, а когда наконец выздоровел – оказалось уже слишком поздно.

Аннев надел черные перчатки и внимательно их осмотрел: левая уже заметно поизносилась. Он пожал плечами, снял ту, что выглядела поновее, и швырнул ее в сундук, а поношен-

ную натянул до локтя. Можно было бы надеть и обе, но мастера и древние уже привыкли к тому, что он часто является на занятия всего в одной перчатке, а потому и так сойдет.

Одевшись, Аннев отправился на кухню, где его ждал Содар. Старик бросил ему два толстых бурдюка, которые Аннев, как всегда, ловко поймал.

– Раз, – начал священник, – Два...

«Три» Аннев уже не услышал, потому что бросился к кухонной двери, выбежал в часовню и, промчавшись между рядами скамеек, вылетел на улицу. В темноте он обо что-то споткнулся и чуть не упал, но мгновенно восстановил равновесие и что есть духу понесся дальше.

Так начинался каждый день Аннава: он бегал за водой к деревенскому колодцу, а Содар сидел на кухне и считал. Изначально старик задумывал это задание как дополнительную тренировку для мальчика, но сам Аннев не находил в этих пробежках ничего интересного. Весь первый год он ныл, что ему скучно, и в конце концов Содар решил превратить рутину в игру.

– Наполни водой вон тот сосуд, – сказал как-то священник, указывая на большой глиняный котел в углу. – Управляйся раньше, чем я досчитаю до тысячи пятисот.

– А что ты мне за это дашь? – тут же спросил наглый мальчишка, которому на тот момент исполнилось восемь.

– Дам напиток.

Аннев нахмурился:

– Напиться я и сейчас могу.

– Больше не сможешь.

Содар подождал, пока смысл этих слов дойдет до мальчика.

– Ты что же, не дашь мне попить воды? – взорвался тут Аннев, не веря собственным ушам. – Но ведь это я ее приношу! Таскаю каждый день! Я!

Содар улыбнулся:

– Быстро смекаешь.

И старик не шутил. На следующий день Аннев набрал полные ведра воды и медленно, чтобы расплескать как можно меньше, двинулся домой. Как он и предполагал, воды хватило, чтобы наполнить котел до краев, вот только Содар успел досчитать до двух тысяч. Едва Аннев потянулся за ковшиком, чтобы зачерпнуть воды, как Содар молниеносно взмахнул посохом – и ковшик полетел в сторону.

– Ай! – вскрикнул Аннев, потирая руку, по которой уже расплзлся синяк. – Яйца Одаря! За что?

– Следи-ка за языком, – пристыдил его Содар, поднимая ковш с пола. – Ты и сам знаешь за что. Правила есть правила. Вода в котле не для тебя.

Аннев умирал от жажды, от него разило потом, но старик был непреклонен. Пришлось сначала бежать к колодцу, чтобы напиться и хоть немного привести себя в порядок, а уже потом – на учебу.

С тех пор Аннев старался не опаздывать.

Аннев мчался в предрассветных сумерках к колодцу. Толстую полоску кожи, служившую своего рода коромыслом, он набросил на шею так, что пришитые к ее концам мешки для воды болтались у него за спиной.

Он сам додумался до того, чтобы заменить ведра бурдюками, и чрезвычайно этим гордился. От ведер на ладонях вздувались мозоли, да и расплескать воду было проще простого, поэтому, после нескольких месяцев мучений, Аннев пошел к Элиасу, местному дубильщику, и спросил, может ли тот сшить мешок для воды. К концу недели у Аннева было уже два таких мешка, и управляться он стал намного быстрее: Содар даже не успевал досчитать до тысячи пятисот.

– Молодец, – сказал Содар, когда мальчик уже дюжину раз успел принести воды раньше установленного срока. – Теперь давай посмотрим, сможешь ли ты наполнить котел до того, как я досчитаю до тринадцати сотен.

Шли годы. Аннев становился все быстрее, а Содар давал ему все меньше времени: сначала, когда у мальчика появились бурдюки, – тысячу двести секунд, потом, когда Аннев развил выносливость, – еще меньше, а стоило пареньку научиться быстро бегать, не запутываясь в своем коромысле, – всего-навсего тысячу.

Аннев же, когда добежал до колодца, вел собственный счет. Вот и сейчас, перевесив бурдюки со спины на грудь, он пинком поднял задвижку, удерживающую ручку колодца, и замер, слушая, как ведро, гремя цепью, летит вниз. Как

только раздался всплеск, он схватился за ручку и начал крутить, считая:

– Раз. Два. Три. Четыре. Пять. Шесть. Семь.

После девятнадцати полных поворотов ведро вынырнуло из черноты. Аннев опустил щеколду на место, перегнулся через край колодца и погрузил в ведро один из мешков. Когда мешок наполнился, Аннев крепко завязал его, пнул щеколду и снова начал ждать.

Он восьмой раз поворачивал ручку, когда внимание его привлекло какое-то движение на другом конце площади. Аннев поднял голову и успел заметить, как фигура в желтом платье и белом переднике исчезла в сапожной мастерской, принадлежащей Грейсику. От удивления Аннев едва не перестал крутить ручку.

«За мной что, следят?»

Но кто? Точно не жена Грейсика – ей-то это зачем? Да у нее и одежды-то яркой нет, только грубое красное платье, в котором она в часовню ходит. Тогда кто? Маюн?

Месяц назад, когда Маюн, дочка главы Академии, помянула его в переулок за магазинчиком пекаря, на ней было такое же платье с передником. Она прислонила Аннева к стене – сердце у него тогда чуть не выпрыгнуло из груди – и достала из складок передника кусочек мела. Девочка прижала руку Аннева к красным кирпичам, аккуратно обвела ее, старательно избегая его взгляда, а когда закончила, то залилась краской. И тогда Аннев взял у нее мел, прижал ее руку

поверх контура своей и медленно обвел ее пальцы, запоминая все, что он чувствовал и видел: запах Маюн, черты ее лица, тепло ее кожи. Через неделю дождь и следа не оставил от белых линий, но Аннев по-прежнему вглядывался в кирпичную стену каждый раз, как проходил мимо пекарни.

Ведро глухо стукнулось о ворот, и вода плеснула через край. Аннев вздрогнул, опустил щеколду и быстро наполнил второй мешок. Потом бросил взгляд на дверь мастерской в надежде снова увидеть, как мелькнет желтое платье.

Но так ничего и не увидел.

Тогда он развернулся и побежал в часовню.

Обратный путь всегда оказывался тяжелее, но Аннев давно обнаружил, что если считать шаги – реже спотыкаешься. От колодца до часовни на краю леса было ровно тысяча одиннадцать шагов, и каждый из них Аннев проделал, не переставая думать о Маюн и кольце, которое он когда-нибудь ей подарит.

Улыбаясь, Аннев вбежал в часовню и на секунду остановился, оглядывая зал. Все-таки их часовня совсем маленькая. Да, места здесь всем молящимся хватает, и все же ей не сравниться с огромным храмом Академии. Прижимая к груди мешки с водой, Аннев промчался по проходу, взлетел на помост и в два прыжка очутился у маленькой дверцы, ведущей в их с Содаром домишко.

Он вихрем ворвался внутрь.

– Девятьсот шестьдесят три. Девятьсот шестьдесят четы-

ре...

– Я тут! – выпалил Аннев, вваливаясь в кухню и снимая с шеи бурдюки.

Содар, продолжая считать, ткнул пальцем в котел, стоящий в углу. Аннев застонал, но все равно схватил мешки и бросился наполнять котел водой.

– Девятьсот семьдесят один, – произнес Содар, когда его воспитанник отбросил бурдюки в сторону и тяжело опустился на пол. – Что это с тобой, Аннев? На прошлой неделе я не успевал досчитать даже до восьмисот.

Аннев, хоть и запыхался, по-прежнему улыбался во весь рот.

– Да так, – рассмеялся он. – Задержался немного.

– Почему?

– Подумал, что увидел Маюн у сапожника.

– Хм. – Содар задумчиво подергал бороду. – Что ж, причина уважительная.

Он взял с полки ковш и принялся наливать воду в висевший над огнем чайник.

– Так это и вправду была она?

– Не знаю. Скорее всего. Она зашла в мастерскую, когда я набирал воду.

Содар покачал головой:

– А что бы сказал Тосан, узнай он, что ты ухлестываешь за его дочкой? Я тебя спрашиваю. Довольно и того, что вы натываетесь друг на дружку в Академии. Но если ты еще и по

улицам деревни начнешь за ней бегать, да еще и без ведома отца...

Аннев поднялся и сел на стул.

– Тосан, – усмехнулся он, – может взять свое мнение и засунуть его куда подальше.

– Аннев! – Содар резко повернулся, и вода из ковша плеснула на пол. – Тосан – старейший из древних и глава Академии. Прояви хоть немного уважения.

– Сколько угодно, – ответил мальчишка. – *Старикан* Тосан может взять свое мнение...

Но тут же осекся, перехватив ледяной взгляд Содара, и нервно сглотнул.

– Прости, Содар. Я... Просто завтра Испытание. Я волнуюсь.

Содар снова отвернулся к чайнику, но Аннев мог бы поклясться, что услышал сдавленный смешок и «старикан Тосан, надо же».

Мальчик улыбнулся. Что бы там Содар ни говорил, они с Тосаном никогда не питали друг к другу большой любви. Раскол между духовенством и Академией произошел еще несколько десятков лет назад – задолго до появления Содара в Шаенбалу, и ситуация лишь усугубилась, когда священник забрал себе в ученики Аннева. Содар, однако, не предпринимал ни малейших попыток, чтобы наладить отношения с Академией, и даже более того: Анневу вообще иногда казалось, что Содар нарочно подливает масла в огонь.

Наполнив чайник, Содар отдал ковш Анневу. Мальчик зачерпнул воды из котла и сделал несколько жадных глотков.

– Ловушки, которые захлопнулись, не переустанавливай, а те, что не сработали, захлопни.

Священник бросил в чайник чайные листья и палочки корицы.

– А ловушки для птиц не трогать, я помню, – сказал Аннев, возвращая ковш на полку.

– Нет, их тоже. «В праздник сей великий не вкушай ты ни зверя, ни рыбы, ни птицы».

– Но ведь это не Седьмой день, – возразил Аннев.

– Нет, это первая ночь Регалея, – произнес Содар и бросил в чайник горсть истолченного в порошок корня цикория. – К тому же, если завтрашнее Испытание пройдет, как и предыдущие, наутро ты будешь расстроен, а значит, мне опять придется половину работы за тобой переделывать. – Он покачал головой. – Лучше подготовиться заранее, так что захлопни все ловушки.

Юноша нахмурился. Обязательно стоило лишний раз напоминать об Испытаниях – и о том, как они всегда заканчиваются? Ему вдруг захотелось сказать что-нибудь назло старику.

– Но в Книге Одара говорится, что в великие праздники нельзя есть мясо. Почему тогда в Седьмой день мы едим птицу и рыбу?

– Потому что Седьмой день – обычный праздник, а Рега-

лей – великий праздник.

Аннев еще больше насупился:

– И что с того? Разве мы...

– Аннев, ты и вправду сейчас хочешь спорить о том, чем обычные праздники отличаются от великих? – спросил Содар. – В третьем веке на Совете Нивен нан Су’ул пытались выяснить, в чем же между ними разница. Целые фолианты про это написаны, и все в основном не стоят и куска лошадиного дерьма.

Аннев так и разинул рот от изумления, но Содар будто ничего не заметил: на его губах промелькнула улыбка, и он вернулся к своему чаю.

– Не скрою, – продолжил священник, – временами и мне не чуждо лицемерие. Но, по крайней мере, в этом вопросе я, в отличие от моих братьев, всегда стараюсь быть честным. – В его глазах плясали искорки, когда он снова повернулся к ученику. – Но дело ведь не в праздниках и не в Книге Одара. И даже не в том, как ты справляешься со своей работой по хозяйству, верно?

Аннев смотрел на наставника, не решаясь заговорить.

На несколько мгновений в кухне повисла тишина, а потом Содар произнес:

– Ты справишься, мальчик. И знай: что бы завтра ни случилось – я горжусь тобой.

Аннев, вспыхнув до корней волос, кивнул.

– Ну да, – хрипло сказал он. – Я пойду захлопну ловушки.

Что еще сделать?

Содар помешал плавающие в чайнике листья.

– Дров не руби – у нас в сарае их еще предостаточно, до следующей недели хватит, так что вернись пораньше.

– До занятий еще много времени, я успею.

– Не успеешь, если рассчитываешь переодеться и умыться. По сравнению с твоей чумазой физиономией эта туника почти белая.

Аннев через силу улыбнулся и потер щеку. Она и вправду оказалась чумазая, но, может, он только что ее испачкал – рука-то тоже в грязи.

– Понял, – сказал он. – Я мигом.

И выскочил из кухни, пока Содар не придумал для него еще какое-нибудь дело.

Глава 2

Раньше дверь в дальнем конце кухни выходила прямо на улицу, но, когда Аннев подрос, Содар соорудил за ней деревянную пристройку, чтобы мальчику было где тренироваться. Получилось довольно просторное помещение: здесь нашлось место не только для всего их тренировочного арсенала, но и для поленницы дров, погреба и крошечной уборной.

Войдя в комнату, Аннев снял с крюка на стене сумку для дичи и охотничий нож. Бросив взгляд в угол, где располагалась уборная, мальчик вздохнул, подбежал к низенькой деревянной коробке и вытащил из-под нее ночной горшок. Держа его в вытянутой руке, Аннев вышел из пристройки и зашел рысцой к лесу, который находился в четверти мили. Там он вылил содержимое горшка в кусты (особенные, предназначенные именно для этой цели кусты), поставил горшок на землю и, пригнувшись, бесшумно заскользил между деревьями. Какой, интересно, ждет его улов?

Сделав дюжину шагов, Аннев на мгновение замер, с наслаждением втягивая носом густой аромат Чащи и прислушиваясь к привычным звукам. Все здесь было хорошо ему знакомо: и высокие вечнозеленые ели, и дубы с березами, все еще сохранившие кое-где сухие скукоженные листья – деревья стряхнут их лишь после того, как набухнут почки, обещая новый наряд, ничем не уступающий прошлогоднему.

Свернув на одну из звериных троп, Аннев помчался в самую глубь Чащи, где стояли его ловушки.

Через полчаса в его сумке уже лежали фазан, две толстенькие белки и на удивление жирный кролик. Аннев заспешил обратно и уже почти добежал до опушки, но тут кое-что привлекло его внимание: вокруг нескольких сосен, несмотря на яркий солнечный свет, проникавший сквозь их кроны, клубились плотные черные тени.

Сумеречные омуты редко появлялись в Чаще, Аннев лишь несколько раз натыкался на них, когда забредал вглубь леса. Но он всегда обходил их стороной и никогда еще не видел омут рядом с деревней.

Закинув сумку с дичью на плечо, Аннев подошел к кусту терновника, нагнулся и подобрал камень размером с пол-ладони. Взвесив его в руке, он повернулся к омуту и швырнул в него снаряд.

Камень с тихим свистом исчез в черном облаке. Аннев немного подождал, всматриваясь в колыхающиеся тени.

Ничего.

Мальчик раздосадованно вздохнул. Он так надеялся, что произойдет хоть что-нибудь, а тут – сплошное разочарование. Но Аннев не собирался так просто сдаваться.

Он нагнулся, чтобы подобрать еще один камень, но, поскольку не сводил глаз с теней, схватился за терновник. Вскрикнув от боли, мальчик выпустил колючую ветку, несколько раз сжал руку в кулак и посмотрел на ладонь: на

ней уже набухли две красные капли. Аннев чуть было не вытер ладонь о тунику, но вовремя остановился. Его школьная форма и без того не первой свежести, не хватало еще на ней пятен крови.

Он оглядел землю, застланную сухими сосновыми иглами, и заметил серый камень вдвое больше предыдущего. Осторожно отодвинув в сторону ветку терновника, Аннев подобрал камень, вытер о его прохладную поверхность зудящую от укулов ладонь, а после этого бросил его в чернильную пустоту.

Сначала ничего не происходило. Но вдруг облако непроницаемой темноты едва заметно содрогнулось, и по всему омуту пробежала малиновая рябь. Аннев и моргнуть не успел, как все закончилось, будто и не было ничего.

Тут Аннев по-настоящему разозлился. Он приблизился к омуту вплотную и, хоть сердце его колотилось в груди как сумасшедшее, сунул ногу в черноту. Убедившись, что ничего не происходит, Аннев сделал шаг вперед, потом еще один и еще. Мальчик чувствовал, как становится все холоднее. Сначала тени плескались на уровне его колен, пара шагов – и они почти полностью скрыли бедра. Это было все равно что брести в густом осеннем тумане через мельничный пруд. Однако чем глубже погружался Аннев во тьму, тем нестерпимее становился холод – и тем отчетливее он ощущал, что кто-то или что-то пристально за ним наблюдает. Анневу стало плохо, голова у него закружилась – точно так же, как в те мо-

менты, когда он смотрел вниз с высоких стен Академии, – и, выждав еще пару мгновений, он поспешил прочь.

Вынырнув из облака теней на свет, Аннев тут же обозвал себя дураком. Никого, кроме него, в лесу нет, а в сумеречном омуте ничуть не холоднее, чем в обычной тени. И ничего страшного в нем нет. А он, глупый, просто струсил безо всякой на то причины. И все-таки, как бы Аннев себя ни успокаивал, ему было не по себе. Он бросил быстрый взгляд на клубящиеся тени, вздрогнул и помчался домой.

– Ты горшок опорожнил? – первым делом спросил Содар, едва Аннев переступил порог кухни.

– Само собой, – ответил Аннев, радуясь, что самое неприятное позади.

– Хорошо. Умойся, поешь и займемся магией.

Аннев застонал:

– Мы же уже занимались, на прошлой неделе!

– А должны заниматься каждый день, – осадил его Содар, наливая себе чай. – Но перевод Спеур Дун занимает у меня все свободное время. – Он вздохнул, пригладил бороду и отхлебнул из кружки. – Нужно это исправить. К тому же приближается Регалей, а значит, магия будет даваться тебе проще, чем обычно.

Аннев опустил руки в холодную воду и начал энергично тереть правую ладонь, на которой остались следы крови; когда с этим было покончено, зачерпнул воды в ладони и плес-

нул на лицо.

– А что, перед Регалеем к магии проще подступиться? – спросил он.

– Судя по моему опыту – да.

Содар бросил ему полотенце.

– Может, поэтому и появляются сумеречные омуты?

– Сумеречные омуты?

Аннев кивнул и кинул Содару мокрое полотенце.

– Такие места в Чаще, в которых собираются тени. Они еще похожи на настоящий пруд.

– Да, ты уже как-то о них упоминал, только называл по-другому. И сегодня тебе попался такой омут?

Аннев потер перчатку, скрывающую его левую руку до локтя, и снова кивнул.

– Недалеко от опушки. – Он задумался. – Раньше они так близко не подходили.

Он вспомнил, как ему было холодно, пока он брел сквозь тьму, и вздрогнул. А когда поднял голову, увидел, что Содар внимательно наблюдает за ним.

– Омуты, говоришь? – спросил старик, не сводя с него глаз. – Ты ведь всегда обходил их стороной.

Аннев снова кивнул.

– И никогда не пытался подобраться поближе?

Аннев пожал плечами:

– Не совсем. Сегодня, к примеру, я подошел и бросил в него пару камней. Но ничего особенного не случилось.

Содар продолжал буравить его взглядом. Было ясно: старик ждет продолжения истории. Наконец, крикнув, он снова принялся за чай.

– Сам я эти омуты никогда не видел, – сказал он и сделал большой глоток из кружки. – Но, думаю, ты прав насчет них. Чаща непостижимым образом связана с царством теней, и связь эта становится крепче во время Регалея. Может, они и безвредны, но я бы все равно держался от них подальше.

Содар замолчал, ожидая ответа, но Аннев молчал. Тогда старик погрозил ему пальцем и произнес:

– Я хочу это услышать, Аннев. Обещай, что и близко не подойдешь к этим сумеречным омутам.

Аннев нервно сглотнул:

– Обещаю.

– Вот и хорошо, – сказал Содар. – Ну что ж, коль магия Чащи сегодня сильнее обычного, надо полагать, что и твоя не подкачает. Времени на глифы у нас нет, так что займемся мешком.

И с этими словами извлек из складок мантии кусок выцветшей зеленой ткани.

Аннев издал мученический стон и плюхнулся на стул напротив старика. Священник нахмурился, и мальчишка, нацепив на лицо восторженную улыбку, с притворной радостью воскликнул:

– Давай же сюда свой бездонный куль разочарований!

Содар фыркнул и бросил мешок на стол. Аннев подтянул

его к себе, развязал и сунул в него правую руку.

– У меня сроду ничего не получалось.

Содар пожал плечами:

– Как знать? Вдруг сегодня получится.

– Ага. Например, он откусит мне руку.

Содар улыбнулся и отпил из кружки.

– Это вряд ли. Какой прок от мешка-тайника, если он будет откусывать руки? И вообще, мешок ничего не может у тебя забрать – сначала ты должен опустить предмет.

Аннев задумчиво потеревил ткань.

– Почему с артефактами, что нам дают для тренировок, я работать могу, а с этим мешком – нет?

– Потому что артефакты бывают разные: одни создаются для всех, другие – для некоторых, а третьи – лишь для одного-единственного человека. Мастера и древние полагают, что никто из учеников не владеет магией, поэтому они дают вам простые артефакты – те, что одинаково хорошо работают в любых руках. Но мешок-тайник поддается лишь тому, у кого есть талант, а значит, чтобы привести его в действие, необходимо приложить больше усилий. Одного лишь желанья, волшебного слова или взмаха руки будет недостаточно.

– И что я должен вытащить? – проворчал Аннев.

Содар откинулся на спинку стула и пригладил бороду.

– Завтрак. Достанешь – ешь на здоровье.

– Очень смешно, Содар.

– А я и не шучу.

– Погоди-ка, – взвился Аннев. – Ты серьезно? Ты и правда засунул туда мой завтрак?

Священник молча кивнул.

– Но... я ведь еще никогда ничего не вытаскивал! Я же умру с голоду!

– Не по моей вине. Твой завтрак лежит внутри. Никто не мешает тебе его съесть.

Аннев нахмурился, но снова принялся шарить в пустом мешке. На каждом занятии магией он чувствовал себя полным дураком, и сегодняшнее не являлось исключением.

– Мне будет проще искать, если ты скажешь, что именно я должен найти.

– Бекон.

Аннев в недоумении замер:

– Но у нас нет жареного бекона. Я бы учуял запах.

Содар широко ухмыльнулся:

– Верно. Но год или два назад я спрятал в мешке несколько сочных ломтиков. Наверняка еще не испортились.

Аннев тут же представил под пальцами склизкое прогорклое сало, и его передернуло от отвращения. Он выдернул руку из мешка и кинул злосчастным артефактом в своего наставника.

– Не верю я тебе.

На что священник невозмутимо ответил:

– Воля твоя. Мне больше достанется.

Потом запустил руку в мешок и вытащил из него толстый

кусочек жареного бекона.

Аннев глазам своим не мог поверить, а Содар принялся спокойно уплетать свой горячий улов. Это был самый настоящий бекон! Аннев почувствовал запах жира и копченого мяса, и его желудок сжался от голода.

– Давай его сюда.

Содар как раз доел последний кусочек. Он толкнул мешок к ученику и с удовольствием облизал жирные пальцы.

И Аннев, нарисовав в воображении полную тарелку хрустящего бекона, снова попытал счастья.

– А скажи, – обратился он к Содару, водя рукой под зеленым полотном, – почему бекон не остыл? Потому что время внутри мешка остановилось?

– Я вижу это так: мастер, создавший этот артефакт, соединил его с неким пространством, время в котором течет очень медленно. Думаю, еще и поэтому мешок так хорошо сохранился.

Аннев с сомнением покосился на потрепанную ткань:

– А по-моему, он уже на ладан дышит.

– Пусть так. Но сколько ему лет, как ты думаешь?

Аннева, который изо всех сил пытался сосредоточиться на горячем беконе, этот вопрос сейчас интересовал меньше всего.

– Понятия не имею. Лет сто?

– Три-четыре тысячи.

Мысли о завтраке тут же вылетели у мальчишки из голо-

ВЫ.

– Его сделали в Век королей?

– Да. Если не раньше.

– Но откуда ты знаешь? И почему так в этом уверен?

Содар потянулся за мешком, и Аннев нехотя уступил. Что ж, видно, не судьба ему сегодня позавтракать.

– Потому, – произнес священник, – что однажды я захотел вытащить монетку. – Он демонстративно сунул морщинистую руку в мешок. – За несколько дней до этого я бросил сюда горсть монет, а поскольку, кроме хлеба, ничего покупать не думал, одной монетки мне было бы достаточно. – Содар вынул руку и бросил на стол изогнутый медяк. – Представь себе, как я удивился, когда увидел вот это.

Аннев поднял монетку. Она оказалась тяжелее, чем он ожидал, и совсем не похожа на медные щитки и звездочки, с которыми народ ходил на рынок, – она была не совсем круглая, с грубыми ребрами. Изображения на ней почти стерлись, но Аннев сумел разобрать вздыбленное море и разделяющий его надвое посох Одара на фоне исчерченного молниями неба. Среди волн он прочел буквы: «У-Р-Р-А-Н». На реверсе он увидел угрожающего вида молот, напоминающий вороний клюв: кузнечный молот и в то же время мощное оружие, он грозно парил над дымящейся наковальней.

– Кеос, – прошептал Аннев и, ошеломленный, разжал пальцы. Монета упала на стол, неуклюже прокатилась вперед и легла перед Содаром.

– Воистину, Кеос, – подтвердил Содар, поднимая тяжелый медяк.

– Никогда таких не видел, – выдохнул Аннев. – Это даритская или терранская?

– И даритская, и терранская. – Содар покрутил монету в руках. – В Век королей у народов Дароэи и Терры некоторое время ходили одни и те же деньги. Это время еще называлось вторым веком.

– Ну и что? Разве по ней можно судить о возрасте мешка? Ты сам мог ее туда уронить, а если не ты, то какой-нибудь коллекционер.

Содар покачал головой:

– Такие монеты вышли из обращения еще во втором веке, так что, думаю, это маловероятно. Но есть и еще кое-что.

Он вывернул мешок наизнанку. Аннев долго не мог сообразить, что старик хочет ему показать, пока наконец не увидел надпись «УРРАН», вшитую в сам шов.

– И что это?

– Не что, а кто. Этот мешок создал тот же терранец, что отлил форму для этой монеты. Талантливейший ремесленник своего времени, мастер, не знавший себе равных и всецело посвятивший себя искусству. Он родился на заре второго века. Поначалу он ставил свое клеймо на каждом творении: хотел, чтобы мир знал, чьи руки создали этот непревзойденный шедевр. – Содар ловко перекатил монету между пальцами. – Однако с возрастом Урран понял, что труд

его ничтожен на фоне бесконечного величия мира, поэтому бросил создавать артефакты и ушел в священники.

– Он стал владыкой крови?

– И да и нет. Видишь ли, терранцы называют владыками крови тех представителей своего народа, кто обладает талантом создателя, как Урран. Мы же, дариты, не делаем между терранцами таких различий. По сути, Урран остался мастером артефактов, вот только свой талант он предпочел употребить на то, чтобы превратить в шедевр самого себя.

– А поскольку, – подытожил Аннев, – он перестал создавать артефакты, можно сделать вывод, что мешок и монета почти одного возраста.

– Точно. – Содар повернул монетку к свету, чтобы были видны полустертые буквы.

– А что случилось с Урраном, когда он стал священником?

Содар сделал неуловимое движение пальцами, и монета исчезла.

– А об этом я расскажу в следующий раз.

Он нагнулся вперед, вытянул руку – и вытащил монетку у мальчика из-за уха. Аннев презрительно хмыкнул и закатил глаза: тоже мне ловкач! Содар улыбнулся:

– Не стони, показать хороший фокус – это целое искусство. – Содар бросил монетку в мешок. – Давай, теперь твой черед. Достань мне монету Уррана.

Аннев взял мешок в левую руку, раздвинул края зеленой ткани и заглянул внутрь. Потом вздохнул и помотал головой:

– Да не могу я, Содар. Я не нашел бекон, и монету тоже не найду. Повезет еще, если удастся вытащить хотя бы пару пылинок.

– Этого будет достаточно.

Аннев недовольно запыхтел, но все равно сунул руку в мешок и принялся водить ею туда-сюда. Сдался он уже через несколько секунд.

– Ты ведь понимаешь, каково это? Шарить в пустом мешке? Это же...

– Тщетность в чистом виде?

– Да идиотизм это в чистом виде.

Содар махнул рукой перед его лицом, давая понять, что не желает слышать никаких отговорок.

– Просто скажи себе, что хочешь найти эту монету. Вспомни, какая она на вид, вспомни ее тяжесть.

Аннев начал водить рукой по кругу.

– Старая-престарая медная монета... Ага, понял. Вот сейчас я ее представлю как следует.

– Я уронил ее в мешок, ты сам видел. Она там, просто найди ее.

Поводив рукой еще несколько раз, Аннев вдруг замер. Глаза его расширились, а брови полезли на лоб от изумления.

– Кажется, нашел, – прошептал он, медленно вытаскивая руку из поблекшего зеленого мешка.

Содар, не сводя взгляда с его крепко сжатого кулака, по-

дался вперед:

– Вот как? Да ты просто молодец, мальчик! Очень, очень хорошо. Теперь дай мне на нее взглянуть.

Он протянул руку ладонью вверх, Аннев разжал кулак...

Но в нем ничего не оказалось.

Содар, нахмурившись, поднял глаза, и мальчишка, который все это время с трудом сохранял серьезное выражение лица, прыснул со смеху.

– Купился! Прости, Содар, но тебя так легко надуть.

Священник раздраженно фыркнул и схватил мешок:

– Если бы ты меньше дурачился, у тебя бы лучше получалось.

– Если бы у меня хоть что-то получалось, тогда я и дурачился бы меньше, – парировал Аннев.

Он встал из-за стола.

– Мой завтрак оставь себе, а я уже побегу. Если опоздаю на урок, Дорстал не допустит меня к Испытанию.

Содар кивнул. Поднявшись со стула, он подошел к мальчику и положил руку ему на плечо:

– Сегодня будь внимателен. Вас, мальчишек, накануне Испытания суда так и тянет подраться. Особенно Фина. Но хороший вор тем и хорош, что не ввязывается в драки, а знает, как их избежать.

– Содар, мы не воры – мы аватары!

– Не вижу большой разницы, – проворчал старик. – Но меня радует, что хоть что-то ты воспринимаешь всерьез. –

Он взял со стола кружку и мешок. – Ты лучший аватар в своем классе, Аннев, и не важно, дадут тебе этот титул или нет. Тебе нечего доказывать.

Аннев подумал о предстоящих состязаниях. Раньше они с друзьями всегда действовали заодно, но завтра...

Титус, Терин или я... Победа достанется лишь одному из нас.

Тут он вспомнил о кольце обещания, которое было спрятано в его комнате, – том самом, что он собирался подарить Маюн в последнюю ночь Регалея. Когда Аннев попросил кузнеца Шраона выковать это кольцо, он ничуть не сомневался, что станет одним из первых, кто пройдет Испытание суда. Ведь ученикам не разрешается вступать в отношения, пока они не станут аватарами, а жениться и вовсе позволено лишь мастерам-аватарам и древним. Так что, если завтра Аннев провалится, он станет стюардом, а значит, не видать ему ни Маюн, ни блестящего будущего в Академии.

А этого допустить нельзя. Он попросту не может проиграть. Он не станет стюардом и не потеряет Маюн. Решено: завтра он скажет друзьям, что каждый сам за себя. Так будет честно. Их судьба – в их собственных руках.

Но в самых дальних закоулках его сознания гнездилась еще одна мысль: как и прежде, объединиться с Титусом и Терином, сказать им, что сообща они смогут победить, а потом, когда возникнет такая необходимость, сразиться против них. Едва Аннев нарисовал себе этот план, как в животе у

него похолодело.

Обуреваемый противоречивыми эмоциями, Аннев взглянул на Содара и нервно сглотнул.

– Ты прав, – произнес он. – Мне нечего доказывать.

Глава 3

Древний Дорстал расхаживал перед учениками туда-сюда, шурша полами своей черной мантии. Сквозь маленькое застекленное окошко в комнату просачивался тусклый утренний свет, который едва позволял рассмотреть лицо древнего, скрытое капюшоном.

На высоком столе справа от Дорстала лежали двенадцать металлических и деревянных жезлов. Слева, за столами из мореной древесины, расставленными в три ряда, сидели двенадцать юношей. Пятеро из них были одеты в чистые туники насыщенного коричневого цвета, тогда как форма всех остальных, включая Аннева, имела различные оттенки бежевого.

– ...Некоторые утверждают, что магические жезлы в большинстве своем безобидны, – говорил Дорстал. – Их применяют для исцеления больных, а также в домашнем хозяйстве – для стирки белья и кипячения воды. Но в любой момент они могут быть использованы не по назначению.

Дорстал остановился перед мальчиком в грязной бежевой тунике. Сидящий в последнем ряду дородный парень в коричневом громко зевнул. Двое мальчишек в таких же коричневых туниках тихонько захихикали, давась от смеха. Дорстал не обратил на них внимания.

– Именно поэтому собирать артефакты необходимо с пре-

дельной осторожностью, независимо от их свойств. Благодаря труду аватаров и мастеров Шаенбалу в северо-западной Дароэ почти не осталось великих и темных жезлов, но даже самый простой жезл при неосторожном обращении может вас убить.

Тут Аннев поднял руку. Дорстал отвернулся и направился к столу с артефактами. Аннев, не опуская руки, терпеливо ждал.

– Перейдем к разновидностям магических жезлов. – Дорстал вынул из кармана кусок мела и начал писать им на грифельной доске, врезанной в стену. – Великими называют жезлы огромной магической силы. – Дорстал нарисовал две звездочки, большую и поменьше, одну напротив другой. – Сам термин «великий» может иметь отношение и к внешнему виду жезла, однако в основном служит для описания его мощи, – он обвел большую звезду, – диапазона его возможностей, – соединил звездочки пунктирной линией, – или продолжительности действия. – Над большой звездой он нарисовал еще две маленьких. – Итак, одни жезлы называются великими, потому что вызванные с их помощью эффекты длятся долгое время – в некоторых случаях и вовсе бесконечно. – Он дважды стукнул мелом по большой звезде. – Другие – из-за их силы, интенсивности действия или же способности работать на внушительных расстояниях.

Дорстал перечеркнул пунктир жирной линией и повернулся к классу. Бросив быстрый взгляд на поднятую руку

Аннева, он снова занялся лежащими на столе артефактами.

– Темными же называют любые жезлы, чье единственное предназначение – причинять боль, наносить физические увечья и подчинять себе волю других.

– Древний Дорстал, – подал голос Аннев.

– Что, слугитель Айнневог? – рявкнул Дорстал.

Аннев опустил руку.

– Я понимаю, почему мы забираем великие и темные жезлы, – начал мальчик, тщательно подбирая слова. – Но если это самый обычный жезл, которым пользуется дровосек или прачка, зачем его отбирать? Он ведь никому не вредит, так почему мы...

Здоровяк, сидевший через стул слева от Аннева, застонал:

– Тебе-то это зачем? На задания отправляют аватаров, а ты завтра станешь стюардом!

Он наклонился за спиной сидящего между ними мальчика и перехватил взгляд Аннева.

– Уж я об этом позабочусь, – прошептал парень, и в его глазах загорелся недобрый огонек.

Аннев старался держать себя в руках, но это давалось ему нелегко. Слова аватара задели его за живое. Фин не оставлял другим ни малейшего шанса, из четырнадцати состязаний он победил в четырех, еще одна победа – и в Академии установится новый рекорд.

Дорстал между тем выглядел так, как будто его только что заставили прожевать пол-лимона, но ни его сморщенное ли-

цо, ни издевки Фина Аннаева не остановили.

– Древний Дорстал, вы говорили, мы забираем магические предметы потому, что люди используют их во зло. Но как нам это понять? Почему мы заранее решаем, что все владельцы артефактов – плохие? Это ведь нечестно.

Глаза Дорстала яростно сверкнули, и Аннев вжался в стул.

– Я так думаю, – тихо уточнил он. – По-моему, мы поступаем нечестно.

– Вам и не нужно ничего понимать, служитель, – сухо ответил Дорстал. – Даже если завтра вы получите титул аватара, вашего понимания все равно не потребуется. Обязанность аватара – забирать опасные артефакты из рук опасных людей. А вопросы нравственности оставьте древним.

Любой бы сообразил, что разговор на этом закончен, но только не Аннев.

– А как же быть с жезлами исцеления? – не сдавался он. – Они ведь не представляют никакой опасности. Зачем тогда их красть?

– Уже много веков, – заявил ледяным тоном древний, – магия вне закона. Магия есть зло. Те же, кто продолжает ею заниматься, – преступники. Эти люди порочны по природе своей, а кроме того, они жаждут власти. – Дорстал сделал паузу, ожидая возражений, но Аннев молчал. – Магия опасна в любом виде и независимо от того, кто ею занимается. Наш долг – защитить от нее людей. А для этого мы собираем артефакты и прячем их в Проклятом хранилище, где их

неусыпно охраняет орден древних.

Аннева так и подмывало спросить: почему на тренировках использовать магические предметы можно, а для исцеления ран – нельзя, но он решил, что не стоит испытывать судьбу. Этот спор ему все равно не выиграть, а если он не уgomонится – Дорстал еще больше взбесится и, чего доброго, не допустит Аннева до завтрашнего Испытания. Дорстал, лицо которого снова приняло обычное выражение, коротко кивнул и снова повернулся к столу с жезлами.

– Итак, после того как вы раз и навсегда уяснили, что *все* жезлы опасны, – он сурово взглянул на Анневу, – вы должны научиться отличать магические жезлы от тех, что лишены волшебной силы. Иногда деревянная палка – это всего лишь деревянная палка. Артефактами же являются лишь те предметы, которые содержат в себе магию.

Дорстал обвел взглядом сидевших перед ним учеников.

– Вы долго обучались умению распознавать артефакты. И сегодня, в преддверии вашего последнего Испытания, мы проверим, хорошо ли вы усвоили урок. – Теперь он смотрел только на семерых мальчишек в бежевой форме. – Вы должны определить, есть ли магия в этих жезлах, – он указал рукой на стол, – и если это артефакты, то для чего они предназначены.

Дорстал ткнул скрюченным пальцем в тощего парнишку, одетого в замызганную тунику:

– Терин.

Терин неуклюже выбрался из-за стола, быстро подошел к древнему и, найдя глазами Аннава, криво усмехнулся. Дорстал, смерив черноволосого пострела надменным взглядом, произнес:

– Выбирайте жезл, Терин.

Терин несколько секунд изучал лежащие перед ним предметы, потом поднял правую руку – но она так и застыла в фуге над поверхностью стола.

– Чтобы почувствовать природу жезла, Терин, его нужно взять в руки.

Кто-то на заднем ряду рассмеялся. Терин, краснея от стыда, схватил двумя пальцами тонкую палочку, вырезанную из ясеня.

– Давайте без нежностей, – фыркнул Дорстал. – Что это за аватар, который боится взять в руки артефакт?

Его слова вызвали новый приступ веселья среди учеников, но Дорстал с невозмутимым видом продолжил:

– Если хотите понять, что этот жезл собой представляет, двумя пальцами вы не отделаетесь.

Терин скривился, но все же зажал ясеневую палочку в ладони.

– Теперь хорошо. Итак, что вы нам поведаете?

Мальчишки, которые только что смеялись над своим товарищем, застыли в ожидании. Даже Аннаву стало любопытно, справится его друг или нет. В этом деле Терин, конечно, не являлся лучшим в классе, однако обычно у него получа-

лось весьма неплохо.

– В этом жезле заключена магия, – уверенно произнес он наконец. – Это сразу чувствуется. А еще он очень холодный. У меня даже рука замерзла.

Дорстал скинул капюшон, выставив на всеобщее обозрение гладкую лысину.

– Дальше?

Мальчик поник.

– Даже не знаю. А что еще я должен почувствовать?

Дорстал выдернул предполагаемый артефакт из руки Терина и положил себе на ладонь. Мальчишки, затаив дыхание, наблюдали за учителем. Тот подержал палочку несколько секунд, словно оценивая вес, а потом вернул на место.

– Это жезл истинного видения, – произнес древний, глядя на Терина. – Полагаю, поверхность его холодна потому, что сегодня ночью нас ожидают заморозки. Это было бы ясно как день любому, кто с рождения отравлен ядом магии. Но при должном усердии даже чистая душа научится распознавать истинную суть артефакта.

Он все так же не сводил с мальчика внимательных глаз.

– Вы справились, Терин. А задание вам досталось не самое простое.

Терин вернулся к своему столу и, облегченно выдохнув, плюхнулся на стул.

– Следующий?

Тут же в воздух взметнулись четыре руки, но Дорстал вы-

брал ученика, которого не было среди желающих.

– Фиюнай.

Фин поднялся со стула и вальяжно прошествовал через классную комнату, потряхивая на ходу спутанными локонами, напоминающими сосульки. Он был высок, отлично сложен и красив.

И совершенно безжалостен к остальным, особенно к Анневу.

Когда он приблизился к длинному деревянному столу, Дорстал произнес:

– Выбирайте жезл, аватар Фиюнай.

Фин, небрежно откинув волосы с лица, взял жезл, полностью отлитый из золота. Аватар крепко сжал его в руке, прикрыл на несколько секунд глаза и сосредоточился.

– Это артефакт, – заявил он. – Я чувствую в нем пульсацию магической силы. И он жжет мне ладонь. – Фин помедлил, вопросительно глядя на древнего. – Какое неприятное ощущение... Будто его использовали для того, чтобы причинять боль.

И замолчал, дожидаясь реакции Дорстала.

Древний пожал плечами:

– Не исключено. Но можете ли вы определить, с какой именно целью создавался этот жезл?

– Ну... чтобы мучить людей? – нерешительно предположил Фин.

И тут Дорстал, до этого не сводивший с мальчика внима-

тельного взгляда, расхохотался. Он так сильно хохотал, что на глазах у него выступили слезы, он закашлялся и сложился пополам; трясась от смеха и кашля, он то прикрывал рот рукой, то судорожно хватался за мантию. Оторопевшие ученики наблюдали за своим учителем, толком не зная, что им делать: то ли смеяться вместе с ним, то ли звать кого-нибудь на помощь.

Наконец Дорстал совладал с собой. Он вытер глаза, весело крякнул и разгладил складки мантии.

– Что ж, – сказал он, – очень хорошо, Фиюнай.

И похлопал аватара по плечу.

– Хоть этот жезл не из темных или великих, но, думаю, вы правы: кое-кому он вполне мог доставлять неудобства.

Древний взял жезл у Фина. Мальчишка переглянулся со своими дружками Яспером и Келлором, которые сидели на последнем ряду вместе с ним, но те лишь недоуменно пожали плечами.

– Это королевский стержень очищения, – объяснил Дорстал. – Предназначен для знатных особ, слишком утонченных для того, чтобы самостоятельно подтирать себе зад.

Фин брезгливо поморщился, вытер руку о тунику и поспешил вернуться на свое место.

Дорстал продолжал тихонько посмеиваться ему вслед, но, когда Фин уселся, лицо древнего снова превратилось в суровую каменную маску.

– Служитель Айнневог.

Все, как по команде, обернулись и уставились на Анневу. Мальчик поднялся и направился к столу. Фин, Яспер и Келлор принялись о чем-то шептаться, но Анневу было все равно: главное сейчас – не ударить в грязь лицом.

Кроме золотого, на столе лежало еще четыре жезла из различных металлов. Аннев точно знал, что два из них серебряные, один из бронзы. Непонятно было лишь, из чего отлит последний. Возможно, из стали.

А вот деревянные его смутили: светлые, темные, однородные и в каких-то пятнах – поди разбери, из какого они дерева вырезаны. Разве что один из семи показался ему знакомым – ясенева палочка, которую выбрал Терин, но и та с близкого расстояния выглядела немного по-другому, так что он мог и ошибаться.

– Выбирайте, Аннев.

Аннев протянул руку, намереваясь взять стальной жезл, как вдруг почувствовал легкий зуд в пальцах. Руку словно магнитом потянуло на край стола – туда, где лежала деревянная полированная дубинка. Аннев внимательно ее рассмотрел: она была выстругана из пальмовой лианы – растения, известного своей пластичностью. Дубинки из такой же древесины использовали на тренировках мастер Эдра и Содар.

Едва он поднял дубинку, как легкий зуд в ладони сменился сильной пульсацией. Было больно – но одновременно приятно. Хотелось смеяться – и вместе с этим рыдать в голос. А сильнее всего было желание что-нибудь уничто-

жить. Вскрыть тело Дорстала и выпустить из него кровь. Или швырнуть Фина в стену и забрызгать его мозгами все вокруг... Но, помимо ярости, помимо неудержимого стремления подчиниться зову древних инстинктов, ощущал он и еще кое-что: присутствие некой могущественной силы. И какая-то неизведанная часть его души тянулась к этой силе, жаждающая подчинить ее своей воле...

Задохнувшись, Аннев разжал пальцы, и дубинка упала на стол. Дорстал выжидающе смотрел на мальчика.

– Это... это...

– Что это, Аннев?

– Темный жезл. Он вызывает боль.

Дорстал фыркнул и махнул рукой, давая Анневу понять, что он свободен. Потрясенный Аннев постоял еще несколько секунд, не сводя глаз с жезла, после чего побрел на свое место.

– Вы меня удивили, служитель, – проговорил Дорстал, поправляя жезлы, чтобы они лежали ровно. – Как вы могли не понять очевидного?

И со вздохом взял в руку дубинку из пальмовой лианы.

– Это ведь жезл исцеления.

Тут раздался тихий стук в дверь. Дорстал положил жезл на стол и пошел открывать. За дверью обнаружился пожилой мужчина весьма примечательной наружности: у него был тяжелый квадратный подбородок, коротко стриженные огненно-рыжие волосы и точно того же цвета мантия.

– Мастер Эдра, – поприветствовал его Дорстал.

– Древний Дорстал.

Рыжеголовый человек слегка поклонился и заглянул в комнату.

– Для большинства учеников это ваш последний урок.

– Полагаю, что так, – ответил Дорстал, обводя мальчишек разочарованным взглядом.

– Занятия в тренировочном зале у нас сегодня не будет, – прогудел Эдра, – поэтому я забираю их сейчас на совместный урок с классом Бенифью.

Дорстал пробурчал что-то себе под нос, потом гаркнул:

– Урок окончен. Идите за мастером Эдрой.

Мальчишки все как один тут же вскочили с мест и, обгоняя друг друга, высыпали в коридор.

Глава 4

Аннев плелся позади всех по каменному коридору, погруженный в глубокие раздумья. Его все больше беспокоило завтрашнее Испытание суда: при мысли, что он может упустить победу, становилось невыносимо страшно, но вдвойне страшнее было оттого, что ему придется предать друзей. Но даже эти страхи отступали под натиском недоумения: почему жезл исцеления из пальмовой лианы вызвал у него приступ ярости и желание учинить кровавую расправу над Дорсталом и Фином?

«Не понимаю, – думал Аннев. – Назначение жезлов исцеления – заживлять раны и лечить недуги... но мне-то захотелось пустить Дорсталу кровь!»

Конечно, это можно объяснить тем, что кровопускание – обычная процедура, которую используют лекари для облегчения страданий больного...

«Но я не собирался облегчать его страдания, – признался себе Аннев. – Я хотел его убить. А Фину – разmozжить череп».

Аннев прикусил губу. Так что же он почувствовал? Целительную силу жезла? Ничего подобного. Даже если эта сила и была заложена в него изначально, что-то злое, более мощное ее подавило. В голове Аннева рождались все новые вопросы, и он был так поглощен поиском ответа на них, что не

заметил, как к нему присоединился Терин.

Возможно ли, размышлял он, что Дорстал ошибся и дубинка на самом деле являлась темным жезлом? Но тогда выходит, что способности Аннева превосходят знания и опыт древнего, а это маловероятно.

В таком случае неужели Дорстал прав и магия – это неизменное зло? Но верить в такое Аннев не хотел – да и не мог. Содар говорил, что магия – всего лишь инструмент для совершения как плохих, так и хороших дел, а ведь Содар – маг. И если согласиться с тем, что магия – зло, получается, что и Содар – зло, а вот это совершенно невозможно.

Остается лишь единственное разумное объяснение: дело не в жезле. Скорее всего, в его собственной душе есть нечто темное – оно-то и вызвало эту жажду разрушения. А если так – совсем плохи его дела.

– Неудачная палка попалась, а?

Аннев повернул голову и увидел Терина. Сразу же вернулись мысли о завтрашнем дне, сердце Аннева екнуло и почти перестало биться, скованное, как железными тисками, чувством вины.

– Чего? – переспросил он, как будто не расслышав.

– Ты в них обычно неплохо разбираешься, – ответил ничего не подозревающий Терин. – Но перепутать исцеляющий жезл с жезлом тьмы... Это ты здорово махнул.

Аннев вспыхнул до кончиков ушей.

– Но главный олух у нас, конечно, Фин. Стержень очище-

ния, ха! Это ж кем надо быть, чтобы до такого додуматься – превратить ершик в артефакт. – Он тихо засмеялся, но вдруг резко смолк и потрясенно добавил: – Гением, не иначе! Вот бы и мне какую-нибудь магическую мочалку – наверняка ею точно не пришлось бы делиться с половиной Академии.

Аннев слушал его вполуха. Пока они поднимались по лестнице, он задумчиво вел пальцем по пыльному гобелену, украшавшему стену.

– Расскажи про жезл истинного видения, – попросил он, когда молчать стало совсем уже неловко.

Терин важно надул губы:

– Странные были ощущения. Я подумал сначала, что его продержали в Проклятом хранилище всю зиму, вот он и холодный. Но говорить ничего не стал – не хотел, чтобы меня посчитали дураком. А потом вдруг руки и спина покрылись мурашками, как будто подул ледяной ветер... вот только окно было закрыто и никакого ветра быть не могло.

Он тряхнул головой и посмотрел на Анневу.

– А ты что почувствовал, когда...

– Эй, гляди, – прервал его Аннев, – а вот и Титус!

К их классу присоединилась группа учеников под предводительством древнего Бенифью, чьи редкие седые волосы напоминали скорее клочки паутины. Терин широко ухмыльнулся, мгновенно позабыв, о чем собирался спросить, и с довольным видом произнес:

– Так-так, кажется, сегодня мне выпадет отличный шанс

поколотить нашего Мышонка.

Аннев кивнул:

– Потому что Титус – единственный, кого ты можешь одолеть. К тому же он на два года тебя младше.

– И что с того? Все равно считается.

Пока они болтали, к ним спешил, ловко лавируя в коричнево-бежевой массе учеников, круглолицый пухлощекий паренек. На голове у него колыхалось облачко светлых волос; он был ниже и щуплее остальных, но одет в ту же форму, что и Аннев с Териним. Вот только его одежда была заметно чище.

– Что считается? – спросил он, подойдя к друзьям.

– Привет, Мышонок!

Терин потрепал мальчика по пушистой макушке.

Титус страдальчески застонал, уворачиваясь от руки шутника:

– Знаешь ведь, что я это прозвище терпеть не могу.

– Знаю, поэтому и называю тебя Мышонком, – весело заявил Терин. – Эй, слушай, тут Аннев говорит, что если я тебя побью, то это ненастоящая победа, потому что ты мелюзга. А сам-то ты как думаешь?

Аннев ткнул его в бок: опять Терин переврал его слова, а Титус, конечно же, примет их за чистую монету.

– Ты что, правда так сказал? – обиженно пропищал Титус.

– Да нет же! Я сказал: Терин на тренировках дерется с тобой, потому что у него силенок не хватит побить кого-то

своего возраста.

Титус просиял:

– Это точно. Куда ему.

Терин вместо ответа высунул язык.

Тем временем древний Бенифью попрощался с Эдрой и ушел, оставив на его попечение своих учеников. Огненно-гривый мастер оружия, скрестив могучие руки на груди, сурово взирал на выстроившихся перед ним служителей и аватаров.

– Сегодня мы проведем тренировку на крыше, – объявил он, – а затем вы отправитесь в храм, где мастер Дюварек приготовил для вас кое-что особенное.

Ученики начали взволнованно перешептываться: нечасто мастер теней балует их своим вниманием.

– А ну тихо! – рыкнул Эдра.

Большинство мальчишек тут же замолкли, и в почти полной тишине отчетливо раздался голос Фина:

– ...Или где-то пропадает, или в стельку пьян...

Аннев повернулся: Фин переговаривался со своими друзьями – Яспером и крючконосым Келлором. Какой-то аватар из класса Титуса, под стать всей этой наглой троице, стоял рядом и поддакивал, противно хихикая.

– Услышали что-то интересное, Бринден? – крикнул Эдра, буравя мальчишку взглядом.

– Мм... – Бринден замотал головой.

Эдра кивнул и обратил свой испепеляющий взор на

остальных учеников.

– Итак, как я уже сказал, сегодняшнее занятие пройдет на крыше. Из оружейной я принес две дюжины мечей, топоров и прочего. Одни в отличном состоянии, другие – в отвратительном. Но когда враг застигнет врасплох – выбирать не придется. – Он ухмыльнулся. – Тот, кто первым добежит до северной террасы, сможет выбрать себе оружие. Самым нерасторопным достанется ружьё. Шестеро лучших получают преимущество на завтрашнем Испытании.

Рот мастера растянулся в хищной улыбке.

– Вперед!

Сердце Аннева бешено заколотилось. Аватары сорвались с места и помчались к ближайшей лестнице. Терин бросился было за ними, но Аннев схватил его за плечо:

– Я знаю короткий путь.

Он проскользнул мимо толпы штурмующих лестницу мальчишек и тут увидел аватара, который кинулся в том же направлении, что и они. Мальчишка, как ураган, пронесся мимо, и его длинные, до подбородка, волосы взметнулись, обнажив шрам во всю щеку.

– Кентон! – рявкнул Аннев.

Этот парень с черными, как вороново крыло, волосами обычно держался сам по себе – его тренировал Дюварек, который был ему почти таким же наставником, как Содар – Анневу, – но с полгода назад Аннев уговорил его присоединиться к их маленькой команде. Все четверо поклялись дей-

ствовать сообща, пока каждый из них не получит титул аватара. Однако стоило Кентону пройти Испытание суда, как он тут же нарушил клятву. Он отвернулся от служителей и даже начал дружить с Финном. И сейчас, увидев его, Аннев понял, что сам он ничем не лучше Кентона, ведь завтра он поступит так же, как и их недавний друг: попросту предаст Титуса и Терина.

На оклик Кентон не обратил никакого внимания – лишь еще сильнее припустил, завернул в боковой коридор и взлетел по лестнице. Аннев почти нагнал его, но мальчишка сорвал со стены тяжелый гобелен и швырнул в Аннава. Тот инстинктивно нырнул под увесистый ковер, сделал кувырок и снова вскочил на ноги. Кентон глянул назад, ругнулся и уже в следующую секунду исчез за поворотом.

«Что ж, поиграем», – подумал Аннев.

Позади раздались проклятия – это Терин с Титусом запутались в гобелене. Поворачивая за угол, Аннев увидел, как Фин и его прихвостни пинают копошащихся мальчишек, загородивших им дорогу, и прибавил ходу.

«Все равно им не помочь», – успокоил он себя.

Потом представил, что вот-вот догонит Кентона, и почувствовал новый прилив сил.

«Главное – не останавливаться».

Его черноволосый соперник добежал до развилки в конце коридора и, секунду помешкав, повернул направо. Аннев – машинально налево.

Оба коридора огибали спальные комнаты, а потом снова сливались в один, который и вел на окруженную зубчатыми стенами террасу. Разница состояла в том, что в коридоре по правую руку располагались спальни учеников, а комнаты во втором пустовали. Аннев рассчитывал на то, что Кентону придется бежать не так быстро, чтобы не сбивать людей с ног, тогда как его путь совершенно свободен: единственный обитатель в коридоре слева – мастер Дюварек, но он сейчас наверняка в храме, всюду готовится к занятию, до которого осталось меньше часа.

Все это пронеслось в голове у Аннева за пару секунд. Через три секунды он уже почувствовал упоительный вкус победы. А через четыре – врезался в стоящего на четвереньках мастера теней. Аннев попробовал смягчить удар, перекатившись через согбенную фигуру Дюварека. У него почти получилось, но в самый последний момент Дюварек задрал голову. Аннев со всего маху налетел на это неожиданное препятствие животом – мастера отбросило назад, и он ударился затылком о застеленный тонким ковром пол. Аннев перевернулся в воздухе и рухнул рядом, при этом больно ушибив плечо, да еще и угодив прямым в лужу рвоты.

Мгновение оба лежали не шевелясь, потом Аннев застонал и кое-как встал на колени.

– Кеос тебя подери, – выругался Дюварек.

Мастер, выглядевший далеко не лучшим образом, сказать что-либо еще не успел: ему помешал очередной приступ

тошноты.

Аннев попытался отползти подальше и от мастера, и от злополучной лужи, но, барахтаясь, нечаянно пнул Дюварека в бок. Оказавшись на безопасном расстоянии, Аннев наконец поднялся на ноги и увидел на своем правом боку, от ребер до бедра, темное пятно. О внешнем виде можно было не беспокоиться: пятно прямо на глазах расплывалось по засаленной ткани, смешиваясь со следами пота и глубоко въевшейся грязью.

А вот запах так просто не спрячешь...

Дюварек с трудом скатился с залитого рвотой ковра и прижался виском к холодному каменному полу.

– Загоритесь мои кости...

Мальчишка уже собирался дать деру, пока его не узнали, но тут Дюварек повернул голову и уставился на него, прищурив глаза. Лицо у него отекло, нечесанные черные волосы свисали неопрятными космами, под слезящимися глазами синели широкие круги.

– Служитель Аннев, какого дьявола?..

Аннев нервно сглотнул. Из соседнего коридора слышался топот многочисленных ног – это аватары кинулись по следам Кентона. Нужно было срочно что-то придумать, и Аннев выпалил первое, что пришло ему в голову:

– Простите меня, мастер Дюварек! Я торопился на урок. Если опоздаю – меня могут не допустить к Испытанию суда!

– Мне следовало бы сделать это прямо сейчас, – простонал

Дюварек, сжимая голову руками.

– Пожалуйста, не надо! Я обязательно должен участвовать! Это мой последний шанс!

Дюварек скривился, будто слова Аннева воскресили в его памяти неприятные воспоминания – уж не те ли самые, что он пытался утопить в медовухе?

Мастер сел, вытер рот и стряхнул прилипшие к пальцам остатки еды, так что те забрызгали стену. Потом снова взглянул на Аннева.

– Ступайте. – Дюварек вытер ладонь о тунику и пригладил спутанные волосы. – Я разберусь с вами через час.

И Аннев помчался во весь дух.

Глава 5

Кляня себя за невезучесть, Аннев вбежал на террасу. Ну почему, почему именно его угораздило столкнуться с Дювареком? Он ведь просто извалял мастера теней в его собственной рвоте! Мастера, которому чаще других поручают самое ответственное и захватывающее задание – поиск артефактов. Кентон получил право брать у Дюварека частные уроки лишь после того, как приобрел титул аватара, а Анневу о такой привилегии теперь остается лишь мечтать.

«Он бывал за пределами Чащи, в Баноке и Лукуре, и даже на дальнем севере. Я тоже хочу. Хочу быть таким же, как он».

Но перед глазами тут же возник образ блюющего Дюварека, и Аннев сказал себе: «Нет, я хочу быть лучше, чем он. Но как мне стать тем, кому Академия захочет доверить такую важную миссию, как добыча артефактов?»

Совершенно очевидно, что первый шаг на пути к цели – пройти Испытание суда. Любой ценой. Титул аватара откроет перед ним все двери. Вот только шансы его получить тают на глазах.

Аннев пришел последним. Чувствуя отчетливый кислородный запах, пропитавший его одежду, он встал подальше от толпы и огляделся. Судя по блеску оружия в руках Фина и Кентона, эти двое оказались быстрее всех. Вообще, большинству мальчишек в коричневых туниках оружие до-

сталось весьма приличное: деревянный меч, топор в кожаном чехле, боевой посох. Эдра, стоявший на возвышении в центре толпы, разбивал аватаров на пары и указывал, где им драться.

Служителям же пришлось довольствоваться остатками. Аннев нашел глазами Терина и Титуса: те держались в стороне, у одного в руках был грязный моток веревки, у другого – грубый льняной мешок; вот и все оружие. Недалеко от мальчишек стоял Лемвич – служитель из класса Титуса. Аннев подбежал к друзьям:

– Мне что-нибудь осталось?

– Почти ничего, – ответил Терин. – Мы тебя всего на пару минут опередили.

– Там есть латные перчатки. – Титус показал в темный угол террасы. – Но они все в дырках.

– И заржавели, – вставил Лемвич, крутивший в здоровенных ручищах крохотный ножик. – Я бы их надевать не стал.

– Да ты бы в них попросту не влез, – поддразнил здоровяка Терин.

– И поэтому тоже.

– И все? – спросил Аннев. – Только пара перчаток?

Титус кивнул.

– А в мешке что?

– Дротики. Правда, деревянные и с балансом у них беда, но все же лучше, чем ничего.

– Ты, главное, не промахнись. – Терин легонько стукнул

Титуса кулаком в плечо. – Эй, как думаешь, Эдра разрешит брать оружие выбывших?

– Не знаю. Возможно, – ответил Аннев. – Какие правила?

– «Победа засчитывается в случае, если противник признает поражение или получит критический удар». Причем Эдра должен этот удар увидеть. Так что если вдруг Титус метнет свой дротик и уложит кого-то на месте, а Эдра при этом будет смотреть в другую сторону – считай, Мышонку крупно не повезло.

Титус кивнул:

– Наверное, поэтому никто и не выбрал дротики.

– Ясно. – Аннев посмотрел на лежащие в углу перчатки. – Значит, надо продержаться до тех пор, пока не получим оружие получше.

Он побежал за перчатками, а когда вернулся, в его голове уже созрела идея.

– Терин, а как ты смотришь на то, чтобы разрезать веревку пополам и сделать из нее кое-что потяжелее?

– Привязав к концам перчатки?

Аннев кивнул. Терин задумчиво почесал затылок:

– Это, конечно, не так здорово, как нож, но толку от нее явно окажется больше, чем от обычной веревки.

– Отлично. – Аннев хлопнул Лемвича по спине. – Эй, Лем, можно одолжить твой ножик?

Крепыш Лемвич долго вертел в пальцах крошечное лезвие, а потом все же протянул его Анневу, ручкой вперед.

– Только вернуть не забудь.

И это была не просьба.

– Не забуду, – пообещал Аннев. – Спасибо.

И, бросив перчатки на пол, принялся пилить веревку. Нож был тупой, и все же конопляные волокна понемногу поддавались. Краем глаза он наблюдал за Эдрой, опасаясь, как бы мастер не вызвал его раньше, чем он закончит. На секунду он отвлекся и выронил нож. Выругавшись, подобрал его и снова начал пилить, на этот раз полностью сосредоточившись.

– Готово!

Аннев разорвал веревку пополам, один конец бросил Тигусу, второй – Терину.

– Привязывайте перчатки, да покрепче.

Он повернулся к Лемвичу, собираясь вернуть нож, но тут его снова осенило.

– Слушай, Лем, а ты не хочешь вместо него боевую цепь Терина?

Лемвич поморщился:

– Это не цепь, а веревка. Отдай нож.

– Какой тебе от него прок? Ты и подобраться-то близко не успеешь, чтобы пустить его в ход.

Слова Аннева явно не убедили здоровяка, но тут подскокил Терин, протягивая только что сооруженный снаряд.

– А ну, Лем, крутани-ка! Да с такой силищей, как у тебя, этой штуковиной можно голову врагу снести!

И выразительно потряс ржавой перчаткой. Лемвич вытя-

нул подбородок, недоверчиво глядя на веревку, потом осторожно взял ее в руку.

– Боевыми цепями я еще не дрался. И веревками тоже.

– Да ты только попробуй! – ухмылялся во весь рот Терин. – Обматываешь вокруг соперника, и тот свалится как подкошенный!

На массивном лице Лемвича заиграла чуть заметная улыбка.

– А если не получится?

– Тогда попробуешь еще раз. – В глазах Терина заплясали шальные искорки.

Лемвич насмешливо фыркнул, но веревку взял. Крепко держа конец, он крутанул ее над головой. Перчатка тяжело ударилась о потолочную балку, и вниз полетели мелкие кусочки ржавчины, которые тут же подхватил и унес ветер. Лемвич снова поднял веревку и внимательно оглядел перчатку.

– Ладно, – кивнул он Анневу. – Забирай нож.

И направился к ученикам, толпящимся вокруг мастера оружия. Терин сдавленно хихикнул.

– Ты чего? – спросил Титус.

Терин, по-прежнему скалясь, повернулся к Анневу:

– Скажем ему?

– Может, обойдется, – ответил тот. – Ты же видел, какая она крепкая.

– Да, но ты ж отрезал...

– Аннев!

Оказалось, что смех Терина привлек к ним внимание Эдры. Аннев отдал Терину нож, взял у Титуса его веревку и побежал к мастеру, на ходу услышав, как Терин что-то объясняет Мышонку.

– Аннев, – сказал Эдра, – ты в паре с Янсоном. Юго-восточный угол. Приступайте.

И Аннев тут же выкинул из головы Лемвича с его боевой цепью.

«Янсон, – думал он. – Быстрый. Ловкий. Любит топоры».

Он обогнул толпу и увидел своего противника: смуглый аватар, не подавая ни малейших признаков страха, стоял на самом краю террасы, устремив взгляд на зубчатые стены. На плече Янсона Аннев заметил топор с короткой ручкой.

– Отличный обзор.

– Точно, – поддакнул Аннев, подходя ближе. – Даже сторожевые башни видно.

– Готов? – спросил Янсон и, повернувшись к Анневу с его смешным оружием, криво усмехнулся.

Аннев почувствовал, как от выброса адреналина закипает кровь. Он должен одержать верх над Янсоном. Эта победа даст ему хоть какое-то преимущество на завтрашнем Испытании.

– Начали.

Янсон кивнул и молниеносно взмахнул зачехленным топором, метя Анневу в шею. Аннев увернулся и отпрыгнул

в сторону. Размотав веревку, он раскрутил ее над головой и бросил Янсону под ноги. Железная перчатка сделала два оборота вокруг голени аватара, и Аннев рванул веревку на себя, затягивая петлю. Нога Янсона, отставленная для равновесия, скользнула вперед, и парень, чьи ноги теперь плотно стояли вместе, лишился необходимой опоры.

А большего Анневу и не требовалось. Он подскочил к Янсону, выставил бедро и, вытянув руку назад через собственное плечо, схватился за рукоять топора. Не отпуская веревку, он дернул топор вверх, потом вниз, по направлению к земле. Янсон ни за что не желал расставаться со своим оружием, но колени у него подогнулись, и уже через мгновение, перекатившись через спину Аннева, он шмякнулся на каменный пол террасы. Аватар тяжело охнул.

Аннев снова дернул топор на себя, ожидая, что на сей раз Янсон ослабит хватку, но Янсон, судорожно хватая ртом воздух, лишь крепче прижал к себе оружие. Аннев понял, что так он ничего не добьется, выругался и пнул Янсона в плечо. Но Янсон сдался, лишь когда Аннев снова поднял ногу, на сей раз целясь ему в лицо. Однако бить аватара не стал – только поставил ногу ему на шею. Потом выхватил топор, поднял его над головой и, не отводя глаз от поверженного соперника, что есть мочи заорал:

– Мастер Эдра!

Янсон извивался, пытаясь освободиться. Аннев надавил еще сильнее, но когда и это не помогло, стукнул обухом то-

пора по намертво вцепившимся в его ногу пальцам.

– Мастер Эдра!

– Отпусти его! – рывкнул в ответ Эдра. – Янсон, свободен!

Аннев, давай сюда.

Аннев едва расслышал его сквозь грохот собственного сердца. Он поднял ногу, но не успел сделать и шага, как Янсон схватил его за лодыжку и дернул. Аннев упал ничком и тут же перевернулся на спину, готовый защищаться. Но аватар и не думал нападать.

– Тебе просто повезло, – сказал Янсон, распутывая веревку. – Ты застал меня врасплох.

Аннев хотел было ляпнуть, что дело тут в сноровке, а не в везении, но от удара о каменный пол перехватило дыхание. Он поднялся на ноги и, бросив Янсону: «Спасибо за топор», поспешил туда, где стоял Эдра с учениками.

По пути он заметил Лемвича: здоровяка поставили в пару с худеньким веснушчатым пареньком по имени Алисандер, единственным оружием которого была сосновая ветка. Размахивая ею, как дубиной, Алисандер пытался блокировать атаку Лемвича, но железная перчатка разнесла сухое дерево в щепки.

Когда Аннев добежал до места, поединок закончился.

– Хватит, Лем! Алисандер, ты выбыл. – Эдра посмотрел на Аннева. – Аннев, ты с Лемом. Южная сторона.

Аннев направился к Лему, испытывая странное ощущение: всего несколько минут назад он помогал этому маль-

чишке – а теперь вынужден с ним драться.

Лемвич встретил его широкой улыбкой.

– А цепь-то неплоха, – произнес он, сматывая веревку. – Али чуть не поседел с перепугу. А твоя где?

– Моя-то? А я ее на топор поменял. Думал, от него будет больше пользы. Я же не знал, то придется драться с тобой.

– Хм. А я, пожалуй, оставлю себе цепь – не менять же ее на ошметки сосновой дубины. Вот смеху-то будет, если я побью тебя твоим же оружием.

Не успел Аннев съехидничать в ответ, как в лицо ему полетела железная перчатка. Крепко схватившись за топор обеими руками, он выставил его перед собой и пригнулся. Перчатка, ударившись о преграду, по инерции сделала несколько оборотов вокруг рукояти. Аннев еще сильнее вцепился в топор, а Лем рванул веревку. За первым рывком последовал второй, и Аннава протащило немного вперед. Сопrotивляясь, он дернул топор на себя, снова поддался силище Лема, потом еще раз потянул на себя, стремясь разорвать уже порядком разломаченную веревку, но та не поддавалась. Лем, довольно ухмыляясь, тащил его к себе, и Аннев уже приготовился к неминуемому поражению, как вдруг – веревка лопнула. Конец пеньки с привязанной к нему перчаткой повис на рукояти топора, а Лем, едва удержавшись на ногах, оторопело уставился на то, что осталось от его боевой цепи.

Аннев, воспользовавшись его замешательством, бросился вперед. Лемвич машинально встал в стойку, выставив мяси-

стые кулаки, которые все еще сжимали кусок веревки. Аннев низко пригнулся, ударил Лемвича топором по ноге и одновременно с этим толкнул мальчишку плечом в живот. Лемвич пошатнулся, сделал несколько неуклюжих шагов назад, но Аннев не дал ему времени восстановить равновесие.

Никаких поблажек. Лем должен проиграть.

Аннев снова кинулся на силача – а Лем действительно превосходил учеников не только по массивности телосложения, но и по силе. Лемвич, зарывав, снова начал было пятиться, как вдруг замер – и схватил Аннева за тунику.

Только не это! Если Лем почувствует опору – пиши пропало!

Отпрыгнув назад, Аннев вырвался из хватки Лема, зацепил его ногу зачехленным лезвием и дернул. Потом изо всех сил толкнул – и наконец опрокинул здоровяка на спину.

Тут Аннев увидел, почему во второй раз не смог свалить Лема с ног: тот уперся в низенькую стенку парапета, рядом с которой сейчас и упал. Беспомощный, словно перевернутая черепаха, бешено вращая глазами от ужаса, Лем пыхтел и извивался, пытаясь отползти прочь, но вместо этого лишь приближался к краю крыши.

– Лем! – закричал Аннев, бросаясь бедолаге на помощь.

Но было поздно. Лемвич грузно перевалился через парапет и полетел вниз. Аннев, схватив конец веревки, успел накинуть на ближайший мерлон петлю, которая уже через секунду крепко затянулась. Снизу послышалось надрывное ве-

рещание Лема, веревка в руках Аннева быстро заскользила. Ругаясь, он крутанулся на месте, обматывая ее вокруг бедер, и уперся ногами в основания двух мерлонов.

– На помощь! – завопил он. – Мастер Эдра! Помогите!

Казалось, прошла целая вечность. Голоса мальчишек доносились до него словно издалека. Кольца пеньки неумолимо сдавливали туловище, мышцы ног чудом не лопались от напряжения, но Аннев не выпускал веревку из рук. Он снова и снова звал на помощь, еле удерживая тяжеленного Лемвича. Тут одной ногой он нечаянно сбросил петлю, накинутую на мерлон, и Лемвич резко упал еще на несколько футов. Аннава развернуло, веревка слетела с бедер и стремительно заскользила, обжигая ладони. Он отчаянно закричал: Лемвич был попросту слишком тяжел, чтобы он мог вытащить его в одиночку! Вот-вот последний фут пеньки вырвется из его пальцев, и тогда...

– Боги! – услышал он рев Эдры.

Мастер оружия подоспел как раз вовремя. Он ухватился за конец веревки и начал тянуть изо всех сил. Аннев, помогая ему, снова навалился всем весом, и вместе им удалось поднять Лемвича на пару футов. Служители, сбежавшиеся на их крики, тут же бросились помогать, и вскоре над парапетом показались вцепившиеся в веревку пальцы Лемвича, потом – его широкое, белое, как простыня, лицо. Еще одно, последнее усилие – и здоровяка, целого и невредимого, втащили на крышу.

Ноги у Аннева подкосились, и он тяжело осел на пол. Лемвич посмотрел на своего спасителя и медленно, благодарно кивнул. Аннев кивнул в ответ, поднял голову – и съезился под суровым взглядом мастера оружия.

– Случайность?

– Да. Я хотел...

– Ты хотел его спасти, – закончил вместо него Эдра. – Это я уже понял. Но я не видел, как он улетел за парашют.

Аннев с Лемвичем молча переглянулись, и это не ускользнуло от внимания Эдры.

– Будем считать, виной всему послужила неосторожность, – он посмотрел на Аннева, – или некомпетентность. – Мастер перевел взгляд на Лемвича. – Как бы то ни было, вы оба лишаетесь преимущества на завтрашнем Испытании.

Мальчишки сникли, а Эдра, явно довольный эффектом, который его слова произвели на бедняг, продолжил:

– Лемвич, иди к проигравшим.

Великан встал, поклонился и побежал туда, где стояли Янсон и остальные. Аннев тоже собрался идти, но Эдра его остановил.

– На сегодня довольно с тебя поединков, Аннев. Ступай в храм и помоги мастеру Дювареку.

– Но... я ведь и так уже наказан, зачем меня еще и прогонять?

Эдра сжал зубы, так что по скулам заходили желваки.

– Аннев, это тебе не шутки. Последствия должны быть

очевидны для всех. Иначе в следующий раз кто-нибудь решит, что такое поведение в порядке вещей.

Он отвлекся на шум: Кентон затеял потасовку с каким-то мальчишкой, хотя тот не был назначен ему в соперники.

– Вот, пожалуйста. – Эдра зло сплюнул. – Чтоб его, этого молчуна со шрамом. Вечно он нарываемся. – Он посмотрел Анневу в глаза. – Так мы договорились?

– Да. Вы отправляете меня к мастеру Дювареку, – покорно повторил Аннев, скривившись.

Встречаться с мастером теней после их сегодняшнего столкновения ему вовсе не хотелось.

– Да не бойся ты, – подбодрил его Эдра, по-своему истолковав его гримасу. – Дав тебе понравится – надо только привыкнуть к его запаху. – Он широко улыбнулся и похлопал Анневу по плечу. – Смотри на это не как на наказание, а как на возможность заработать преимущество в завтрашних состязаниях.

Аннев, все это время смотревший в пол, поднял глаза на мастера:

– Еще одно преимущество?

Но Эдра уже шагал к сцепившимся мальчишкам.

– Больше никаких вопросов! – рявкнул он. – Свободен!

Глава 6

Аннев толкнул массивные, обитые железом двери, ведущие в храм. Вопреки ожиданиям, он не услышал привычного оглушительного скрипа – двери отворились совершенно бесшумно, а то, что он увидел за ними, и вовсе заставило его открыть рот от удивления.

С высокого потолка, напоминавшего пещерный свод и обычно густо затянутого паутиной, спускались полосы черной ткани. Почти полностью загораживая солнечный свет, проникавший сквозь витражные окна, они образовывали настоящий лабиринт из более чем дюжины коридоров. Некоторые «стены» состояли из нескольких сшитых между собой полос, другие были совсем узкие – в фут или два шириной. Начиная лабиринт лишь от первого ряда скамей, что позволяло пройти вперед и как следует осмотреться.

Аннев помнил, что всего в храме три ряда скамей, по пятнадцать каждый. Тяжелые занавеси спускались до спинок, а в проходах – до самого пола. Пройдя вглубь зала, Аннев увидел, что на спинках скамеек центрального и восточного рядов устроены платформы из деревянных досок.

Этот искусственный пол выглядел не очень-то надежным: между несколькими досками оставались такие широкие зазоры, что в них можно было запросто провалиться. Через половину этих зазоров были пропущены черные шторы, и

когда Аннев заглянул под скамьи, то увидел, что внизу, под досками, имеется еще один лабиринт.

Аннев направился обратно к дверям.

– Здесь есть кто-нибудь? – громко спросил он. – Мастер Дюварек?

В ответ с западной стороны зала донеслось какое-то лязганье и постукивание, и Аннев пошел на звук. Здесь также висели шторы, но платформ на скамьях не было. У стены стояли десятки досок.

– Чего? – проорал из-за черных занавесей Дюварек.

– Мастер Эдра велел вам помочь.

– Вовремя. – На этот раз голос звучал приглушенно. – Надо разложить остальные доски.

Аннев подошел к стене и взял одну из досок. Это оказался грубо отесанный кусок дерева, трухлявый, грязный и немного влажный.

– Да не стой ты столбом, – произнес возникший за его спиной Дюварек. – Хватай, сколько унесешь, и пошли.

Аннев помедлил несколько мгновений, гадая, узнал его мастер теней или нет, но того, казалось, занимала только работа. Он взял три доски и, раздвинув шторы плечом, нырнул в черный лабиринт.

Юноша, вздохнув, выбрал несколько трухлявых деревяшек. Когда он поднял всю охапку, оказалось, под ней сидит какой-то черный жук. Лишившись своего убежища, насекомое быстро скрылось под ближайшей шторой. Аннев стис-

нул зубы, понадежнее обхватил доски и двинулся за Дювареком.

– Все хорошие доски забрал мастер Мурлах – они ему нужны для завтрашнего Испытания, – объяснил Дюварек, когда Аннев вошел в лабиринт. – А мне остался хлам. Ну да ничего. Прибивать их не нужно, просто клади сверху на скамьи да следи, чтобы не оставалось щелей. Ими я сам займусь.

– Да, мастер, – пробормотал Аннев.

Он взвалил грязные доски на плечо и, отодвигая в сторону висящие на его пути полосы ткани, стал бочком протискиваться между скамьями. Добравшись до первого ряда, он положил доски, длины которых хватило, чтобы соединить три скамьи, и тщательно прижал их друг к другу и доскам Дюварека. В этот момент из-за штор снова появился жилистый мастер теней с очередной охапкой в руках и с одобрением оглядел проделанную работу.

– Неплохо. Продолжай. Нужно успеть до того, как явится Эдра с учениками.

Аннев обрадованно кивнул: хвала богам, мастер его так и не узнал!

– И постарайся не зашибить меня досками, – добавил Дюварек, направляясь в конец зала. – У меня после твоего утреннего фокуса до сих пор ребра болят.

Аннев вспыхнул до корней волос и понуро поплелся за Дювареком.

Они трудились не покладая рук: лавируя между черными

«стенами», носили полусгнившие доски в западную часть зала, где укладывали их на скамьи, и ни один из них при этом не проронил ни слова. Когда они покрыли этим настилом около двух третей скамей, досок почти не осталось. Пока Аннев укладывал последние, Дюварек забрался на импровизированный пол и принялся ходить по нему туда-сюда. Если доска под его ногами проседала, он поддевал ее носком и сбрасывал вниз. Когда таких досок набралось с приличную охапку, он спрыгнул и отнес их Анневу.

Работая, Аннев краем глаза заметил, как мастер куда-то отошел и вернулся с кусками черной ткани. Он начал ловко пришивать их к некоторым из тех штор, что висели над зазорами в полу, и вскоре западная часть храма уже ничем не отличалась от восточной и центральной.

Еще через полчаса работа была закончена. Аннев вместе с Дювареком медленно прохаживались по лабиринту, внимательно оглядывая результаты своего труда. Аннев дернул одну из штор: та бесшумно колыхнулась.

– Нам придется по ним лазать?

Дюварек ухмыльнулся и вытер руки об испачканную тунику:

– Очень может быть.

Аннев недоуменно вскинул брови. Он проверил настил и обнаружил, что некоторые доски, если надавить на определенную их часть, по-прежнему шатаются или плохо пригнаны.

– Не очень-то надежный пол, – заметил он, продвигаясь к центральному ряду скамеек.

– А ты внимательный.

Мастер теней следовал за Анневом, то и дело сдвигая на несколько дюймов то одну доску, то другую.

Аннев пересек задрапированную часть храма и остановился, рассматривая испещренные рунами стены и огромные окна. Сквозь запыленные стекла сюда падал тусклый солнечный свет, но уже в пяти футах начинался сумрачный лабиринт, в центре которого царил почти непроницаемая тьма. Да и толку от света было немного: все равно на расстоянии вытянутой руки разглядеть что-либо мешали черные занавеси, скрывавшие обзор со всех сторон.

Аннев прошел вдоль скамей вглубь храма и увидел помост – Дюварек не стал завешивать его черными шторами. Поднявшись по ступенькам, Аннев направился к центральной его части, где возвышался каменный алтарь. Вода в желобе, окружавшем алтарь, давным-давно высохла, и Анневу стало грустно: как древние могли допустить такое?

Он медленно прошелся по помосту. Все здесь было не так, как в часовне у Содара. Священный желоб, встроенный в пол помоста, впечатлял своими размерами: он был достаточно широк, чтобы священник мог стоять в нем у алтаря во время службы, и в то же время настолько глубок, что в нем мог бы спрятаться лежащий человек. А в их часовне был не желоб, а крошечный желобок, который примыкал непосредственно

к алтарю, а глубина его составляла всего дюйм-полтора. К тому же сам алтарь был украшен весьма скромно, тогда как здесь, на камне, свободного места не оставалось, все занимали хитросплетенные узоры из рун и таинственных символов – даже маленькая фреска была. Древний мастер, словно не желая уступать тому, кто украшал храм, умудрился запечатлеть на алтаре все руны и глифы, вырезанные на стенах.

В нескольких шагах от алтаря Аннев наткнулся на ворох черных лоскутов. Разворошив его ногой, он понял, что это остатки той самой ткани, из которой были сшиты стены лабиринта.

Вдруг двери в храм с шумом распахнулись. Из-за занавесей Аннев ничего не видел, зато услышал приглушенный топот десятков ног.

Он спрыгнул с помоста и побежал на шум, держась вдоль стены. И подоспел как раз в тот момент, когда Дюварек и Эдра, окруженные учениками, пожимали друг другу руки. На лицах у некоторых из мальчишек прибавилось синяков, а Бриндену и вовсе расквасили нос, однако никто не требовал позвать мастера Арана или знающих жен. Аннев с облегчением заметил, что Лемвич полностью оправился после падения. Увидев топтавшихся позади всех Терина с Титусом, Аннев направился к ним.

– Выглядишь, как боги знают что, Дав, – донеслись до него слова Эдры.

Дюварек пожал плечами:

– Перебрал и проспал. Все как обычно.

Мастер теней протиснулся сквозь толпу учеников к входу и закрыл железные двери.

– Как обычно, – повторил за ним Эдра. И тут заметил Анневу. – Ты хорошо потрудился?

– Еще как, – ответил за мальчика Дюварек. – С лихвой искупил свою вину за то, что чуть не убил меня утром.

– Что?

– Не важно. – Дюварек кивнул Анневу. – Все в прошлом.

Эдра перевел взгляд с Дюварека на его помощника и вздохнул.

– Ясно. Аннев, я передам брату Содару, что ты пропустил половину тренировки. Сможешь позаниматься с ним до праздничной службы. – Аннев наклонил голову в знак того, что все понял, но Эдра на этом не закончил. – Еще я скажу ему, что ты спас Лемвича, может, он смягчится.

Аннев взглянул на него и едва заметно улыбнулся. Вопрос с Лемвичем закрыт, и это хорошо. Вот только напрасно Эдра думает, что его слова подействуют на Содара – тот все равно Анневу спуска не даст.

– Спасибо, мастер Эдра.

Аннев подбежал к друзьям.

– Ну, как дела?

– Хуже некуда, – промямлил Терин. Одна губа у него здорово распухла. – Но все равно лучше, чем у Титуса.

Титус кивнул, подтверждая его слова.

– Нас поставили вместе. Терин дождался, пока я останусь без дротиков, а потом приставил мне к горлу нож. А потом его, естественно, побил Келлор.

Аннев от души рассмеялся.

– Так у кого будет завтра преимущество?

– А сам как думаешь? – Терин махнул рукой в сторону Фина и компании. – Бринден, Яспер, Келлор, Фин. У кого же еще?

– У Кентона, – вставил Титус. – И еще у Янсона – он оказался лучшим из худших, вот его и поощрили.

«Плохо, очень-очень плохо», – подумал Аннев. А ведь все могло быть по-другому, не выгони его Эдра с тренировки! Тот как раз прошел мимо них и встал перед учениками, держа под мышкой какой-то сундучок. Аннев понятия не имел, что скрывается внутри шкатулки, и уже собирался спросить Терина и Титуса, не известно ли им чего-нибудь, но не успел.

– Сейчас вам предстоит показать не только ваши боевые навыки, но и умение быть незаметными, – проговорил Эдра, обводя взглядом учеников. – Для многих из вас это занятие станет последним, поэтому мы с Давом решили устроить кое-что особенное. – Он повернулся к Дювареку. – Где знающие девы?

Дюварек в ответ лишь пожал плечами, и в это самое мгновение двери отворились и в зал вошли две женщины. Одна коренастая, уже не молодая, в темно-красных юбках; вторая – необычайно суровая и худая, лет двадцати пяти.

– Знающая Нейша. – Дюварек чуть наклонил голову в знак приветствия. – А мы как раз о вас говорили.

Пухленькая женщина с приятным лицом промолчала, неприязненно косясь на грязную тунуку Дюварека. Ее компаньонка тем временем осматривала свисающие с потолка шторы.

– Годится, – произнесла она наконец, сопроводив свой вердикт медленным кивком.

Нейша хмыкнула, дважды ударила в ладоши, и в зал одна за другой вошли несколько девушек.

«Это же ее класс. – Аннев оторопел. – Ее класс!»

На остальных мальчишек появление девушек произвело не меньшее впечатление. Все они словно остолбенели, отказываясь верить собственным глазам: их соперниками станут девочки! Аватары и служители почти никогда не пересекались со знающими девами – древние и жены неусыпно за этим следили, поэтому сейчас, пусть даже обстановка и не располагала к романтике, воздух в комнате чуть ли не искрился от напряжения.

Аннев жадно всматривался в каждую девушку. С черными косами – это Малия. Сероглазая в пурпурных юбках – Лидия. Вот Фэйт – у нее светлые, золотистые волосы и лицо в веснушках. А вот наконец и она. В бледно-желтом платье и белом переднике... Маюн.

Глава 7

Девушка в белом переднике вошла в зал следом за Фэйт и встала рядом с нею. Ее каштановые волосы с медным отливом были убраны в тугий пучок на затылке, сомкнутые руки она держала перед собой. Взгляд Маюн скользнул по рядам мальчишек и замер на Фине.

Аннев чуть зубами не заскрипел от злости, но уже в следующее мгновение глаза Маюн отыскивали его в толпе, и он тут же позабыл о ревности. Лицо девушки просияло, она как будто собралась ему что-то сказать, но вовремя спохватилась и лишь махнула ему ручкой – так, что никто, кроме него, этого не заметил.

– Хорошенькая, да?

Терин тоже не сводил глаз с Маюн.

– Волосы – словно солнечные лучики, – витийствовал он. – А эти веснушки на щеках и носике! Будто ее кожа светится!

Так это он о Фэйт... Аннев разжал кулаки.

Терин ухмыльнулся:

– А для чего их сюда привели, как думаешь? У нас совместная тренировка? – Вдруг он резко перестал скалиться и прищурился, пораженный новой догадкой. – Или они будут с нами драться?

Вопрос подействовал на Аннева как ушат ледяной воды.

Он снова повернулся к Маюн и увидел, что все девушки встали по струнке и смотрят на женщину, которая идет следом за последними четверьмя девушками. Лицо женщины обрамляли темно-русые волосы, в которых проглядывали седые пряди, а одета она была в платье цвета графита. Аннев ее узнал. Она часто беседовала с Тосаном и, судя по всему, занимала высокое положение среди знающих жен.

– Девушки, вы можете присоединиться к своим соперникам, – предложила она, а сама, сцепив руки на груди, поплыла к Дювареку.

Восемь девушек выстроились в ряд перед ошеломленными мальчишками. Аннев, пристально наблюдавший за Маюн, заметил, что под ее платьем мелькнули черные обтягивающие штаны. И тут до него дошло:

«Да они же все одеты, как для жатвы!»

Каждая девушка заняла место напротив одного служителя или аватара, и Аннев почувствовал, что атмосфера в зале изменилась. Маюн выбрала его. Их взгляды встретились, девушка скромно опустила глаза, но в уголках ее рта заиграла лукавая улыбка. Аннев медленно вдохнул, потом так же медленно выдохнул, стараясь сосредоточиться.

Дюварек повернулся к мастеру оружия:

– Объяснишь им, что к чему, пока я схожу к Нараху за жезлами? Он ненавидит, когда кто-либо посягает на его сокровища, так что мне придется изрядно попотеть, чтобы вырвать их из его лап.

– Иди. А я пока расскажу про медальоны.

Мастер теней спешно покинул храм, а Эдра, расправив плечи, встал на его место и начал объяснять:

– Итак, цель данного испытания – проверить, насколько хорошо вы умеете оставаться невидимкой и скрываться от преследователей, выкрад артефакт. – Взгляд Эдры задержался на Анневе и еще нескольких ребятах. – Парни, вы свои обязанности знаете. В мире до сих пор тысячи опасных артефактов, и многие из них рано или поздно доберутся до Большой Лукуры. По высшему поручению самого Одара мы находим их и заключаем в Проклятое хранилище, где они никому не причинят вреда. Мы не отбираем их силой. Скрытность и хитрость – вот наши ключи к успеху. Вам слово, госпожа Кьяра.

Женщина выступила вперед и обвела группу учеников тяжелым взглядом. Аннев даже дышать перестал – лишь бы она ненароком не обратила на него внимания.

– Девушки. В эту самую минуту наши сестры собирают очередной урожай слугителей. Когда они вернутся, мы взрастим этих младенцев и подготовим их к судьбе аватаров суда. Сегодня вы покажете себя в деле. Жатва – опаснейшая, но и важнейшая часть вашего служения. Не справитесь с ней в искусственных условиях – значит вы еще не готовы. Вам все ясно?

Девушки склонили головы. По спине Аннева пробежал холодок. Он впервые задумался о тех испытаниях, которые

приходятся на долю учениц Академии. На долю Маюн.

Жизнь знающих жен была окутана непроницаемой завесой тайны. Аннев знал лишь, что их первостепенная задача – обеспечивать новую кровь для Академии. Но он понятия не имел ни о том, как они это делали, ни об их внутренней иерархии, ни о тонкостях их обучения. Надо полагать, выкрасть ребенка – намного сложнее, чем выкрасть артефакт. Ребенок ведь живой, к тому же отбирать его у родителей – это ведь какую силу нужно иметь и выдержку!.. И пусть жатва представляла собой лишь одну из их многочисленных обязанностей, к ней относились с особым благоговением. Когда мастера и древние объясняли, как служители оказались в Академии, они неизменно повторяли, что матери отдали своих детей добровольно, дабы те исполняли сокровенные замыслы Одара. Некоторые, включая Титуса, даже в это верили. Остальные же, и Аннев в их числе, справедливо полагали, что, если бы все действительно так и происходило, знающие возвращались бы с жатвы без ран, синяков и переломов. Но в открытую об этом, естественно, никто не говорил.

Дверь распахнулась, и в зале снова появился Дюварек в сопровождении быстро семенящего за ним стюарда Маркой в его песочной мантии и престарелого мастера Нараха. Маркой тащил на веревке выкрашенный черной краской сундук. Когда они присоединились к своим коллегам, Эдра поставил свой сундучок на пол, откинул крышку и вынул из него с де-

сяток деревянных дисков на ленточках. Он принялся распутывать ленточки и разъединять диски, попутно объясняя:

– Все вы – и аватары, и служители, и знающие девы – получите по одному медальону. – Он поднял диск над головой, чтобы каждый как следует мог его рассмотреть. – У вас есть ровно час. Если по окончании этого времени у вас окажется два медальона и более – считайте, вы допущены к Испытанию суда. – Он опустил руку. – Один или ни одного означает, что вы дисквалифицированы.

В ответ раздалось синхронное бормотание, обозначавшее, что правила понятны, и Эдра начал раздавать медальоны.

Мастер теней знаком приказал Маркою открыть черный сундук. Оттуда он достал тонкую деревянную палочку, которая была наполовину черной, а наполовину золотой. Аннев заметил, что черной половины Дюварек тщательно старается не касаться.

Подняв палочку, чтобы всем было видно, мастер теней произнес:

– Перед вами омертвитель.

– Жезл оцепенения! – с негодованием поправил его мастер Нарак. – Названия артефактам дает мастер тайн, так что будьте любезны уважать его волю!

Дюварек прокашлялся.

– Омертвитель, – продолжил он, – обездвиживает все, к чему прикасается.

Он зажал палочку между большим и указательным паль-

цем:

– За золотой конец держите – черным атакуете. Парализовать можно как часть тела, так и все тело целиком. Запомнили? Золотой – хорошо, черный – плохо. Главное – не задеть себя самого. – Дюварек поманил к себе Маркоя. – Позвольте продемонстрировать.

Маркой замялся, явно не желая участвовать в демонстрации.

– Ну же, стюард, – подбодрил его Дюварек, хитро улыбаясь.

Маркой беспомощно оглянулся на мастера Нараха, но тот лишь махнул рукой:

– Не тьяни. Чем скорее все это закончится, тем скорее вернемся в Хранилище.

Маркой опустил сундук на пол и обреченно побрел к мастеру теней.

– Закатайте рукав... до плеча... да, вот так. – Дюварек обошел Маркоя кругом. – Паралич длится несколько часов, но если вы молоды и полны сил – ждать придется не больше часа.

Дюварек поднял палочку и прикоснулся ею к правому рукаву стюарда. Молодой человек дернулся – но ничего не случилось. Затем Дюварек дотронулся до его ноги, ткнул палочкой в ребра и грудь – по-прежнему ничего.

– Жезл действует лишь в том случае, если касается кожи. То есть если сделать вот так.

Он легонько задел черным концом палочки обнаженную руку Маркоя, и та безвольно повисла вдоль тела. Аватары возбужденно загудели.

– Стюард Маркой, вам больно?

Стюард пожал одним плечом:

– Нет, разве что немного неприятно.

Дюварек с Эдрой переглянулись, и мастер оружия подошел к Маркою и встал у него за спиной.

– Дотроньтесь до голой руки – и она повиснет, как плеть, – продолжил Дюварек. – Коснитесь головы, шеи или позвоночника – и тело парализует полностью.

Маркой понял, к чему дело идет, и просто закрыл глаза, смирившись со своей участью. Дюварек ткнул палочкой ему в спину, стюард снова инстинктивно дернулся, но ничего не произошло. Маркой, стоявший столбом, обмяк от облегчения.

– Повторяю, – сказал Дюварек, – коснуться нужно непосредственно кожи.

И ткнул Маркоя в шею. Парень резко осел и завалился назад, прямо в заботливые руки мастера Эдры. Кто-то из служителей потрясенно охнул, аватары начали громко перешептываться. Эдра оттащил обездвиженного стюарда в сторону и прислонил спиной к стене. Дюварек бросил палочку обратно в сундук.

– Каждый из вас получит по такому жезлу. За час вы должны собрать как можно больше медальонов, по возможности

прибегая к скрытности, нежели к бою. Парализуйте соперника и заберите у него медальон. – Дюварек повернулся к Эдре. – Кажется, все?

– Почти.

Эдра достал из складок туники маленький ключик на кожаном шнурке.

– Служитель или аватар, собравший больше всех медальонов, получит вот это. – Он помахал ключом перед мальчишками. – От чего он – не скажу, сами догадаетесь, не глупые. Но он даст вам преимущество на Испытании суда.

«Еще одно преимущество! – восторженно воскликнул Аннев. – Возможно, даже более весомое, чем у Фина!»

Что ж, значит, нужно сделать так, чтобы ключ достался ему.

Дюварек поднял черный сундук.

– На этом все. Молодые люди, берите по жезлу. – И добавил, глядя на девушек: – А вам жезлы выдаст госпожа Кьяра. Начинаете по моему свистку.

Глава 8

Аннев бежал по черному лабиринту, Терин и Титус не отставали.

– А разве нам не нужно прятаться? – спросил Терин.

Он то и дело вскидывал голову, осматривая свисающие с потолка шторы.

– Можно было бы забраться наверх и спрыгивать на всех, кто будет проходить мимо.

– Или затаиться под скамейками, – предложил Титус, бежавший позади. – Наверяд ли у меня хватит сил, чтобы провисеть целый час.

– Потом. – Аннев махнул в сторону помоста. – В темноте нас легко заметить из-за светлых туник. Сначала нужно замаскироваться. И как следует прикрыться. – Он взбежал по ступенькам, ведущим к алтарю.

– И как нам это сделать? – поинтересовался Терин, ни на шаг от него не отстававший.

Аннев остановился у кучи тряпья, лежащей за алтарем.

– А вот так. – Он схватил кусок черной ткани и бросил Терину. – Обмотаем этими тряпками руки, ноги и торс. Главное – получше спрятать под ними тунику.

Он бросил такой же кусок Титусу.

Терин принялся быстро обматывать ноги.

– Слушайте, а давайте еще нарвем узких полосок, сдела-

ем себе из них маски и перчатки? Тогда нас точно никто не омертвит!

Аннев обернул лоскут вокруг торса.

– Я тоже об этом подумал. А если попадут по пальцам – ничего страшного: всего-то выроним палочку.

– Но двигаться с ними станет тяжелее, – заметил Титус, старательно наматывая черную полосу на предплечье. – И наверх забираться, и под скамейками ползать.

– А ты не затягивай туго на локтях и коленях, – посоветовал ему Аннев и несколько раз сжал руку в локте. – Тогда будет полный порядок.

Помогая друг другу, мальчишки с ног до головы обмотались в несколько слоев черной ткани, не оставив незащищенным ни единого, даже самого крохотного участка кожи.

В противоположном конце зала раздался пронзительный свист.

– Пора, – тихо произнес Терин.

Он засунул палочку между слоями обмотки и чертыхнулся: золотой конец палочки явственно выделялся на черном фоне маскировки.

– Снизу нас сразу заметят.

Он надвинул край обмотки на жезл.

– Так-то лучше.

– А вы правда собираетесь лезть наверх? – прошептал Титус.

– Само собой. От нас ведь не требуется драться, главное

– застать противника врасплох. Может, в кои-то веки мне удастся обойти Фина и его дружков.

Аннев спрятал жезл оцепенения под черной тканью на бедре.

– Один из нас должен затаиться на стропилах и подавать сигнал, если заметит кого-то поблизости.

– Я могу – но только если пообещаете, что мы честно поделим медальоны, – вызвался Терин. – Как я могу кого-то вырубить, сидя на стропилах?

– Конечно поделим. – Аннев поглядел на Титуса. – Ты с нами? Если залезем на шторы перед помостом, сзади к нам никто не сможет подкрасться.

Мальчуган тяжело вздохнул.

– Да. – Он через силу улыбнулся. – Долго я не провишу, но уж сколько смогу.

А потом заткнул палочку за пояс – и мгновенно повалился на пол.

– Да чтоб тебя, Титус! – выругался Терин, который едва успел вовремя отскочить. – Ты чего кувыркаешься?

– Титус?

Аннев опустил перед другом на колени. Он уже понял, что произошло. Титус с озадаченным видом приподнялся на локтях, попробовал встать – но не смог: ноги не слушались. Лицо у него стало белее простыни.

– Кажется... я сам себя омертвил.

– Ты издеваешься? – яростно прошипел Терин, едва сдер-

живаясь, чтобы не крикнуть во весь голос.

Титус помотал головой, в глазах заблестели слезы. Аннев осторожно вытащил у него из-за пояса жезл оцепенения.

– Я вообще ног не чувствую. Даже под скамейку заползти не смогу.

Внезапно лабиринт ожил: отовсюду раздавался скрип металлических колец, к которым крепились шторы; черные стены задвигались и пошли рябью, одна из занавесей, висевших перед помостом, бесшумно надулась, словно парус. Терин облизал пересохшие губы и посмотрел на Анневу.

– Началось. Я должен спрятаться. Если не успею – мне конец.

Аннев понимающе кивнул:

– Беги. А я побуду с Титусом.

Терин посмотрел на друга так, будто тот рехнулся, но возражать не стал – лишь пожал плечами и произнес:

– Удачи.

Потом бросился к краю помоста, прыгнул с него на штору и крепко в нее вцепился. За считанные секунды тощий мальчишка вскарабкался по ней до самого верха и нырнул в лабиринт.

Титус снял с шеи медальон.

– Аннев, ты тоже беги. И медальон мой возьми – мне он все равно ни к чему.

Аннев колебался. С одной стороны, медальон не будет лишним, но с другой – получится, что он воспользовался

беспомощностью друга. Ох уж эта проклятая совесть, вечно она не вовремя! А если ему и завтра станет совестно перед Терином и Титусом – как он тогда победит?

– Бери же, Аннев, – повторил Титус, приписав колебания друга более высоким душевным порывам. – Мы ведь оба знаем, что из нас двоих аватаром должен стать ты. Ты это заслужил. Все равно кто-нибудь его у меня отберет. Так что лучше пусть он достанется тебе.

Аннев с благодарностью улыбнулся. А может, ему не придется предавать друзей? Что, если они и так ему помогут? Он спрятал жезл Титуса под черными бинтами и уже потянулся за медальоном, как вдруг шторы у края помоста зашевелились. Аннев замер. Где-то недалеко вскрикнул какой-то мальчик, потом послышались шаги – и снова раздался крик.

– Аннев?

Но Аннев, вместо того чтобы взять протянутый медальон, сжал руку Титуса в кулак и усмехнулся.

– Пусть пока побудет у тебя. Я кое-что придумал.

Глава 9

Фин кинулся вниз бесшумно, словно тень. Приземлился мастерски, согнув колени и коснувшись пола кончиками пальцев, погасив силу удара собственным мощным телом. Застыл на месте, прислушался. Не уловив никаких подозрительных звуков, встал и крадучись направился к алтарной лестнице. На шее у него болталось шесть медальонов, а в каждой руке он держал по жезлу оцепенения. Оглядевшись по-мосту, он заметил распластанного Титуса, подкрался к нему и приставил жезлы к его ребрам.

– Попался!

Титус не пошевелился. Фин оскалился, наклонился к мальчику и похлопал его по груди.

– Что, бросили тебя твои дружки? Или это их рук дело? Вырубили тебя, а медальон себе забрали? – Фин потряс висевшими на шее дисками. – Смотри, сколько их у меня. Хотя придумано неплохо: засада на возвышении, маскировка... Умно.

Опустившись на колени, он наклонился так близко, что его спутанные локоны упали Титусу на лицо, и прижал жезлы к шее и лбу мальчика. Титус вздрогнул, все мышцы его тела разом обмякли.

Финн ухмыльнулся:

– Осторожность никогда не бывает лишней. Давай-ка еще

разок, чтобы наверняка.

Он прижал палочку к носу Титуса. Лицо мальчугана перекосилось, веки задергались, он начал судорожно моргать. Насладившись этой картиной, Финн убрал жезл.

– Ну надо же, как интересно. Пожалуй, стоит посмотреть на это еще раз.

Медленно, растягивая удовольствие, Фин опустил черный конец палочки Титусу на скулу. У того задергался уголок рта. Тогда Фин нажал сильнее и принялся водить палочкой по всей щеке. Перестал он лишь после того, как Титус закатил глаза.

В лабиринте кто-то закричал; судя по шуму, там началась драка. Фин окинул быстрым взглядом висевшие за его спиной шторы и наконец убрал жезл от лица Титуса.

– Повеселились – и хватит.

Фин пошарил у Титуса на груди и с ухмылкой вытащил из-под черных тряпок его медальон.

– Так ты и правда притворялся.

Он сорвал диск с шеи и хмыкнул:

– План рискованный, хотя...

Фин не договорил. Голова его резко запрокинулась, тело, словно лишенное костей, начало оседать на пол. Аннев вовремя оттолкнул его в сторону, чтобы он не задавил Титуса, и аватар свалился прямо в алтарный желоб, в котором до этого момента и прятался Аннев.

Аннев проверил у Титуса пульс.

– Титус, ты как?

Мальчик моргнул.

– Если нормально, то моргни два раза, ладно?

Титус так и сделал, и Аннев облегченно выдохнул:

– Прости, что так долго. Жаль, я сразу не додумался, что Фин не упустит шанса поиздеваться.

Удостоверившись, что другу более или менее удобно, Аннев запрыгнул в желоб и перевернул лежащего ничком Финна на спину. На застывшем, словно маска, лице живыми оставались только глаза – и в них полыхала ненависть. Аннев почувствовал, как внутри закипает ярость. Ему вдруг захотелось причинить Финну боль – пусть этот мерзавец на собственной шкуре испытает мучения, которые причинил Титусу! Засунуть бы ему эту палочку-вырубалочку в рот или в глаз и посмотреть, как он станет корчиться...

Повинуясь порыву, Аннев схватил один из жезлов Финна, валявшихся на полу, и приставил черный конец к подбородку аватара. Нижняя челюсть Финна заходила ходуном.

– Тебе мало просто одержать победу, – прошипел ему в ухо Аннев. – Нужно обязательно поизголяться над побежденным, да?

Конец жезла скользнул вниз и уперся Финну в шею. Фин резко выдохнул, глаза его налились кровью, он сдавленно захрипел, не в силах разомкнуть крепко сжатые челюсти. И тут Аннев понял, что испытывает сейчас знакомое чувство: точно так же он ощущал себя, когда взял в руки жезл исцеления.

– Вот что значит мучиться, – продолжил он. – Чувствовать себя беспомощным. Знать, что твоя судьба – в руках кого-то, кто сильнее тебя. Здорово, правда?

Аннев надавил сильнее, с восторгом наблюдая, как тело аватара сотрясают конвульсии.

«А я ведь могу его убить, – вдруг подумал Аннев. – Я его уже убиваю».

Аннев отдернул руку. Фин тут же задышал ровно, но выпученные глаза по-прежнему лихорадочно бегали туда-сюда.

Стыд, вина и ощущение собственного могущества – вот что испытывал Аннев в эту минуту. Ему казалось, что – как тогда, в случае с жезлом исцеления, – он только-только начал постигать истинную суть этого артефакта. Какая-то часть его души изнывала от желания продолжить и посмотреть, на что способна магия жезла оцепенения, но он понимал: сейчас есть дела поважнее.

Аннев подобрал с пола второй жезл и спрятал оба у себя на теле под черными полосами ткани. Потом сгреб с груди Фина шесть медальонов, взял из его раскрытой ладони медальон Титуса и, связав концы его шнура, повесил все семь трофеев себе на шею.

После этого Аннев встал и тут заметил, что Фин за ним наблюдает. И снова в душе его поднялась волна гнева, ему захотелось мстить и упиваться своей властью... Но на сей раз, вместо того чтобы позволить этой волне захлестнуть себя с головой, он обуздал ее, направив всю ее мощь на един-

ственное желание: защищать друзей.

Аннев наклонился к самому лицу Фина и прошептал:

– Больше не смей обижать моих друзей, иначе в следующий раз... я тебя убью.

Фин моргнул. Он действительно испугался – это читалось в его глазах, и Аннев почувствовал: теперь все будет по-другому. От этого ощущения по его телу побежали мурашки, а в глубине души зашевелилось беспокойство: возможно, когда-нибудь ему и правда придется выполнить свое обещание. И он искренне надеялся, что этот момент никогда не наступит.

Аннев выпрыгнул из желоба и подбежал к Титусу. Без лишних слов он снял с шеи два медальона и сунул их ему за пазуху. Мальчуган отчаянно заморгал.

– Не переживай. У меня их целых шесть. Но если их у меня заберут, я скажу, что эти два – тоже мои. Так что считай это запасным планом, – улыбнулся Аннев.

Кому из них двоих он сейчас врет, интересно? Хотя какая разница, если после победы над Фином стало понятно главное: предавать друзей совсем не обязательно – им нужно помогать, а они будут помогать тебе.

– Давай-ка я тебя спрячу, – сказал он, – хватит с тебя на сегодня.

Он оттащил Титуса к вороху черных лоскутов, прикрыл его ими и, удостоверившись, что малышу хватает воздуха, направился к алтарю. Вдруг впереди обозначилось какое-то

движение. Аннев напрягся, ощущая мощный прилив адреналина. Одним прыжком он преодолел оставшееся расстояние и, приземлившись за алтарем, присел на корточки и стал ждать.

По-прежнему стояла тишина.

Затаив дыхание, он прождал целую минуту, но ничего не произошло. И вот наконец, когда он уже собрался покинуть место засады, штора, закрывавшая центральный ряд скамей, шевельнулась – причем источник движения явно находился сверху. Аннев поднял голову: на шторе кто-то висел. На лице, скрытом под черной маской, виднелись лишь глаза, которые внимательно оглядели помост, а потом остановились на Анневе. Тут этот кто-то освободил из-под маски нижнюю часть лица и едва слышно прошептал:

– Аннев, это ты?

– Терин!

Аннев вскочил на ноги и подбежал к краю помоста.

– Я уже думал, ты не вернешься! – так же шепотом проговорил он.

Терин усмехнулся, спустился ниже, но продолжил висеть, цепляясь за штору.

– А я сначала и не собирался. Но потом увидел, как сюда идет Фин, и подумал, что смогу вырубить его, спрыгнув сверху. – Терин огляделся. – Кстати, куда он подевался?

Аннев спрятал палочки, которые держал наготове, и ответил:

– Упал в Кольцо Одара.

– Ты что – забрал у него медальоны? – изумился Терин.

Аннев кивнул и с довольным видом похлопал себя по груди. Он спустился на несколько ступенек и едва открыл рот, чтобы спросить Терина о его успехах, как из-под скамьи выскочил какой-то темноволосый парень в коричневой тунике и кинулся на Аннева, размахивая перед самым его лицом жезлом оцепенения.

Аннев отпрыгнул назад, отбив атаку Кентона левой рукой, но начал терять равновесие, и Кентон тут же этим воспользовался. Он взлетел на помост и снова бросился на Аннева, но тут сверху на него упал Терин и с размаху ударил по шее жезлом. Аватар рухнул на колени и, выпустив оружие из ватных пальцев, свалился ничком.

Терин легонько пнул одноклассника носком ботинка и ухмыльнулся.

– Обставить Кентона – это почти так же круто, как уделать Фина. – Он поглядел на Аннева. – И поделом ему – нечего обещания нарушать.

– Согласен, – кивнул Аннев.

У Кентона оказалось пять медальонов. Терин тихонько присвистнул от восхищения и повесил их все на себя.

– У меня уже семь. А у тебя сколько?

– Шесть, – ответил Аннев и на секунду пожалел, что оставил два медальона Титусу.

– ДВАДЦАТЬ МИНУТ! – разнесся по тканевым коридо-

рам лабиринта громовой рев Эдры.

Терин улыбнулся до ушей, победоносно потрясая связкой медальонов. Аннев, улыбнувшись в ответ, достал свои трофеи, показал их Терину и спрятал обратно.

– Теперь главное – их сохранить, – прошептал он, направляясь к своему убежищу за алтарем. – Что ты там видел?

Терин, последовавший за ним, остановился у желоба, чтобы позубоскалить над поверженным Фином.

– Половина прячется под лавками – трясутся над своими двумя медальонами, наверное. А остальные валяются по всему лабиринту, парализованные.

– Как этот, – кивнул Аннев в сторону оцепеневшего аватара.

– Ага. И Титус. – Тут Терин огляделся. – А где он, кстати? На губах Аннева заиграла лукавая улыбка.

– Не торопись списывать Титуса со счетов. Когда я видел его в последний раз, у него было целых два медальона.

Терин тихо рассмеялся и обнял Аннева за плечи одной рукой.

– Мышонок умудрился украсть чей-то медальон? Это с парализованными-то ногами? – Он мотнул головой. – Либо ты врешь, либо этот пацаненок – хитрюга почище кольцевой змеи.

Аннев лишь пожал плечами, стараясь не смотреть туда, где под ворохом черного тряпья лежал Титус.

– Этот пацаненок тебя еще удивит.

Он огляделся, соображая, как им лучше поступить: затаиться здесь и ждать, пока за ними придут, или самим отправиться на охоту. Первый вариант надежнее – прав был Фин, когда сказал, что место для засады они выбрали удачное, но слишком велика вероятность, что здесь их никто не найдет: осталось всего несколько минут, и те, кто раздобыл хоть один медальон, скорее всего, постараются не высовываться. Но ведь Анневу нужны еще медальоны – он должен набрать больше всех и получить ключ, обещанный Эдрой победителю.

Внезапно он вспомнил о Маюн.

– Ты видел кого-нибудь из девушек?

Терин отошел от него, качая головой:

– Ни одной. Может, прячутся. Хотя, скорее всего, все они сошли с дистанции еще в самом начале. Как можно спрятаться в таких-то нарядах?

Тут Аннев представил, каково это – столкнуться с Маюн здесь, в темноте лабиринта... Но тут же отбросил эти мысли и взял себя в руки.

– Госпожа Кьяра сказала, что они не смогут стать истинными знающими женами, если провалят это испытание. Не знаю, учили их маскироваться и бесшумно двигаться или нет, но они с младенчества тренируются с Дювареком и в кругу знающих. Так что вряд ли они подготовлены намного хуже, чем мы.

– И?.. Ты хочешь пойти их поискать?

– Почему бы и нет? А ты?

Терин неуверенно повел плечами, но в его глазах уже загорелся озорной огонек.

– Можно было бы еще медальонов собирать...

– Ну да. Как думаешь, где они могут быть?

– Наверху я никого из них не видел, а значит, они прячутся под скамейками.

Против такой логики возразить было нечего.

– Ты первый, я следом.

Вместо того чтобы спуститься по ступенькам, они бесшумно прыгнули с помоста и подкрались к первой скамье. Аннев приблизил палец к глазам Терина, потом показал на шторы: смотри наверх! – а сам опустился на колени и заглянул под скамью.

Он не увидел ничего, кроме темноты, однородность которой нарушали прямоугольные серые пятна – свет, который попадал сюда через зазоры в настиле. Аннев долго вслушивался, но в этой части лабиринта царила звенящая тишина. Тогда он поднялся, на цыпочках подошел к восточному ряду скамей и снова опустился на колени. На этот раз до его слуха донеслось едва уловимое шуршание.

Он махнул рукой, подзывая Терина.

– Так кто-то есть, – произнес он одними губами, стараясь даже не дышать. – В самом конце ряда.

Терин со зловещим видом поднял палочку, показывая полную боевую готовность, и Аннев жестами объяснил план

действий. «Разделяемся. Окружаем. Нападаем».

Аннев нырнул под первую пару скамей, Терин последовал за ним, и секунду спустя оба растворились в темноте. Охота началась.

Глава 10

Аннев медленно приблизился к краю девятой скамьи. В этом месте в настиле зияла двухфутовая щель, через которую до самого пола спускалась тяжелая штора. Аннев остановился перед этой импровизированной стеной и прислушался, стараясь уловить признаки хоть какого-то движения. Однако единственным, что нарушило мертвую тишину, был крик Эдры: «ДЕСЯТЬ МИНУТ!», на сей раз более громкий, чем раньше.

Вдруг по ту сторону занавеси послышался легкий, едва различимый шорох, словно одна из штор, качнувшись, задела скамью. Аннев натянул висевший на шее черный лоскут на лицо до самых глаз. Снова шорох, такой же призрачный, как и предыдущий. Аннев бесшумно вынул один из жезлов оцепенения и приготовился. Штора в верхней части заметно натянулась – и тут Аннев нанес удар: в одно мгновение отодвинул тяжелую ткань и ткнул того, кто карабкался по ней, черным концом парализующей палочки...

И, ошеломленный, застыл на месте. На него невозмутимо смотрела девушка. Его палочка, скользнувшая по ее голени, не причинила ей никакого вреда, потому что молодая женщина была с ног до головы одета в черный обтягивающий костюм, который служил ей в этом лабиринте почти идеальной маскировкой.

Не дожидаясь, пока Аннев придет в себя, девушка качнулась на шторе и, выпрямив ноги, ударила Аннава стопами в предплечье. Палочка упала на пол, Аннев откатился назад и тут же вытащил другую.

А девушка уже стояла на полу. В слабом свете Аннев едва успел разглядеть карие глаза на закрытом черной тканью лице.

«Не Маюн».

Какое облегчение... И разочарование.

Значит, ничто не помешает ему забрать у нее медальон.

Девушка смотрела на него, слегка наклонив голову. Не успел он принять боевую стойку, как, озорно сверкнув глазами, она сделала ложный выпад, словно намереваясь ударить его слева. Аннев, притворившись, что клюнул на эту удочку, перенес вес на правую ногу, как будто уворачиваясь, а сам успешно блокировал ее атаку справа. Знающая выбросила вперед руку, и черный конец палочки царапнул Аннава по щеке.

Аннев инстинктивно отпрыгнул назад и тут же обозвал себя ослом: он мог запросто схватить девчонку и повалить ее на пол: соперник был проворнее, но он-то намного сильнее. Просто привык, что обычно бывает наоборот, вот и растерялся.

А вот девушка, к его несчастью, не растерялась. Она снова кинулась на него, тыча палочкой ему в глаза.

Аннев упал, перекатился и пнул ногой в ту сторону, где,

по его мнению, должна была находиться его соперница. Он попал ей по ноге, на которую она перенесла вес, приготовившись атаковать. Девушка пошатнулась, теряя равновесие, и Аннев, воспользовавшись ее секундным замешательством, перекатился под скамью. Он не стал тратить время на то, чтобы подобрать валявшуюся на полу палочку, а быстро пополз вперед, намереваясь оторваться от противника.

Аннев дополз до конца скамьи и оглянулся: девушка не отставала, а позади нее двигался кто-то еще. Может, Терин подоспел? Но тут фигура оказалась в столбе тусклого света.

Загоритесь мои кости, еще одна!

Он сунул жезл под обмотку, выкатился из-под скамьи и, вскочив, понесся по коридорам лабиринта. Скрытность его сейчас волновала меньше всего, главное – унести ноги от этих вездесущих охотниц.

Аннев шмыгнул между двух занавесей, откинул в сторону широкую полосу черной ткани и оказался у центрального ряда скамей. Он нырнул под доски, но тут путь ему преградили распростертые тела Лемвича и двух аватаров. Аннев выругался и запрыгнул на настил.

Доски под ним предательски задвигались и застонали, выдавая его положение всем, кто еще оставался на ногах. Конечно же, новой атаки долго ждать не пришлось. Сверху на него обрушился рыжеволосый аватар Хорус, его жезл оцепенения скользнул по шее и спине Аннева. Аннев с разворота врезал аватару по лицу. Тот пошатнулся, Аннев ударил

его ладонью в грудь и подбородок, потом схватил медальон и стянул его с шеи аватара.

Раздались приглушенный топот и тихое поскрипывание. Аннев пнул Хоруса в грудь и бросился бежать. Хорус умудрился удержаться на ногах и, взревев от ярости, кинулся в погоню, не осознавая, что самого его преследуют.

Накинув на шею новый трофей, Аннев сосредоточился, припоминая, где Дюварек оставлял зазоры, а потом помчался еще быстрее по направлению к одному из самых широких.

Отодвинув штору, он заметил щель и с разбегу прыгнул, приземлившись на другой стороне и едва при этом не сорвавшись с настила. Он полетел дальше, но, услышав грохотание досок за спиной, на секунду оглянулся и увидел Хоруса: аватар замешкался на краю открывшейся перед ним пропасти. Тут из щели высунулась пара рук, а голые пальцы впились в лодыжку одной ноги и колено другой, произведя тот же эффект, что и парализующая палочка. Аватар со стоном повалился на доски, и его тут же уволокли вниз.

«Боги! – подумал пораженный Аннев, с беспокойством взглядываясь в доски под ногами. – Вот это да. Им даже жезлы ни к чему – они могут побороть нас голыми руками!»

Аннев замедлил шаг, отодвинул висящую на его пути штору. До края настила оставалось совсем немного. Он прыгнул через проход между скамьями, ухватился за штору и перелетел на другую сторону. Оказавшись над западным рядом скамей, он разжал руки и, сделав сальто назад, при-

землился на настил, заметив краем глаза пару рук, взметнувшихся из-под скамьи в попытке схватить его за ноги.

«Терин был прав. Они прячутся внизу. И действуют сообща».

Значит, Терина они, скорее всего, уже схватили. Палочки против них практически бесполезны, так что если Терин не додумался где-нибудь затаиться, то наверняка уже лежит поверженный у восточной стены. И Аннава они тоже загонят в угол – это лишь дело времени.

«Пока мы здесь каждый сам за себя, они держатся вместе. – Аннев чувствовал себя полным дураком. – Чтобы не дать нам возможности выследить их поодиночке».

Гениально. И правилам не противоречит. В свете такого положения слова Эдры о награде победителю кажутся чистой воды издевательством. Аватары и служители могли бы добиться впечатляющих успехов, действуя они заодно, но нет – их сызмальства приучали к тому, что все они друг другу соперники. И даже Аннев, который до последнего старался работать в команде с Титусом и Терином, угодил в эту ловушку.

Тут девушка, пытавшаяся его поймать, выскользнула из укрытия под настилом и встала в проходе, ища глазами свою жертву. Аннев сидел на корточках, не шевелясь и не дыша, но охотница все равно разглядела его силуэт на фоне черной стены.

– ПЯТЬ МИНУТ!

Девушка стянула с лица черный платок, и Аннев сразу ее узнал.

– Осталось двое! – крикнула Фэйт, оглянувшись через плечо. – Один прямо передо мной, в западном ряду!

Проклятье!

Аннев нырнул под висевшую позади штору и начал карабкаться наверх. Кто, интересно, этот второй? Вдруг Титус или Терин? В любом случае это означало бы, что один из его друзей точно прошел испытание. А еще – что...

«Им осталось поймать только меня!»

Но оно и к лучшему, ведь если второй – Титус, то ключ достанется Анневу. А если Терин, то медальонов, считай, у них поровну. От этой мысли Аннев повеселел и даже на мгновение забыл о том, что за ним гонятся пять безжалостных охотниц.

К ним присоединились еще три, бесшумно появившись из-за штор и из-под настила над западным рядом. Аннев прильнул к шторе, зажав ткань между лодыжек, чтобы ненароком не соскользнуть вниз и не выдать себя. Сделал тихий вдох, и...

– Вот он! Надо мной! – раздался крик Фэйт.

Да чтоб тебя. Зря он решил передохнуть. Качнувшись, он перепрыгнул на соседнюю штору, потом на следующую. Он двигался к входу в зал, причем на весьма неплохой скорости.

«Нужно забраться повыше. Фин тоже это понимал, вот и пришел на помост. Зря мы с Теринем там не остались. Мо-

жет, мне удастся спрятаться от них на стропилах».

И тут мощный удар сбросил его вниз. Аннев грохнулся на доски, а секунду спустя перед ним приземлилась черная фигура. Превозмогая боль в ребрах и плече, Аннев перекатился, пнул девушку в грудь и вскочил на ноги. Он кинулся вправо, чтобы сбить ее с толку, потом метнулся влево, за штору, и помчался назад, по направлению к помосту.

«У меня преимущество, – лихорадочно соображал Аннев на ходу. – Я ведь помогал класть доски. Я знаю, какие участки здесь самые опасные. Мне бы только продержаться еще несколько минут».

И Аннев побежал еще быстрее, ловко огибая висевшие на пути занавеси. По пятам за ним гнались две тени. Аннев сунул руку за пазуху, вытащил два жезла оцепенения и – едва не споткнулся. Под туникой болтался один-единственный деревянный кружок.

«Но как?..»

И тут он все понял.

«Терин... когда полез обниматься. Вот же сволочь!»

Аннев зашипел от расстройства и отвращения.

«Пропади ты пропадом! Что теперь делать? Если Терин еще на ногах, то победитель он, а если нет – все мои медалионы у девчонок!»

Кровь застучала в висках. Никакой им завтра помощи – ни Терину, ни Титусу. Перебыются.

Хотя нет. Он им поможет. Как и обещал. Будет помогать

ровно столько, сколько необходимо для того, чтобы обойти остальных, а потом... бросит на произвол судьбы. Титусу аватаром все равно не стать, а Терин, после того что сделал, и взгляда не заслуживает, не то что поддержки. Отныне каждый сам по себе.

Но сейчас он должен сосредоточиться. У него, несмотря на все его старания, остался всего один медальон, то есть нужно добыть как минимум еще один. В противном случае его отстранят от завтрашних состязаний, не говоря уже о том, что не видать ему желанного ключика, обещанного Эдрой, как своих ушей. А значит, хватит убегать – пора переходить в наступление, причем – учитывая, что у него меньше пяти минут, – немедленно!

Раздался глухой стук – и девушка материализовалась прямо у Аннева перед носом. Он на всех парах пронесся мимо, застав ее врасплох, успел увернуться и от второй, тоже возникшей словно из ниоткуда. Девушки кинулись за ним, но замешкались, натолкнувшись друг на друга. Аннев приблизился к сложному участку пола, перепрыгнул через него и помчался дальше.

Одна из них почти его нагнала. Она выбросила вперед руку, и, хотя палочки в ней не оказалось, девушка выставила два пальца, средний и указательный, целясь Анневу в позвоночник. Но Аннев был к этому готов: он увернулся и прыгнул всем весом на конец доски у себя под ногами. При этом ушел вниз, под настил, а девушку, которая в этот момент

оказалась на противоположном конце, подбросило в воздух.

Хрупкая фигурка на лету сделала кувырок и ухватилась за штору. Тяжелое полотно сорвалось с потолка, и девушка рухнула на пол, запутавшись в шторе. Пока она отчаянно барахталась, пытаясь освободиться, Аннев подскочил к ней с двумя палочками наготове. Первая пришлась в грудь, не вызвав никакого эффекта, зато вторая задела оголившуюся щеку, и охотница затихла.

Вторая преследовательница была совсем рядом. Аннев затаился в темноте под скамьей и вытащил третью палочку. Через секунду девушка уже очутилась у него над головой, там, где между досками имелся приличный зазор. Аннев рванулся наверх, схватил ее за ногу и, с силой дернув к себе, швырнул на скамью. Девушка посмотрела ему в глаза, и в этот момент Аннев коснулся жезлом ее лба. А потом в недоумении уставился на обмякшее тело: и где прикажете искать ее медальон?

– Прости.

Он размотал тонкий черный шарф, защищавший ее горло, и осторожно ощупал шею.

Ничего.

Аннев кинулся к первой девушке и проделал то же самое.

Пусто.

Крики раздавались все ближе. Аннев вернулся к девушке, лежащей на скамье. Времени у него почти не оставалось. Нервно сглотнув, он опустился перед ней на колени и при-

нялся методично обыскивать. Его левая рука в перчатке и пальцы правой быстро пробежали по ключицам, опустились ниже, скользнули под грудь – безрезультатно. Тогда Аннев провел руками по бедрам девушки в надежде почувствовать какие-нибудь неровности. Голоса звучали совсем рядом. Наконец, ощупав поясницу, Аннев нашел то, что искал.

Снова прошептав извинения, Аннев просунул руку между полосами ткани и, легонько коснувшись кончиками пальцев нежной кожи, достал четыре медальона. Несколько мгновений он колебался, не зная, как следует поступить: забрать себе все или оставить ей два, как Титусу?

«Время на исходе. Терина мне уже все равно не догнать. Зато я хотя бы пройду испытание. И она – тоже».

Вдруг веки девушки затрепетали. Или она ему подмигнула? Да нет, с чего бы это?.. Он поднял медальоны, чтобы она их видела, взял два из них в правую руку, а остальные два снова спрятал там, где их нашел. Он снова ощутил под пальцами мягкую кожу – и тут до него дошло.

Маюн.

Он резко отдернул руку.

– ВРЕМЯ! – проорал Эдра. – Закончили! Всех жду у входа!

Аннев снова посмотрел в зеленые глаза Маюн.

Маюн не отвела взгляда, и на этот раз ошибки быть не могло: она и правда ему подмигнула.

Глава 11

Через несколько секунд после крика Эдры, возвещающего об окончании занятия, Дюварек потянул за какой-то канат, висевший у входной двери, и черные стены лабиринта разом рухнули на пол. В зал хлынул солнечный свет.

Аннев, устроив Маюн поудобнее на скамье, с неохотой поднялся на ноги и, высунув голову из зазора в настиле, огляделся. В десяти шагах от него стояли шесть девушек. Еще две, обездвиженные им, лежали рядом. Из мальчишек он единственный остался на ногах.

– О... – только и смог выдать Эдра.

Госпожа Кьяра и две другие женщины, явно не удивленные таким исходом, с улыбкой смотрели на растерявшегося мастера оружия. Эдра шумно кашлянул.

– Новый план! – рявкнул он. – Давайте-ка здесь для начала приберемся. Девушки, будьте добры, помогите мастеру Дювареку свернуть шторы. Аватары, а вы... – Он замолк, глядя на Аннева, пожал плечами и продолжил: – Аватары и служители, как только мастер Нарах снимет с вас оцепенение – собираете со скамей доски и составляете у стены.

Мастеру Нараху, вооруженному бело-золотым жезлом, потребовалось несколько минут, чтобы вернуть подвижность первым пострадавшим, и те принялись за работу. На мальчишек, ставших жертвами пальцев знающих дев, жезл

не действовал, и тогда за них принималась сама госпожа Кьяра. Большинство тут же вскакивало на ноги, но вот Терину, судя по всему, досталось больше остальных, поэтому Кьяра кликнула еще одну женщину, Тонью, и они вдвоем принялись вправлять суставы парализованному бедняге. Терин корчился и хватал ртом воздух, а потом раздался громкий щелчок – его услышал даже Аннев, находившийся в этот момент в другом конце зала, – и Терин безжизненно распластался на полу. Помочь с уборкой он, естественно, не мог, но, как только была свернута последняя штора и убрана последняя охапка досок, ему значительно полегчало и он снова встал на ноги.

На Аннава он старался не смотреть.

Пока Аннев носил доски, он все никак не мог понять, почему его провожают недоуменными взглядами. А потом до него дошло: он ведь по-прежнему обмотан черными лоскутами! Он сорвал их с себя, отнес на помост, где бросил в кучу такого же тряпья, и тут только вспомнил: Титус!

Аннев вытащил бедолагу из-под тряпок и позвал мастера Нараха. Лишь после нескольких прикосновений жезла исцеления Титус снова мог двигаться.

– Очень странно, – произнес Нарах, убирая жезл в складки мантии. – Обычно достаточно одного прикосновения. С тем мальчиком, Финном, та же история.

– Может, они попались в руки девам?

Нарах, прищурившись, посмотрел на Аннава и покачал

головой.

– В этом случае целительная магия жезла оказалась бы бессильна. А мальчикам с каждым прикосновением становилось все лучше. Как будто жезлом оцепенения к ним прикоснулись несколько раз вместо одного.

Титус пожал плечами, сделав вид, что не понимает, к чему он ведет.

После того как зал был убран, Эдра и Дюварек построили учеников перед собой, приказали предъявить свои трофеи и рассказать, как они были добыты. Девушки тоже выстроились перед Кьярой, но госпожа не стала давать им никаких указаний. Вместе со своими помощницами она заняла место рядом с мастерами и молча наблюдала за происходящим.

Первыми выступали аватары. В кои-то веки у этих дерзких самодовольных мальчишек не имелось повода для бахвальства. Опустив голову, они пристыженно мямлили одно и то же: как их подстерегли знающие или застал врасплох Фин. Кентон был единственным, кто поначалу вызвал восхищение, однако оно сошло на нет сразу же, как аватар признался, что уступил Терину.

Гораздо хуже пришлось Фину, которого вытащили из Кольца Одара на глазах у всех учеников, взволнованно перешептывающихся и тычущих в беспомощного аватара пальцем. Когда настал его черед, Фин подробно описал свои успехи, а потом мрачным голосом поведал о том, как напал на Титуса – естественно, опустив нелицеприятные подроб-

ности. Закончил Фин свой отчет так: когда он наклонился за медальоном Титуса, его атаковал Аннев, который все это время прятался в Кольце Одара. Это была почти правда, поэтому Аннев промолчал. К тому же оказалось так здорово ловить восторженные взгляды остальных ребят! Но самой большой наградой для него стала, конечно же, быстрая улыбка, которую Маюн подарила ему, когда ее зеленые глаза встретились с его голубыми. В этот момент он снова пережил тот же восторг, что испытал с ней наедине в сумерках лабиринта.

Когда все аватары отчитались, пришла очередь служителей. Первым, ко всеобщему удивлению, вызвался Терин. Сначала он парализовал Алисандера, который прятался на стропилах; потом, на помосте, Кентона. А потом... Тут Терин робко глянул на Аннева.

– Потом я сделал кое-что такое, чем вовсе не горжусь. Я воспользовался нашей с Анневом дружбой, чтобы украсть его медальоны. У нас их было почти поровну, но я очень хотел выиграть. В итоге оказалось, что я зря это сделал – меня все равно тут же выловили знающие девы. – Он повел плечами. – У меня на шее висело тринадцать медальонов, а стало бы и того больше, останься я с Анневом. Но вместо этого я спрятался – и Фэйт с Малией меня вскоре нашли. – Терин замолк, и его физиономия, на которой вдруг не осталось и следа раскаяния, растянулась в блаженной улыбке. – Но будь я проклят, если мне не понравилось! Не каждый день меня

девчонки в темноте шупают!

Его чистосердечное признание вызвало громкий смех. Даже Дюварек не удержался и насмешливо хмыкнул, но был мгновенно наказан суровым взглядом Кьяры и потому снова сделал серьезное лицо.

Аннев тем временем украдкой наблюдал за девушками. Фэйт, Малия и Маюн перешептывались и тихонько смеялись, лукаво переглядываясь.

– Довольно! – проревел Эдра. – Спасибо за увлекательный рассказ, Терин, но прошу не забывать об уважительном отношении, которое должны проявлять друг к другу ученики Академии. И раз уж ты теперь снова здоров, помоги стюарду Маркою унести инвентарь на склад под ареной.

Терин растерянно уставился на бесчисленные доски и горы черных занавесей, громоздящиеся по периметру зала, и вздрогнул от ужаса: тут ведь и за неделю не управиться! Но потом лишь пожал плечами.

– Все равно оно того стоило, – сказал он, отвешивая девушкам галантный поклон, который – Аннев был уверен – предназначался Фэйт.

И, не дожидаясь, когда Эдра снова откроет рот, жилистый и гибкий мальчуган подскочил к черной куче, схватил охапку тряпья и побежал за Марковым, который уже раз десять успел сходить до склада и обратно.

Остальные служители, один за одним, продолжили докладывать о своих успехах; правда, успехов как таковых ни у ко-

го не наблюдалось: большинство просто прятались под скамейками, где становились легкой добычей охотниц.

Но вот дошла очередь до Титуса. Каково же было всеобщее удивление, когда он снял с шеи целых два деревянных диска.

– Два медальона? – недоверчиво спросил Эдра. – И как ты умудрился? Фин ведь тебя оглушил, а твой медальон забрал себе.

– Вот только он ничего не говорил о том, как бросил тебя лежать в ворохе черных обрезков, – вставила Кьяра, не сводившая глаз с Титуса. – Сдается мне, аватар Фин рассказал нам далеко не все.

Дюварек придерживался того же мнения.

– Так почему ты лежал под тряпьем? – спросил он.

Титус посмотрел на Аннева.

«Кеос тебя подери, – подумал Аннев. – Лучше бы я и правда оставил эти медальоны себе...»

– Мы с Анневом...

– Ну, смелее! – нетерпеливо рыкнул Эдра. – Ты уже прошел испытание, я просто хочу знать, каким чудом!

– Простите, мастер Эдра. Дело в том, что я...

– Титус был приманкой, – выпалил Аннев и встал рядом с другом. – Он притворился, будто оцепенел, а я сидел в засаде и ждал, пока кто-нибудь клюнет на наживку. Но Фин на всякий случай парализовал его по-настоящему. – Он искоса взглянул на Титуса: только бы тот не признался, что нечаян-

но задел жезлом сам себя! – Фин догадался, что это ловушка, а когда отвлекся – я его атаковал.

Эдра, казалось, взвешивает каждое его слово. Он медленно кивал, оценивающе глядя на помост и возвышающийся на нем алтарь.

– А потом столкнул его в Кольцо Одара.

Аннев слегка наклонил голову, подтверждая слова мастера.

– Бросить парализованного человека в алтарный желоб – несколько кощунственный поступок. В особенности для помощника священника.

Аннев не нашелся что ответить, лишь снова молча наклонил голову.

Эдра повернулся к Титусу:

– Как ты оказался в черных тряпках?

– Они были нужны для маскировки, – объяснил Титус, освобождаясь от черной полоски ткани, все еще обмотанной вокруг его туловища. – Чтобы наши туники не...

– Да я не об этом, – оборвал его на полуслове Эдра. – Ты под гору тряпок-то как попал? И если Фин забрал твой медальон, как так вышло, что сейчас их у тебя два?

Титус чуть слышно произнес:

– Это Аннев меня спрятал. И дал мне два медальона.

– Одной загадкой меньше, – проворчал Эдра.

Он кивком отправил Титуса на место и перевел вопрошающий взгляд на Аннева. Кьяра и Дюварек тоже не сводили

с юноши глаз, а тот стоял, потупившись, и нервно теребил край своей перчатки.

– Служитель Айнневог, – сказал наконец Эдра. – Остались только вы. Прощу.

И Аннев, чувствуя, что сейчас все смотрят только на него, начал свой рассказ. Когда он говорил о поражении Фина и Кентона, то краем глаза заметил, что аватаров перекосило от злости. Он не стал подробно останавливаться на предательстве Терина, сказал лишь, что они вдвоем собирались напасть на девушек и забрать их медальоны. Кьяра хмыкнула, а когда Аннев закончил, спросила:

– У Маюн было четыре медальона, но вы забрали себе только два. – В серых глазах загорелся странный огонек. – Вы пожалели ее, как пожалели того пухлого малыша?

Аннев медлил с ответом. Все-таки он сглупил – нужно было все медальоны забрать себе. И почему он понял это только сейчас? Аннев мотнул головой:

– Дело не в жалости. Титус свои честно заслужил – без него я бы не подловил Фина.

– А Маюн?

Аннев почувствовал на себе взгляд зеленых глаз, однако не повернул головы.

– Титус помог мне с Финном, а я помог Терину одолеть Кентона. Если бы Терин не сбежал с моими медальонами, вместе мы бы добыли еще несколько штук.

– Сомневаюсь, – возразила Кьяра. – К тому же вы так и не

ответили на вопрос. Объяснитесь.

– Но именно это я и пытаюсь сделать. – Голос Аннава звучал увереннее. – Мне удалось собрать столько медальонов потому, что мы с друзьями действовали сообща. Ваши ученицы тоже держались друг за друга, поэтому и оказались лучше всех. И хотя Маюн проиграла мне, в команде она проявила себя столь же успешно, что и остальные. Забирать у нее все медальоны было бы просто несправедливо.

Кьяра несколько мгновений испытующе смотрела на Аннава, а потом вдруг рассмеялась, причем в ее смехе не звучало и намек на презрение или ехидство – лишь искреннее веселье. Отсмеявшись, она с улыбкой обратилась к сконфуженным мастерам:

– Вашему служителю не откажешь ни в разговорчивости, ни в таланте. Я всегда говорила, что один в поле не воин, а он только что это подтвердил. Мы сильны потому, что пользуемся преданностью и поддержкой наших сестер. – Кьяра многозначительно посмотрела на Эдру. – Ваши аватары справились бы куда лучше, умей они заводить союзников.

– Не исключено, – согласился Эдра. – Но суть задания состояла в том, чтобы проверить, как каждый из них справится в одиночку.

– Что ж, вы проверили, – сказала Кьяра. – Результат: плохо. Пусть ваши аватары и смогли одержать победу друг над другом, но превзойти моих учениц никому из них не удалось. – Она перевела взгляд на Аннава. – Кроме этого маль-

чика – он умудрился одолеть сразу двух из них, а ведь он даже не аватар.

На этом сероглазая госпожа знающих жен умолкла и застыла в прежней позе – с сомкнутыми у груди ладонями.

К Дювареку и Эдре приблизился мастер Нарах, держа в морщинистых, покрытых старческими пятнышками руках черный сундук с жезлами.

– Я не досчитался двух жезлов. – Он опустил сундук на пол и вытер бесцветные слезящиеся глаза. – Никто не уйдет отсюда, пока я не получу их обратно. Если вдруг кто-то из учеников...

– Да найдем мы их, Нарах, – отмахнулся от престарелого мастера тайн Дюварек. – Скоро снова сможешь упрятать свои драгоценные артефакты под замок, не волнуйся.

Нарах смерил Дюварека уничтожающим взглядом:

– Не испытывайте мое терпение, мастер Дюварек. Иначе в следующий раз вам придется долго ждать, прежде чем я удовлетворю вашу просьбу выдать вам артефакты для занятия.

– Я и в этот раз еле дождался, – парировал Дюварек. – Но мы все равно поищем твои бесценные жезлы.

Нарах в негодовании заковылял прочь, брызжа слюной и бормоча, что лучше он попросит Маркоя – от него больше толку.

В присутствии Нареха Аннев всегда нервничал. Ему было жаль этого ворчливого старика, которого никто не любил, но у Нареха, как и у древнего Тосана, была вредная при-

вычка: чуть что – обыскивать всех подряд, включая мастеров и древних, чтобы выяснить, не пользуются ли они запрещенными артефактами. Поэтому каждый раз, находясь в одной комнате с мастером Нарахом, Аннев чудом сдерживался, чтобы не натянуть повыше свою перчатку.

– Служитель Айнневог, почему вы до сих пор не стали аватаром? – спросила у него Кьяра, поджав губы.

Аннев замялся:

– Потому что... я еще не прошел Испытание суда.

– Совершенно очевидно, что вы обладаете для этого всеми навыками. – Кьяра взглянула на Эдру и Дюварека и замолчала, давая всем троим время осознать смысл ее слов. – Какой бы стратегии вы ни придерживались раньше, она неэффективна. Я настоятельно вам рекомендую ее пересмотреть. – Она кивнула мужчинам. – Мастера.

И направилась к двери. За ней последовали Нейша и Тонья в сопровождении восьми учениц, которые уже успели надеть свою будничную одежду и вообще выглядели так, как будто только что вернулись с прогулки, а не со сложнейшего испытания. Девушки покидали зал лишь после того, как мастер Нарах осматривал каждую сквозь волшебный кристалл.

Аннев непроизвольно подтянул свою перчатку иллюзии, изготовленную для него священником. Он уже и не помнил, какая эта по счету. Увы, ткань, которую Содар выкрал из Хранилища, почти закончилась, и новую перчатку сшить было не из чего. Но нынешняя, хоть и успела порядком истон-

читься, всегда спасала его от проверок Нараха и Тосана. Аннев оставил перчатку в покое и сделал глубокий вдох.

«Бояться нечего. Он не сможет рассмотреть руку через перчатку. А перчатку меня никогда снимать не просят. Все обойдется».

– Думаю, достаточно, Аннев, – холодно произнес Эдра. Дюварека рядом не было – он вместе с несколькими учениками понес рулоны черной ткани и доски на склад.

– Раз ты помогал Дювареку все здесь построить, можешь идти в свою часовню. Готовьтесь с Содаром к вечерней службе. Свободен.

От его тона Аннева покорило. «Так говорит, будто я провинился, а не выиграл!» – подумал он и тут кое о чем вспомнил.

– Как скажете, мастер Эдра. А когда я получу ключ, который вы обещали победителю?

Но мысли Эдры были уже заняты другим.

– Завтра. Все завтра.

Аннев кивнул, но на душе было по-прежнему гадко. За что Эдра на него злится? Может, он считает, что действовать сообща с Титусом и Терином было жульничеством? Но спрашивать сейчас об этом точно не стоит. Аннев развернулся и пошел к выходу.

– Мастер Нарах! – проорал Эдра. – У Аннева сегодня дела в церкви. Проверьте его, и пусть идет в свою часовню.

«Ну вот опять, – рассердился Аннев. – Почему не „в ча-

совню к Содару“? Или в „деревенскую часовню“? Обязательно нужно сказать, что это „моя“ часовня?»

Навряд ли Эдра намеревался его уязвить, и все же Аннев не мог избавиться от ощущения, будто мастер нарочно ему напоминает: Академия – дом для всех остальных, но не для тебя. Аннев нахмурился, но промолчал. Он остановился недалеко от Нараха, который осматривал последних девушек, и стал ждать своей очереди.

– И ради Одара, – раздраженно фыркнул Эдра, – сними ты уже эту дурацкую перчатку.

Глава 12

У Аннева похолодело в животе.

– Что... – начал он, но ужас комом встал в горле, мешая говорить.

Аннев с трудом сглотнул:

– Что вы сказали, мастер Эдра?

– Сними свою перчатку, будь она неладна, – устало повторил Эдра. – Что это вообще за придурь? Уж не благодаря ли ей ты всех сегодня обошел? Снимай и не выпендривайся.

Аннев чувствовал, что сердце его вот-вот разорвется. Онемев от панического страха, он коротко кивнул и начал медленно стягивать с руки тонкую черную ткань: сначала оголил локоть, потом предплечье и, наконец, кисть. Сняв перчатку, он быстро оглянулся, пытаясь сообразить, сколько у него осталось времени, и чуть не потерял сознание, увидев, что к нему направляется Нарах со своим черным сундуком.

Поджав губы, так что рот его превратился в тонкую ниточку, мастер тайн бросил на Эдру испепеляющий взгляд, а потом посмотрел на Аннева.

– Спешешь в часовню, значит? Сейчас-сейчас. – Нарах поставил сундук и похлопал себя по карманам. – Так, куда же я его подевал?

Эдра закатил глаза:

– Ты шутишь.

Нарах гневно сплюнул на пол:

– Я предельно серьезен! Это вы любите поиграться в мастеров и аватаров, а я для этого слишком стар. Иначе стал бы древним еще лет пятьдесят назад.

Сердце у Аннева заколотилось еще сильнее, однако он умудрялся держать себя в руках: глядел то на Нараха, то на Эдру, не подавая виду, что умирает от страха.

Нарах принялся выворачивать карманы. Подошел Дюварек:

– Что он делает?

Терпение Эдры иссякало на глазах.

– Мало того что жезлы он так и не нашел – вдобавок еще и кристалл умудрился потерять!

– Но он ведь только что держал его в руке, я собственными глазами видел, как он осматривал девушек. – Дюварек повернулся к Нараху. – Может, ты его в сундук уронил?

Нарах покосился на мастера теней, открыл было рот, чтобы возразить, но тут же снова закрыл и опустил глаза на стоящий у его ног черный короб.

– Наверяд ли такое возможно... – задумчиво протянул он, почесывая заросшую жесткой щетиной щеку.

Но все равно нагнулся и откинул крышку сундука.

Вооружившись жезлом восстановления, он принялся копаться в черно-золотых палочках. Вдруг на самом дне блеснула белая матовая поверхность камня.

– Надо же, – промычал Нарах, подцепил кристалл за ко-

жанный ремешок и извлек из сундука. – Должно быть, я и правда его уронил.

Мастер поднес кристалл к правому глазу, глядя прямо в центр. Камень тут же замерцал и сделался прозрачным, как слеза.

Аннев осторожно завел левую руку за спину, стараясь не привлекать к себе внимания.

«Пожалуйста, Одар. Всеотец, умоляю Тебя. Пусть Нарах не увидит мою руку. Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста».

Аннев слушал бешеный стук сердца и лихорадочно сообщал: нужно что-то придумать, все что угодно, лишь бы Нарах не посмотрел на него через этот свой кристалл!

– А как он работает, мастер Нарах? – выпалил он вдруг, старательно изображая неподдельный интерес. – Его любой может использовать или только тот, у кого талант к магии?

Нарах, засопев, убрал камень от глаза.

– Естественно, любой. Уж я-то точно лишен каких бы то ни было магических талантов, – заявил он таким тоном, будто Аннев только что выдал несусветную чушь.

Оно и понятно: человека, обнаружившего хоть какие-то способности к магии, тут же клеймили как дитя Кеоса и забивали камнями до смерти. Или оставляли в Чаше привязанным к дереву, на корм дикому зверю.

Мастер Нарах протянул кристалл Анневу.

– Смотреть нужно в середину, через тонкую часть, – объяснил он, польщенный неожиданным вниманием. – Тогда ка-

мень станет прозрачным... да, все верно. А теперь посмотри на сундук. Что ты видишь?

Аннев с прижатым к глазу камнем опустил голову и увидел, что жезлы оцепенения испускают извивающиеся струйки фиолетового дымчатого света. Они наполняли сундук до краев и даже просачивались сквозь стенки.

– Ничего себе, – восхитился Аннев, на сей раз совершенно искренне.

Нарах кивнул и вытянул руку, ожидая, что Аннев отдаст ему артефакт. Но Аннев не торопился.

– А стюарду Маркою, случайно, не нужна помощь с поисками?

Нарах опустил руку, обдумывая вопрос.

– Вообще-то...

– Ты победил в состязании, – не выдержал Дюварек. – Так что наслаждайся, а работу стюарда оставь стюарду.

– Это обязанность песочников, Аннев, – поддержал Эдра. – Дай мастеру Нараху себя осмотреть и убирайся.

Аннев стиснул зубы и нехотя протянул камень Нараху. Мастер тайн поднес артефакт к глазу.

– Вытяни руки по швам, будь добр.

Подчиняясь его просьбе, Аннев медленно вынул из-за спины левую руку – и вдруг его осенило.

– Вы могли бы осмотреть через камень храм – вдруг увидите жезлы!

Нарах снова опустил камень и нахмурился:

– А что, отличная мысль, служитель Аннев. Не уверен, правда, что с этого расстояния мне удастся что-то разглядеть, и все же... Хм.

Нарах, прижав камень к глазу, отвернулся от Аннева и устоялся вглубь зала. Не прошло и пары секунд, как на сморщенном лице мастера тайн заиграла довольная улыбка. Не опуская артефакта, он закричал:

– Маркой, идиот! Третий ряд, слева. Да... Нет, у тебя это справа. Третий с конца. Да.

Аннев почти затрясся от облегчения, когда Маркой поднял валявшийся на полу жезл.

– Посох Одара! – просиял Нарах. – И как только я сам до этого не додумался? А вон и второй. Прекрасно.

Аннев уже натягивал на руку перчатку.

– А теперь вон отсюда, – скомандовал Эдра.

Аннев поклонился, все еще не веря в свою удачу. Во рту скопилась горькая слюна. Сглотнув, Аннев непринужденной походкой направился к обитым железом дверям. Отворив их, он тут же отскочил назад, уступая дорогу мастеру расчетов. Мастер заглянул в зал и, махнув рукой, забрызганной мелкими чернильными каплями, крикнул:

– Дюварек! Приведи-ка себя в порядок. Вечером отправляешься в Банок с Кейишем.

Аннев, замешкавшийся на пороге, услышал, как Дюварек устало застонал:

– Сегодня же первая ночь Регалея, Карбад! Банок может

и подождать.

Карбад покачал головой:

– Не может. Янак заполучил темный жезл.

Дюварек ругнулся.

– Ладно. Только сначала дай перекусить, у меня за весь день ни крошки во рту не было.

Мастер теней вышел за Карбадом.

Аннев с чувством огромного облегчения выскользнул за мужчинами. Он подтянул перчатку и медленно пошел по коридору, изо всех сил стараясь сохранять спокойный вид. Однако едва завернул за угол, как тут же припустил во весь дух, желая поскорее покинуть эти мрачные стены.

А пока он мчался по тускло освещенным залам, полагаясь на память и интуицию, лихорадочно прокручивал в памяти недавние события. Поразительно, как быстро пролетел этот день, прожитый им на сплошном адреналине. Он спас Лема, победил Фина, потом его предал Терин, а в конце он прикоснулся к Маюн. А еще выиграл какое-то таинственное преимущество в завтрашнем Испытании суда. И хотя ему не помешало бы поесть и отдохнуть, но от возбуждения он совсем не чувствовал усталости.

Аннев в одно мгновение пересек главный зал. Что ж, обед с Содаром он уже пропустил, но занятия сегодня закончились раньше обычного, и старик его еще не ждет, так что будет ему сюрприз.

Юноша пробежал через последний коридор со сводами

– внутренние и внешние двери оказались распахнуты настежь, – и, скользя по вытертым ступеням, спустился на центральную площадь Шаенбалу.

Вынырнув из тени громадного здания, Аннев очутился в знакомом мире, полном привычных видов и запахов. В этом мире он обладал двойным положением – и служителя Академии, и помощника священника в часовне, и это ему очень нравилось. Не столько потому, что работа в качестве последнего приносила кое-какие приятные плоды. Главное, ему – единственному из учеников – была доступна маленькая привилегия: ежедневный путь от Академии до часовни Содара – короткое, но такое восхитительное путешествие!

Из домика сапожника, стоявшего на противоположной стороне площади, доносился глухой стук молотка о кожу. В пекарне неподалеку от мастерской плотника вовсю трудились Рафэла и ее муж – ворчун Лорн. Судя по дразнящему аромату, от которого у Аннева тут же слюнки потекли, они только что вынули из печи противень со свежеиспеченным хлебом.

– Приветствую, Аннев!

Через площадь шагал местный одноглазый кузнец с громадным куском чугуна на плече. Он замедлил шаг, чтобы перекинуть свой груз с одного плеча на другое.

– Доброго дня, Шраон!

– Припозднился к обеду? Или древние от тебя устали и выгнали до ужина?

Аннев остановился. Ему всегда нравился этот человек и его странный певучий выговор. Содар называл его «смешанный наутронский», но Анневу эти слова ничего не говорили. Да это и не важно. В конце концов, когда живешь в маленькой деревушке на краю света, любая странность кажется приятным разнообразием. А повязка на глазу и вовсе делала Шраона местной диковинкой. Неудивительно, что Анневу он сразу понравился. Мальчишка широко улыбнулся:

– Можно сказать, и то и другое. Я сегодня лучше всех справился с испытанием, вот меня и отправили домой пораньше.

– Да ты что! С тем самым испытанием?

Аннев мотнул головой:

– Нет, оно будет завтра. А сегодня... небольшая проверка.

Шраон крикнул и вновь перебросил чушку с плеча на плечо.

– Молодец. Надеюсь, ты и завтра победишь. Иначе обидно будет – кольцо-то уже готово!

Аннев нервно прикусил нижнюю губу. Шраон, глянув на него, весело рассмеялся и направился в свою кузницу, которая располагалась на востоке от Академии.

«Зря я откровенничал с ним о Маюн», – пожалел про себя Аннев.

Когда он попросил Шраона выковать кольцо обещания, то не стал скрывать, для кого оно – Шраон ведь все равно никому не расскажет. Но если завтра он не получит титул ава-

тара, кузнец узнает о его провале, и от одной этой мысли ему сделалось нехорошо на душе. Хотя чего там, сам виноват: в следующий раз дважды подумает, прежде чем выбалтывать кому-то свои сокровенные тайны.

Обежав Академию, Аннев очутился у деревенского колодца. Отсюда ему была видна кузница под открытым небом, за которой – на восточной окраине Шаенбалу – ютилась часовня Содара. Быстро миновав первый ряд домов, Аннев нырнул в переулок, разделявший владения Шраона и сапожника, и, пройдя его до конца, снова прибавил шагу. Вдруг его снова окликнули:

– Аннев!

Он резко развернулся. Пока он мчался как ветер, его сердце и то билось медленнее, чем сейчас. Он улыбнулся:

– Здравствуй, Маюн.

Глава 13

Маюн улыбнулась, и Аннев задрожал от восторга. Однако уже в следующую секунду ему стало мучительно стыдно за то, что случилось в лабиринте.

– Ты ушла слишком рано, и я не успел извиниться, – про-
бормотал он.

– Извиниться?

Аннев кивнул:

– Там, в темноте... мне пришлось тебя обыскать. Чтобы найти медальоны. Я бы никогда...

Он осекся. В горле от волнения пересохло. Что он вообще собирается сказать?

– Я бы никогда тебя не обидел.

Маюн ответила легко и весело:

– А я и не обиделась. Ты ведь хотел победить, получить хоть какое-то преимущество на завтрашнем Испытании.

Аннев кивнул. Какое счастье, что она все понимает!

– Кажется, Кьяре не понравилось, что я оставил тебе два медальона...

Маюн озорно усмехнулась:

– Еще бы. Но я надеялась, что именно так ты и поступишь.

– Да?

Теперь и в зеленых глазах плясали озорные огоньки.

– Конечно. Я всей душой была на стороне моих сестер,

но в то же время не хотела, чтобы ты проиграл. Поэтому я нарочно столкнулась с Кошри и позволила тебе задеть меня жезлом.

– Нарочно? Постой... ты мне поддалась?

Маюн откинула назад прядь каштановых волос. Недоумение Аннева явно забавляло ее.

– А ты думал иначе?

– Вообще-то... да.

Она рассмеялась:

– Аннев, ты такой милый. Ну конечно же, я тебе поддалась. Я была уверена, что ты не станешь забирать у меня все медальоны, – и оказалась права.

Аннев лишь покачал головой. Значит, Маюн всегда находилась на шаг впереди. В свете этого осознания его победа уже не казалась ему столь внушительной, хотя он по-прежнему считал, что полностью ее заслужил.

– Да, – согласился он. – Ты оказалась права.

Он наклонился к ней, но тут же отпрянул и огляделся по сторонам – нет ли вокруг нежелательных свидетелей.

– А почему же, – спросил он, улыбаясь, – ты сейчас здесь, а не в кругу своих сестер?

– Мне нужно было забрать у Грейсика отцовы туфли.

Она вытянула вперед левую руку, демонстрируя пару больших кожаных сандалий. В правой она держала плетеную корзину, накрытую тканью. От корзины исходил дразнящий аромат свежей выпечки, на который пустой желудок Аннева

немедленно отреагировал жалобным урчанием.

– Ну и быстро же ты управилась. Я сюда со всех ног бежал.

– Я надеялась, мне удастся тебя увидеть.

– О, – пробормотал польщенный Аннев. – Что ж, вот он я.

– Да. Я так рада.

На несколько мгновений повисло молчание, пока Аннев наконец не нашелся что сказать.

– А ты... придешь сегодня на проповедь?

– Обязательно! Где же еще мне повезет увидеть тебя в твоём церемониальном облачении? Оно такое красивое. Не то что эти грязные туники и штаны, которые заставляют вас носить мастера.

Аннев кивнул, не совсем понимая, что она имеет в виду: то, что он все никак не станет аватаром, или просто-напросто намекает, что ему стоило бы почаще стирать одежду.

– Я непременно разоденусь, не сомневайся.

– О! Кстати!

Маюн передвинула ручку корзины к локтю и, взяв сандалии в правую руку, принялась что-то искать в левом кармане.

– У меня для тебя кое-что есть.

Она вынула из мягких складок своего белого фартука длинную полосу темно-красной ткани с золотым узором.

Перчатка.

– Я сама ее сшила, – сказала Маюн, протягивая перчатку Анневу, на лице которого сияла широченная улыбка. – Счастливого Регалея.

Он принял подарок, восхищенно рассматривая вышивку: она начиналась над локтем – огненный хвост обвивал руку золотыми нитями и переходил в тело феникса, занимавшее все предплечье. Голова птицы была вышита на тыльной стороне ладони, а язык из распахнутого клюва змеился вверх по большому пальцу.

– Чудесный подарок. Спасибо. А твой я отдам тебе в последний день Регалея.

Маюн просияла:

– Спасибо. Я так рада, что перчатка тебе понравилась! Я думала сшить две, но ты почти всегда носишь только одну.

Аннев смущенно поскреб левую руку. Надо же, а он и не думал, что Маюн обращает на это внимание. Девушка, внезапно нахмурившись, продолжила:

– Фэйт говорит, ты сильно обжегся и тебя заставляют ее носить, чтобы никто не видел следов. Как Кентона заставляют прятать его шрам.

– Это не так, – с осторожностью произнес Аннев. – Ни шрамов, ни ожогов у меня нет.

– Да. Я-то это точно знаю.

Она прикусила губу и, бросив на него лукавый взгляд, дотронулась до его левой кисти, скользнула по его пальцам и медленно стянула перчатку.

Аннев ошеломленно выдохнул и с трудом подавил желание прикрыть руку, лишившуюся спасительной ткани. А Маюн, улыбаясь, взяла его руку в свою и пробежала пальчика-

ми по обнаженной коже.

– Вот видишь, совсем не больно. Может, когда-нибудь я увижу и все остальное?

Аннев вспыхнул до корней волос и опустил голову. Маюн, воспользовавшись его растерянностью, натянула на левую руку перчатку с фениксом. Перчатка подошла идеально.

– Какая красивая, – восхитился Аннев.

Маюн кивнула и отпустила его руку.

– После того дня, у пекарни, я и не сомневалась, что твоя рука в полном порядке. Я так и сказала Фэйт: нет у тебя никаких шрамов. Но она говорит: поверю, когда сама увижу. – Маюн тряхнула головой, и тут Анневу стало не по себе – впервые в жизни в присутствии Маюн он ощутил беспокойство. – Ей лишь бы посплетничать. А ведь уродство – это беда и позор. Возьми Шраона. Отец говорит, если бы он не был единственным кузнецом в деревне, совет бы уже давным-давно его выгнал. А из его подмастерья кузнец никудышный: он только и умеет, что молотом стучать, и то – отец говорит, что и этому делу вконец разучился. – Маюн цыкнула, не обращая внимания на то, что Аннев от ее слов испытывает явную неловкость. – Вот и получается, что мы вынуждены полагаться на меченого. Уму непостижимо, что за десять с лишним лет мы так и не нашли нормального кузнеца.

Аннев натянул перчатку с фениксом повыше и медленно покачал головой.

– Но Шраон хороший кузнец. А глаз он потерял в сражении с чудовищами на острове Куннарт. Он мне сам сто раз об этом рассказывал. И ничего позорного в том, что у него только один глаз, нет.

– Ну что ты, Аннев, конечно же есть, – возразила Маюн, направляясь в сторону Академии.

Аннев послушно шел следом: хотя слова девушки задели его за живое, он все равно не мог отвести от нее глаз.

– Ведь это метка Одара. Так он указывает нам на детей Кеоса. – Она вздернула подбородок и отбросила за плечо длинную прядь волос, в которых плясали солнечные блики. – Странно, что ты его защищаешь – не говоря уже о том, что дружишь с ним, – ну да ты, добрая душа, и не можешь по-другому. Однако не стоит быть таким беспечным, Аннев. Отец говорит, дети Кеоса лживы; они умело скрывают свою истинную сущность и пользуются чужой добротой. Меня беспокоит, что Шраон с тобой единственным делится подробностями жизни, которую вел до того, как приехать в Шаенбалу. Тебе не кажется, что это как-то странно?

– Ну...

Маюн смотрела на него, вопросительно подняв брови. Ей и правда хотелось услышать его мнение. Аннев кашлянул, прочищая горло:

– Он не очень много мне рассказывал. Я только знаю, что кузнечному делу он учился в Одарнее. И сражался с кеокумами на Куннарте.

Маюн наклонила голову к плечу и прищурилась:

– А с чего ты взял, что все это правда? – И продолжила почти шепотом: – На нем метка Одара. Что, если это он привел куннартских огров, которые сожрали даритских младенцев?

Аннев рассмеялся:

– Какие глупости! Он хороший человек, Маюн. Мы встречаемся с ним каждый Седьмой день.

– Да он же кузнец, Ани. – Она подошла так близко, что их плечи соприкоснулись.

Подождав несколько секунд, пока до него дойдет смысл ее слов, она продолжила:

– Как терранцы, понимаешь? А терранцы поклоняются Кеосу, причем все они как один – кузнецы!

Аннев растерянно поскреб в затылке. Может, рассказать ей то, что он слышал от Содара о терранцах? Наверное, лучше не стоит.

– Послушай, Шраон родился на севере. А терранцы живут в старых землях – далеко на востоке. И, кроме того, он ходит в часовню каждый Седьмой день, иногда даже на неделе заглядывает, чтобы помолиться вместе с Содаром. Шраон почитает Одара, Маюн, даже не сомневайся. Одара, а не Кеоса.

Маюн с безразличным видом пожала плечиком:

– Отец говорит, сыны Кеоса часто так делают, чтобы ввести в заблуждение добрых людей. А уж кому это знать, как не ему.

Аннев замедлил шаг. Он вдруг понял, что Маюн ему не

переубедить. Она слушает лишь отца, старейшего Тосана, и верит всему, что он говорит, даже не пытаясь разобраться, правда это или нет. Вслед за первой пришла и вторая мысль, от которой все внутри перевернулось: как только Маюн узнает его тайну, она тут же его отвергнет.

Аннев остановился, решив, что сказать ему больше нечего.

– Мне пора готовиться к службе. – Он вежливо поклонился, взял руку Маюн и легонько коснулся ее губами. – Спасибо за перчатку. Свой подарок ты получишь в последнюю ночь Регалея.

Маюн закусила нижнюю губу, потом улыбнулась и отдернула ручку.

– Только бы отец не узнал, что мы дарим друг другу подарки. Он этого не любит. Ведь, согласно традиции, от обмена дарами ничего хорошего не жди. – Она прижала руку с сандалиями к груди. – Умеешь хранить секреты?

– Конечно.

Маюн подалась вперед, словно опасаясь, что ее могут подслушать.

– По-моему, он просто слишком старомоден, – прошептала она, и Аннев ощутил на щеке ее дыхание. – И кое к чему относится чересчур серьезно. – Она подмигнула. – Пока, Аннев.

– Пока... – Он помедлил, смакуя вкус ее имени. – Маюн. Маюн прошла немного вперед, остановилась на площади

и, оглянувшись через плечо, тихо произнесла:

– Было приятно остаться с тобой наедине там, в храме.

И, не давая ему возможности ответить, бросилась к каменной лестнице, ведущей в Академию, взлетела по ступеням и исчезла из вида.

Аннев вздохнул. Кожа его горела, в голове кружил хоромы мыслей.

«Она такая красивая... – подумал Аннев, глядя на ступени. – Но иногда...»

Иногда ее больно слушать, потому что она говорит точь-в-точь как Тосан. Но временами... ее слова подобны сладкому нектару. И за них ей можно простить все что угодно.

Глава 14

– А что, интересно, скажет древний Тосан, когда узнает, что его дочка обменивается дарами со служителем Айнневогом? – раздался вдруг у него за спиной чей-то глумливый голос.

Аннев обернулся – и увидел невесть откуда взявшегося Фина.

– И что они тайком целуются?

От приподнятого настроения не осталось и следа.

– Вот сходи к старейшему Тосану и узнай, – резко ответил Аннев. – А он потом спросит у дочери, правду ты говоришь или нет. Хотелось бы мне на это посмотреть.

Фин зло зыркнул в ответ. Он уже успел переодеться: вместо коричневой формы на нем была обычная повседневная одежда.

– Думаешь, ты лучше нас? – прошипел он сквозь стиснутые зубы.

– Кое в чем я и правда лучше, Фин. От меня, например, пахнет приятнее.

Фин расхохотался, хотя в голосе его не слышалось и намека на веселье.

– Думаешь, ты такой умный? Подкрался ко мне, как трус. Мучил меня! Сунул под шумок медальоны своему дружку-крысенышу.

– Нечего было издеваться над Титусом, – заявил Аннев.
Фин хмыкнул:

– Он прошел только благодаря тебе – точнее, твоему вранью. Но ты зря старался: он все равно станет стюардом, а тебе никогда не победить меня в честном бою.

«Так вот в чем дело, – подумал Аннев. – Он здесь, чтобы поставить меня на место. Здорово».

– Ты провалишь Испытание суда, – пообещал Фин. – Даже не сомневайся. Победа должна достаться мне. Не тебе. И не кому-то еще.

Аннев закрипел зубами от злости. Фин открыто нарывался на драку и попросту его провоцировал. И Аннев чувствовал, что у него это прекрасно получается.

– Завтра и выясним, Фин, – спокойно сказал он. – А сейчас мне нужно помочь Содару подготовиться...

– Думаешь, раз ты возишься в часовне с этим старым пердуном, то ты особенный? Ну конечно – ты же такой важный. Вечно тебе нужно задавать какие-то дурацкие вопросы...

– Нет, Фин. Мне просто пора работать...

– А раз так, значит ты можешь делать все, что твоей душе угодно, ведь правила существуют для всех, кроме тебя?

Он ходил туда-сюда, сжимая и разжимая кулаки.

– Фин, – сказал Аннев, едва сдерживая гнев. – День был долгий, а у меня еще куча работы.

И с этими словами зашагал прочь.

«Иди своей дорогой, – думал он, ускоряя шаг. – Ты уже

сказал, что хотел. Я не такой, как вы. На том и порешили».

– Вот об этом я и говорю! – проорал Фин и бросился следом. – Ты думаешь, что можешь делать все, что душе угодно. Братъ, что захочется. Уходить, когда захочется.

Он обогнал Аннава и встал посередине улицы, загромождавая ему дорогу.

– Ходишь тут, строишь глазки директорской дочке! На уроках над людьми издеваешься. А каждый Седьмой день стоишь себе в часовне, весь разодетый: смотрите, какой я святоша, не то что вы! И перчатка эта идиотская, – Фин показал пальцем на левую руку Аннава, – нужна тебе только для того, чтобы выделиться! Сами, мол, копошитесь в грязи, а я выше этого.

Ох, Фин, если бы ты только знал.

– Сегодня я дал себе обещание. – Фин вынул из-за спины две ротанговые палочки. – Угадаешь какое?

«Кровь и кости, – ругнулся про себя Аннев. – Кажется, деваться некуда».

– Попробую, – ответил он, продвигаясь бочком к переулку и глядя по сторонам в поисках возможных путей отступления. – Отомстить мне за то, что бросил тебя в желоб?

Фин улыбнулся:

– Желоб я тебе прощаю. А вот издевательства... – Он крутанул в руках двухфутовые палочки, закаленные огнем, и пошел на Аннава. – Ты сказал, что, если я еще раз трону твоих дружков, ты меня прикончишь. А что, если я прикончу тебя?

Лишь сейчас Аннев сообразил, что дело действительно совсем плохо: Фин хочет крови, а значит, он ее получит. Во что бы то ни стало.

Проклятье.

Остается всего три варианта.

Первый: извиниться и уповать на то, что Фин его отпустит. Ну да, конечно.

Второй: позволить Фину исколошматить себя палками – глядишь, утолит жажду крови и отстанет. Вот только этот и правда может убить.

Третий: побить Фина. Что нереально. И об этом знают они оба. А учитывая, что их стычки становятся более жесткими, а ненависть все не находит выхода, единственный способ сделать так, чтобы Фин наконец отстал, – либо изувечить его, либо дать ему изувечить себя. Ну или поубивать друг друга.

Как бы то ни было, умирать Анневу не хотелось.

Он вздохнул.

«Ну что ж. Пройдемся по списку».

– Фин. Прости, что я тебя мучил. Я не должен был заходить так далеко. Это получилось случайно.

– Случайно? – ледяным голосом переспросил Фин. – А мне казалось, ты сделал это специально, чтобы отомстить за друга. Ты уверен, что это была «случайность»?

– Я не хотел переступить грань допустимого, – настаивал Аннев, хоть и сам прекрасно знал, что это неправда.

Он бросил взгляд поверх плеча Фина и увидел, что пере-

улок, в котором они стоят, упирается в широкую улицу, опоясывающую площадь.

Вот и четвертый вариант: со всех ног бежать в часовню!

Он сделал несколько шагов по направлению к улице.

Фин тряхнул головой, и спутанные локоны упали ему на глаза.

– Ну да. Это понятно. Конечно, я тебя отпущу. Как будто ничего не было. И считай, что ты снова легко отделался. Как всегда.

– Фин, я и правда не хотел.

Фин быстрым движением дважды ударил палочки друг о друга.

– Вот только, боюсь, сначала произойдет еще одна случайность – и завтра ты будешь не очень здоров, для того чтобы участвовать в Испытании.

И тут, как по команде, позади Аннава возникли Бринден, Келлор и Яспер. Все трое, как и Фин, были одеты по-будничному – чтобы не привлекать ненужного внимания.

«Может, не все еще потеряно?» – мелькнула в голове отчаянная мысль.

Но бежать было некуда, а первый вариант явно провалился. Мальчишки взяли его в кольцо, и Аннев почувствовал, как кровь вскипает от выброса адреналина. Он сделал глубокий вдох. Воспользоваться своим, хоть и минимальным, преимуществом и ударить первым? Или подождать, когда они бросятся в атаку?

Аннев огляделся: переулок всего десять футов шириной; слева Фин, справа – его дружки; впереди и за спиной – стены. Дверь ловушки захлопнулась.

Это будет настоящая бойня.

Глава 15

Фин выбросил вперед кулак, делая вид, что целится Анневу в лицо, а сам схватил черную перчатку, которую тот держал в руке. Аннев кинулся было к нему, но Фин отскочил назад, разорвал перчатку на несколько частей, а потом бросил их на землю и давай топтать.

– Ну что, парни? Песочненько смотрится? Как по мне, то пока не очень.

Аннев бросился подбирать остатки перчатки, но Фин, махнув ногой, чуть не попал ему в пах. Аннев отпрыгнул назад, к Ясперу и Бриндену. Яспер попытался схватить его за руку, но Аннев перехватил его руку и, используя его же силу, перебросил неуклюжего аватара через плечо, прямо в Бриндена. Оба рухнули на землю.

– Взять его! – завопил Фин.

Келлор бросился вперед, но Аннев, развернувшись, ударил его ногой в лицо. Келлор пошатнулся, из его носа, похожего на клюв, рекой хлынула кровь. Пока мальчишка тряс головой, пытаясь прийти в себя, на ноги поднялся Бринден.

Аннев рванул к дому, стоявшему перед ним, взбежал по стене и, сделав обратное сальто, пнул замершего от удивления аватара по затылку. Бриндена от сильного толчка кинуло вперед, он с размаху ударился о каменную стену и повалился на землю. Аннев же мягко приземлился, готовый к новой

атаке.

Тут его внимание привлек какой-то свистящий звук, и он едва успел повернуть голову, чтобы увидеть, как ему в лицо, крутясь в воздухе, летит ротанговая палочка. Аннев пригнулся и выставил руку, защищая голову. Палочка, задев предплечье, со скрежетом пронеслась по дороге, вздымая пыль. В ту же секунду Аннев увидел, как в него летит вторая палка. Он бросился на живот – и только сейчас понял, что это был всего лишь отвлекающий маневр. Уже мгновение спустя он почувствовал между лопатками колено Фина, и воздух с силой вышибло из легких. Аннев закашлялся, не в силах ни пошевелиться, ни вздохнуть.

Их окружили остальные аватары. Переулок огласился их одобрителем улюлюканьем, когда Фин впечатал лицо поверженного соперника в засохшую грязь. Аннев, оглушенный, с полным ртом каши из земли и крови, пытался сопротивляться, но его тут же успокоили пинками.

– Снимите перчатку! – взревел Фин.

Аннев почувствовал, как сдернули с руки перчатку Маюн; потом услышал, как заржал Келлор, когда бросил ее Фину.

– Теперь ты копошишься в той же грязи, что и все мы, – прорычал аватар.

Вчетвером они перевернули Анневу на спину. Фин зачерпнул пригоршню земли, запихнул Анневу в рот и прижал сверху ладонью. Земля забила горло, Аннев давился и кашлял.

– Как ощущение? – прошептал ему на ухо Фин. – Нравится быть в моей шкуре? Когда не можешь двигаться? Не можешь дышать?

Он подвинул ладонь выше и зажал Анневу еще и нос, окончательно перекрыв доступ воздуха. Все, что мог сделать Аннев, – лишь смотреть на своего мучителя обезумевшим взглядом.

– Теперь ты знаешь, каково это, – прошипел Фин, и его глаза яростно заблестели. – Ты не такой, как мы, Аннев. Ты хуже. Ты – слуга. А завтра ты и твои дружки станете стюардами. И жить ты отныне будешь, как и все, в Академии, а вместо того чтобы читать проповеди в часовне, будешь стирать наше белье и драить полы.

Аннев вертелся и извивался, зрение его затуманилось, легкие жгло огнем от недостатка кислорода, но аватары не давали шевельнуть ни рукой, ни ногой, а ладонь Фина лежала на лице, словно тяжелая, неумолимая печать.

«Он убьет меня, – промелькнуло в затухающем сознании. – Вот так я и умру...»

– Но я могу избавить тебя от этой позорной жизни, – произнес Фин, словно прочитав его мысли. – Если прикончу тебя – прямо здесь и сейчас.

Он еще сильнее прижал ладонь, наблюдая, как дрожат и смыкаются веки Аннева. А потом наклонился к самому его лицу:

– Или же я могу оставить тебя в живых. Ты станешь стю-

ардом, я женюсь на Маюн, и мы все вместе посмеемся над тем, что когда-то ты мнил себя особенным.

Маюн.

При одном упоминании этого имени кровь застучала в висках. За секунду в воображении пронеслась картина: Маюн отвергает его, потому что он жалкий стюард, и выходит замуж за Фина – подающего надежды аватара. Неужели она и вправду способна на такое предательство?.. От этой мысли глаза загорелись яростью, а в левой руке появилось странное ощущение – как будто изнутри в нее впились сотни иголок. Аннев вдруг почувствовал, как проснулась какая-то далекая, до этой поры неведомая часть его сознания.

Ощувив невероятный прилив энергии, Аннев мотнул головой. Вывернувшись из-под душащей его ладони, он врезал Фину лбом в нос и выплюнул ему в лицо кровавую кашу. Тут же, не обращая внимания на вспыхнувшую перед глазами россыпь искр, выдернул правую руку из хватки Яспера, вмазал ему кулаком по щеке и попытался высвободить левую, но Бринден вцепился в нее намертво.

Фин взревел, и его мощный кулак обрушился Анневу на лицо, распоров кожу на скуле. Голова Аннева с хрустом откинулась назад, он беспомощно заморгал, а подскочивший Яспер снова прижал его руку к земле. На шее сомкнулись мясистые ладони Фина.

– Надо бы тебя укокошить, – прорычал аватар.

Кровь тонкими ручейками струилась по его лицу; тяжело

дыша, он все сильнее сжимал Анневу горло.

– Но лучше живи – тогда я смогу и дальше тебя мучить. Каждый день. Пока сам не сдохнешь.

Он убрал руки и наотмашь ударил Анневу тыльной стороной ладони. Аннев был ему даже благодарен – ведь теперь он мог хотя бы дышать.

Фин схватил валяющуюся на земле перчатку с фениксом.

– А это заберу себе. – Он уперся коленями Анневу в грудь. – Наверяд ли Маюн будет возражать. Слабак, неспособный уберечь такой подарок, его недостоин. К тому же стюарды носят только песочное? Других цветов им не положено.

Прежде чем встать на ноги, Фин резко, всем весом, надавил Анневу на грудь, так что захрустели ребра.

Аннев закашлялся и свернулся клубком. На каждый вдох истерзанные легкие отзывались мучительной болью.

Сквозь пелену, застилавшую глаза, он видел, как Фин подбирает ротанговые палочки, как вся банда, ликуя, уходит и подельники Фина стучат ему по плечу кулаком: ай да ты, ай да молодец!

– Счастливого тебе Регалея! – прогоготал Яспер.

Здравый смысл и инстинкт самосохранения так и кричали: лежи и не двигайся! Но Аннев их не послушал. Повинуясь негибному упрямству, он поднялся на ноги и, глядя вслед удаляющемуся Фину, прошипел:

– Ты все не успокоишься, потому что это правда.

Парни стали как вкопанные и медленно развернулись.

– Что ты сказал? – спросил ледяным голосом Фин.

– Я лучше тебя, – продолжал Аннев. – Поэтому ты и бе-
сишься. Я лучше тебя!

Последние слова он выкрикнул во весь голос, чтобы их слышала вся деревня.

– Я лучший аватар, чем ты, Фин, – ты и сам это знаешь. Вот почему Маюн выбрала меня. Вот почему тебе никогда не одолеть меня в одиночку. Ты меня боишься. И правильно делаешь.

Яспер, Бринден и Келлор, раскрыв рты, во все глаза глядели на Аннева. Когда он закончил, они синхронно уставились на своего предводителя. Фин стоял, сжав кулаки, и трясся от злости.

А Аннев смотрел на него и ухмылялся, и ни боль, ни осознание того, что он произнес нечто совершенно безумное, не могли стереть эту торжествующую ухмылку с его лица.

И тут Фин, издав нечеловеческий яростный вопль, поднял ротанговые палочки над головой и бросился на Аннева. Аннев ринулся ему навстречу. Нырнув под палочки, он врезался в аватара, и оба, сцепившись, покатались по земле.

Уже через несколько секунд стало ясно, что Фин побеждает. Он ударил Аннева кулаком в висок и потянулся к горлу, но Аннев оказался быстрее и выставил вперед правую руку, блокируя атаку. Тогда Фин схватил его за запястье и начал выворачивать кисть до тех пор, пока не раздался хруст. Аннев взвыл от боли.

Фин отпустил искалеченную руку.

– Прости, – оскалился он. – Случайно вышло.

Бросив последний взгляд на своего противника, измазанного кровью и грязью, Фин презрительно фыркнул и встал на ноги.

– Ты бы к лекарю ходил. А то придется тебе завтра остаться дома. Обидно будет.

Он взял палки и пнул Аннева по ребрам. Аннев, кашляя, снова свернулся клубком. По губам текла кровь, один глаз не открывался, другой заплыл наполовину. Сквозь эту узкую щелочку он видел, как четверка уходит, но, даже убедившись, что остался один, Аннев не пошевелился. Некоторое время он лежал, пытаясь восстановить дыхание и прижимая к груди изувеченную руку. Потом, собравшись с последними силами, перекатился на бок и кое-как, пошатываясь, поднялся на ноги.

Все тело, до последней клеточки, ныло. Лоб пульсировал от боли, горло словно выжгли изнутри огнем, а запястье было совершенно точно сломано. Но Аннев все равно улыбался.

Ведь в левой руке он держал красную перчатку с фениксом.

Глава 16

С годами зал часовни почти не изменился. Разве что массивные сосновые скамьи да камни, из которых был выложен пол, стали более гладкими благодаря тому, что за это время бесчисленное множество прихожан успело на них помолиться – сидя или стоя на коленях. Каждый день старый священник или его юный помощник наводили в зале уборку, и потому святое место всегда сияло чистотой.

В отличие от храма Академии, часовня не могла похвастаться роскошным убранством. Здесь на стенах не имелось резного орнамента, и даже каменный алтарь с высеченными на нем изображениями посоха Одаря, священными символами кваира и наполненным водой желобом у основания – все это говорило о даритском происхождении создавшего его мастера – не шел, по мнению Аннева, ни в какое сравнение с алтарем в Академии. Зато каждый из этих знаков, пусть и весьма немногочисленных, имел здесь особое значение, а все вместе они представляли собой единство, непонятное постороннему взгляду, но отображавшее собственное видение Содаром даритской веры с ее притчами и канонами.

Это место казалось скромным – как раз таким, каким его и задумывал Содар.

Прижимая к груди сломанную руку, Аннев ввалился на

кухню. Он не сомневался, что священник дома, готовится к праздничной службе. Однако кухня оказалась пуста. Вбежав в личные покои наставника, он увидел запроваленную кровать, пустой письменный стол и запертый сундук с одеждой, но самого старика здесь не было.

– Содар?

Да где же он?

Боль усиливалась, а вместе с ней и паника.

Аннев знал, что Содар ему поможет – колдун излечивал раны и пострашнее этой. Поэтому, вместо того чтобы валяться в переулке, истекая кровью и прощаясь со своим славным будущим, Аннев и пополз в часовню. Нужно было лишь вытерпеть эту пульсирующую во всем теле боль и постараться не трогать раненую руку, чтобы не сделать себе еще хуже. Нужно было лишь добраться до дома, где его встретит Содар...

Вот только Содар куда-то исчез.

И Аннев понял, что придется справляться самому. Вернувшись в кухню, он здоровой рукой схватил ковш, налил в таз воды и, преодолевая боль, начал умываться. Свое отражение он толком рассмотреть не мог, но ощущения говорили, что выбитых зубов нет, а раны не настолько глубоки, чтобы потребовалось их зашивать.

А вот с запястьем дела обстояли совсем плохо: любое, даже легчайшее, прикосновение вызывало волну острой боли. Пошарив в сундуке с одеждой, Аннев вытащил старую руба-

ху, из которой соорудил повязку. Правда, на это у него ушла целая вечность, и, пока он рвал полотно и завязывал узлы, пользуясь одной рукой и зубами, он тоскливо поглядывал на дверь в надежде, что вот-вот на кухню войдет Содар. Когда повязка была готова, а Содар так и не появился, Аннев, обыскав полки, нашел кусок солонины и краюху хлеба и с жадностью их проглотил. К этому времени запястье распухло, и Аннев решил, что пора заняться поисками наставника всерьез.

По пути на улицу он обратил внимание, что в сарае среди инструментов нет топора.

«Но ведь Содар не рубил дрова, – подумал Аннев, – иначе я бы его услышал... Тогда зачем ему брать с собой топор?»

Бессмыслица какая-то.

Анневу стало и вовсе не по себе. Он был вымотан до смерти, его тело терзала мучительная боль, и единственное, чего ему хотелось, – это свернуться клубком на кровати и плакать до тех пор, пока не сморит сон. Но прежде пусть Содар вылечит его раны.

А для этого его сначала нужно найти.

Стиснув зубы, Аннев снял с крюка свой охотничий нож и вышел из сарая. Позволив двери с грохотом захлопнуться за собой, он заковылял по направлению к Чаше. У деревьев он остановился и прислушался, но не уловил ничего необычного. Тогда он нырнул в полумрак леса и стал медленно пробираться сквозь заросли. Не прошло и минуты, как он увидел

прислоненный к дереву топор.

«Значит, он был здесь. Но куда отправился потом? И зачем оставил топор?»

Случись какие неприятности, Содар наверняка выбрал бы оружие посерьезнее. Если бы нужны были дрова, он бы сейчас их рубил. Однако топор просто стоял у дерева, как будто Содар оставил его там нарочно, а сам отправился в Чашу по какому-то секретному делу.

«Чтобы потом он мог сказать, что пошел в лес за дровами, – осенило вдруг Аннава. – Но кого он хочет провести?»

На время юноша позабыл о боли и, прижав раненую руку крепче к телу, двинулся дальше в Чашу. Он крался, как призрак, весь превратившись в зрение и слух. Если Содар здесь проходил или с ним случилась беда, должны остаться следы, и Аннев непременно их заметит. В то же время сам он старался не оставлять за собой следов и не производить ни единого звука. Поэтому там, где возможно, он избегал участков, покрытых слоем сухих листьев или грязью, выбирая путь в обход: по камням или перепрыгивая с одного высохшего пяточка земли на другой. Чувствовал он себя при этом глупее некуда: вдруг с Содаром все в порядке, а он тут ползает и скачет как идиот? Но ведь пока он не знает этого наверняка, а значит, лишняя осторожность не повредит.

Всю дорогу он прокручивал в голове слова, которые постоянно говорил ему Содар: «Всегда будь начеку, особенно в Чаше. Это дикий зверь, который лишь прикидывается руч-

ным. В Академии тоже не зевай: у нее тысячи глаз и ушей, которые вечно следят и подслушивают. Оставайся наготове. Опасность о себе предупредить не станет».

Содар никогда толком не объяснял, какая опасность грозит ему в Академии. Аннев полагал, что дело в его руке: если древние о ней узнают, ему конец. А вот опасности Чащи никакой загадки для него не представляли: ясно же, что нужно остерегаться медведей и кабанов. Вот только сейчас, продираясь сквозь кусты и деревья, Аннев задумался: возможно, его наставник имел в виду не только дикое зверье? Он вспомнил, как Содар строго-настрого наказывал ему держаться подальше от сумеречных омутов, и по коже побежал противный холодок. А вдруг Содар случайно в такой попал? Он скользнул взглядом по теням под деревьями и, вздрогнув, продолжил свой путь.

Забравшись на усеянный валунами холм, Аннев вдруг услышал возглас.

Содар!

Юноша поспешил на звук, но крик не повторился. Тогда он сбавил шаг и напряг слух.

– Всего пятьдесят ремесленников?

Аннев нахмурился. Это определенно был Содар, но в его голосе слышалась такая глубокая печаль...

– Невозможно, – говорил Содар. – Этого... этого просто не может быть.

– Уверяю тебя, это правда.

Аннев прокрался еще немного вперед. Ему было совестно: следовало бы тут же выскочить из укрытия и броситься к Содару, но он просто сторал от желания узнать, почему Содар просто взял и исчез, да к тому же еще и решил отвести кому-то глаза, оставив в лесу топор. Подобравшись достаточно близко, чтобы слышать каждое слово, Аннев огляделся в поисках подходящего дерева. Он надеялся, что сможет на него вскарабкаться: в конце концов, он и не такие трюки научился выполнять, пользуясь лишь одной рукой, – правда, обычно это была правая рука. Но попытка не пытка.

Выбрав себе один из толстых белых кленов, растущих в нескольких шагах, Аннев ухватился за нижнюю ветку и подтянулся. Потом обхватил ствол рукой и полез вверх, используя кривые ветви как ступени. Добравшись до места, откуда он мог наблюдать за говорящими, Аннев устроился на широкой узловатой ветви и наострил уши.

Внизу у маленького костерка сидел какой-то человек в плотном коричневом плаще. На углях стоял старый чайник с вмятиной на боку, появившейся там из-за того, что Аннев как-то раз его уронил. У огня на плоском камне сушились сапоги незнакомца, от которых поднимался едва заметный пар. Мужчина прихлебывал из кружки, держа ее обеими руками, а неподалеку от него на земле лежала охапка стрел.

Содар шагал туда-сюда и что-то неслышно бормотал.

– Наши потери за последние две тысячи лет не поддаются счету, – произнес незнакомец.

Он отставил чашку и взял один сапог. Сунув в него руку, он поморщился и подвинул оба сапога ближе к огню.

– Но чтобы столько и сразу... Это неестественно.

Содар зашагал быстрее.

– Всего пятьдесят, – тихо сказал он. – А была почти тысяча. Из которой восемьдесят – вечные. Наше число росло. А теперь ты говоришь, что ремесленников осталось всего полсотни? – Он остановился, глядя на незнакомца. – Сколько среди них вечных?

Человек вздохнул:

– Вместе с нами? – Он принялся загибать пальцы. – Семеро.

– Семеро?

Аннев едва расслышал шепот Содара. Священник тяжело опустился на камень и уставился в пустоту.

«Да о чем это они? – удивился Аннев. – Что еще за ремесленники и вечные?»

– Семеро, – повторил человек, – а из уцелевших сорок точно ни за что не согласятся обязать себя нашим договором. Но многие из братьев успели скрыться, поэтому сказать точно невозможно. Выживших может оказаться больше или меньше.

Он потер ладони друг о друга.

Содар, казалось, отказывался верить в услышанное.

– Семеро, – снова прошептал он. – Моргенстоун?

– Погиб.

– Балхамэль?

Незнакомец покачал головой.

Содар еще больше поник. Через несколько мгновений он снова поднял глаза на собеседника и спросил:

– Ты сказал, вечных семеро. Что со Скитальцем?

Тот задумался, прежде чем ответить:

– Он стал бы восьмым. Но, насколько мне известно, его уже несколько десятков лет нет на этом свете.

– Да что же случилось, Арнор? Неужели братья отправились на войну? Я полагал, Рив...

– Нет, не на войну. По крайней мере, не на войну в привычном нам с тобой смысле этого слова. – Арнор почесал заросшую короткой щетиной щеку. – Распри между гильдиями зашли слишком далеко – чего там только не случилось за последние двадцать лет. Ну да ты и сам знаешь.

Содар кивнул.

– Вот только все стало еще хуже, – продолжал гость. – Намного хуже. Года три назад они принялись осыпать друг друга угрозами – обычная история для ловцов разума и призывателей бури. Да и среди остальных особого согласия не наблюдалось. Но несколько месяцев назад начали исчезать целые анклавы. Сначала мы этого не заметили, а когда принялись за расследование, все дионахи Тобар к югу от гор Калех исчезли. Погибли или пропали без вести.

– Неужели Верховный совет ничего не заметил? Арх-дионахи Кадмон и Леви оба из Тир-Реоты.

– Они пропали в числе первых. Никто ничего не знал, даже Рив, до собрания Совета. Ни один из тех, кого мы отправили на разведку, не вернулся.

– Уму непостижимо, – выдохнул Содар. – Поверить не могу, что все случилось так быстро...

– Именно. Сначала мы подозревали, что угроза идет извне. Инквизиторы или терранские ремесленники, умудрившиеся отыскать лазейку на юг. Но отряд, отправленный в горы, хоть и вернулся ни с чем, зато без потерь. А из анклавов мы не дождались ни одного.

Арнор встал и, обхватив краем плаща ручку кипящего чайника, налил себе еще чая.

– Лишь год назад мы поняли, что опасность таится внутри братства. – Арнор подул на горячую чашку. – Тогда-то и разразилась Война гильдий. Началось все с политических интриг – каждый принялся тянуть одеяло на себя, стремясь заполучить большее влияние. Так продолжалось до тех пор, пока не появились Проповедники Истины – так они себя называли. Они попытались захватить власть. Уничтожили большинство членов Верховного совета, прежде чем их смогли остановить. В результате почти все, кого коснулась война, погибли. Вербовка в братство с тех пор прекратилась. Четыре гильдии слишком напуганы, чтобы доверять друг другу, и многие из братьев сбежали и укрылись в убежищах. Рив пытался уговорить их вернуться, чтобы мы снова могли воссоединиться, но вняли ему только щитоносцы.

– А что сокрушители духа? Уж наши-то к тебе наверняка прислушаются.

Арнор покачал головой:

– Мы всегда держались каждый сам по себе, и теперь это работает против нас. Те, кого мне удалось найти, хотят лишь, чтобы их оставили в покое. А без представителей судебной власти Верховному совету не вернуть своих полномочий.

– Пятьдесят, – будто не слыша его, повторил Содар. – Из сотен тысяч. Скоро не останется ни одного последователя истинного учения Одара. – Он долго смотрел на пламя костра, потом шумно вздохнул и произнес: – Мы сами сотворили с собой то, чего никогда бы не удалось Кеосу с его владыками крови.

Арнор поставил чашку на землю и надел сапоги.

– Прости, что пришел к тебе с дурными вестями, Содар. Но ты нам нужен. Рив просит тебя вернуться на север. Там тебя по-прежнему помнят. Ты не запятнал себя ни грязной игрой, ни кровью – многие пошли бы за тобой.

– Нет. Мое дело здесь имеет первостепенную важность. И не только для братства. – Он неотрывно смотрел на огонь. – Для всего мира.

Арнор, пристально глядя в лицо Содару, медленно кивнул, хотя было ясно, что он другого мнения.

– Я тебя понял, – сказал он. – Что ж, просьбу Рива я тебе передал. Еще он спрашивал о мальчике – насколько сильна уже его магия? Если бы ты привез его в Квири, его трени-

ровками занялся бы орден.

Содар решительно замотал головой, но Арнор продолжил:

– Там он не лишится ничего из того, что есть у него здесь.

– Кроме безопасности.

Арнора этот довод нисколько не убедил.

– Ты нам нужен, Содар. Откровенно говоря, я поражен, что Рив не приказал притащить тебя в Совет силой.

– Я уже в Совете, – промолвил Содар, глядя вдаль. – Но мое дело требует слишком много времени и внимания. Я не могу позволить себе отвлекаться.

– Отвлекаться? – раздраженно переспросил Арнор. – Учтывая, что орден почти уничтожен, ты, безусловно...

– Нет, – отрезал Содар, глядя на него. – Если только Рив лично не явится за мной – или не принудит меня вернуться, – я останусь здесь и буду делать то, что должен. Как и все эти годы.

Некоторое время Арнор не отвечал, лишь сжимал и разжимал кулаки. Наконец он произнес:

– Одар свидетель, без тебя нам придется совсем туго. Братья послушали бы тебя, я уверен. Нас стало бы больше, намного больше... Но если ты должен находиться здесь... – Он пожал плечами. – Не понимаю, как один мальчишка может быть важнее целого культа... но кто я такой, чтобы спорить с арх-дионом.

В пристальном взгляде Содара появилась грусть.

– Этот титул – невыносимая ноша, Арнор, не напоминай

мне о нем. Здесь я всего лишь брат Содар.

Арнор усмехнулся:

– Значит, спорить можно?

– Нет.

Он кивнул и, чуть склонив голову вбок, продолжил:

– Так и быть. Прежде чем уйду, хочу предупредить: за мной велась слежка – от Квири до самого Возгара.

Содар резко поднялся на ноги:

– Что? Почему ты сразу не сказал? Кто это был?

– Эйдолон. Я с ним справился.

– Порождение тени? Ты не ошибся?

Арнор молчал, не отводя глаз.

– Ну конечно же не ошибся. – Содар подергал всклокоченную бороду. – И ты с ним разделался... Хорошо, очень хорошо... – Он задумчиво почесал щеку. – Это как-то связано с исчезновением ремесленников?

– Я тоже задавался этим вопросом, – ответил Арнор. – Но среди братьев я не знаю ни одного, кто способен призвать эйдолона. За мной и раньше следили – но то были братья из других гильдий, а не порождения тени. Так что пока никакой связи я не вижу.

– Значит, это дело рук жреца Бога теней или кого-то, кто владеет магией пустоты, – тихо произнес священник. – Почему он шел за тобой?

– Может, кто-то прознал, что я собираюсь навестить братьев в их убежищах. Наверняка сказать не возьмусь, но ду-

маю, неспроста он появился именно тогда, когда я отправился к тебе.

– Я тоже так думаю, – кивнул Содар.

Тон старика звучал раздраженно.

Арнор похлопал его по плечу:

– Но не исключено, что это лишь совпадение. Все решили, ты давно умер. Да я сам так считал, пока Рив не поручил мне тебя разыскать, а это оказалось весьма непросто, даже с его подсказками.

– Да. Охранное заклинание отводит от нас незваных гостей. Если твои глаза не помазаны аклумерой, деревню ты не увидишь – а деревня не увидит тебя.

– Аклумера? – изумленно воскликнул Арнор. – Да уж, такую тайну следует оберегать как следует.

– Именно. Поэтому никому об этом не говори. – Содар помолчал. – Привлечь мое внимание с помощью стрел – отличная задумка. Как ты узнал, в какую сторону стрелять?

– Никак, – рассмеялся Арнор, собирая стрелы. – Хоть Рив и дал мне карту, которую ты сам когда-то для него нарисовал, не слишком-то она и помогла, так что я стрелял наобум. Эх, жаль, не все стрелы нашел. – Арнор достал из-за бревна, на котором он сидел, дорожный мешок. – Что до слежки – я думал, тебе будет интересно услышать о порождении тени, вот и рассказал. Но, как по мне, здесь тебя никакому эйдолону не достать. Искать тебя вряд ли кто ищет, а встретиться с тобой случайно – об этом и говорить смешно.

Следом за мешком он вытащил лук со спущенной тетивой. Сунув стрелы в колчан, Арнор вскинул мешок на плечо, а лук взял в руку, как посох.

Содар гладил бороду, о чем-то размышляя.

– Где ты упокоил эйдолона?

– В Возгаре. Едва я покинул Квири, как тут же понял, что за мной следят. Но кто – или что – не распознал, пока не дошел до самой Чащи. Тогда я повернул на юг – надеялся, что удастся сбить тварь со следа. И в конце концов ее прикончил.

– И я этому рад. – Содар сделал глубокий вдох и медленно выдохнул. – Мир все так же полон опасностей, но Шаенбалу по-прежнему надежно укрывает нас от них.

– Я все передам Риву.

Мужчины пожали руки, и Арнор на мгновение задержал руку Содара в своей.

– Ты точно не отправишься со мной? Боги свидетели, еще один вечный нам бы точно не помешал.

Содар улыбнулся:

– Может быть, позже. Когда Аннев подрастет. Но пока его рука и его магия – тайна, безопаснее места для него не найти. Этот мальчик – мое бремя, но несую я его не напрасно.

«Бремя? – Аннев крепче обхватил ветку, на которой лежал. – Значит, я ему в тягость?»

Он и сам нередко так думал, но одно дело – догадываться, и совсем другое – услышать это из уст самого Содара.

«Он до сих пор считает меня ребенком, – подумал Ан-

нев. – Я для него маленький мальчик, а не мужчина. Если бы он мне доверял, то не стал бы притворяться, что пошел в лес нарубить дров. Этот человек... Арнор... да он знает о Содаре больше, чем я».

И от этого осознания Анневу стало дурно. Перед глазами пошли круги, и пришлось еще сильнее вцепиться в ветку, чтобы не соскользнуть вниз.

Во всем Шаенбалу – да и во всем мире! – нет такого человека, кто знал бы Аннева лучше, чем Содар. И вдруг появляется какой-то незнакомец, который вот так запросто говорит с Содаром о его тайнах, и выясняется, что всю жизнь Содар Анневу врал! И о себе, и об их дружбе, и о том, зачем он вообще взял Аннева к себе. А Аннев, наивный дурачок, верил каждому его слову.

Но больше этому не бывать.

– Хорошо, – кивнул Арнор. – Удачи, Содар. Не завидую я тебе.

– А я – тебе, – ответил старик. – Мне жаль, что я не могу уйти из Шаенбалу. Но что делать – риск слишком велик.

Они крепко обнялись.

– Будь здоров, друг мой. Передай Риву мой сердечный привет и проследи, чтобы мой перевод Спеур Дун непременно попал в его руки.

– Обещаю. Будь здоров, брат Содар.

Арнор поднял колчан и зашагал прочь. Протяжно вздохнув, Содар принялся собирать посуду и тушить костер.

Аннев же, прижав сломанное запястье к груди, неуклюже слез с дерева и побрел домой. Теперь от боли разрывалось не только его тело, но и душа.

Он пришел в часовню за утешением, но вместо утешения нашел загадку. Отправился на поиски друга и наставника – а встретил двух чужаков: первого он раньше не видел, а второго, как оказалось, – не знал.

Еще никогда в жизни он не чувствовал себя таким одиноким.

Глава 17

Аннев вошел в часовню. Все вокруг словно застилал туман. Он даже не мог разобраться, что причиняет большую боль: изувеченное запястье или разбитое сердце.

«Что еще он от меня утаил? О чем еще солгал?»

Содар всегда скрытничал, но оно и понятно: никто, тем более мастера и древние, не должен был догадываться о его магическом мастерстве. Но до сегодняшнего дня Аннев считал, что неплохо осведомлен о прошлом своего наставника.

За семнадцать лет, проведенных со священником, он собрал по кусочкам картину жизни Содара – как минимум основных ее вех. Способности у Содара проявились еще в детстве, когда он жил в Одарнее. В те времена люди проявляли чуть большую терпимость к изгоям. Содара сторонились, но его не забили камнями до смерти и не изгнали. Какой-то странствующий торговец, сжалившись над мальчиком, позвал его с собой, и Содар согласился. За годы путешествий с караваном он повстречал многих людей, ставших его наставниками в магии и вере. В четырнадцать он ушел в священники. Через семь лет какой-то доблестный герой, отправляясь на войну, попросил Содара стать его духовным наставником. Содар внял его просьбе, и его магия долгое время защищала воинов, бившихся под флагом героя. Священник даже участвовал в нескольких битвах, о чем свидетельство-

вал весь в зазубринах треугольный щит, который Содар часто показывал Анневу.

Как его там? Рыбоглав? Или Зуболом?

Аннев никогда не мог запомнить имени щита, ему хотелось лишь потрогать прекрасное оружие и взять его на тренировку.

Но Содар не разрешал. Он говорил, что прошлому не место в настоящем, и утверждал, что, переступив порог монастыря в Баноке, навсегда распрощался с жизнью воина. Правда, до того успел накопить изрядный запас знаний о военном деле и объехать чуть ли не полмира. Временами древние из Шаенбалу обращались к нему, когда возникала нужда в священнике. Однако все это происходило много десятилетий назад, а это, по меркам многих, целая жизнь – Содар мог позабыть подробности или попросту не считал их важными.

Так Аннев думал раньше. Теперь же он попросту не понимал, что из этого правда, а что ложь. К бесчисленным вопросам, которые у него уже накопились за эти годы, прибавились новые. Что это за тайное братство? Кто такие эти Арнор и Рив? Что означает «арх-диолах»? А «ремесленник» и «вечный»? И какое отношение имеет ко всему этому он, Аннев?

Он уже собрался лечь в постель, когда услышал, как хлопнула дверь сарая, а через секунду раздался привычный уху грохот – Содар вывалил на сушилку охапку дров.

Аннев не хотел видеть старика, но деваться было некуда: запястье еще больше распухло, боль стала вовсе нестерпи-

мой. Если и дальше тянуть – о завтрашних состязаниях придется забыть. Поэтому он поднялся с кровати, протащился через кухню и открыл заднюю дверь.

Топор обнаружился на своем обычном месте, а Содар складывал поленья.

– У нас и так хватает дров.

Вышло слишком резко, но он ничего не мог с собой поделаться – слова сами вылетели у него изо рта. Содар наклонил голову и прищурился, глядя на замершего в темном проеме Аннева.

– Что с тобой, Аннев?

Аннев нервно сглотнул, зная, что, если заговорит, не сможет сдержать эмоции. Он молча вошел в сарай, встал там, где через дыру в крыше просачивался свет, и поднял раненую руку, показывая раздувшуюся кисть, согнутую под неестественным углом и налившуюся жутким лилово-синюшным цветом.

– Боги! – воскликнул Содар, подойдя ближе. – Что случилось? Кто это сделал? А синяки на шее откуда?

Пока старик его осматривал, Аннев морщился от боли, не зная, что ответить. Но оказалось, что отвечать не требуется.

– Это Фин, верно? Фин с друзьями?

Аннев моргнул:

– Ага.

Содар повел его назад в кухню.

– Так я и думал. Видел я, как они цепляются к тебе на

тренировках. Омерзительно.

– Что? – переспросил пораженный Аннев. – Когда это ты видел?

Священник усадил его за стол.

– Месяц назад. Лед на мельничном пруду еще не сошел, а они заставили тебя в нем плавать, круг за кругом. И держали твою голову под водой, когда мастера не видели. Но я-то видел. – Содар неодобрительно поцокал языком, глядя на изуродованную кисть, потом ушел к себе в спальню и вернулся с глиняной чашкой и угольным стержнем. Зачерпнув чашкой воды из котла, стоящего у печи, он вернулся к столу.

– Чудовищная жестокость. – Окунув стержень в воду, Содар начал чертить на предплечье мальчика какой-то глиф. – Казалось бы – зачем так рисковать накануне Испытания суда?

Аннев лишь что-то глухо прорычал в ответ. Содар прекратил водить стержнем и посмотрел ему в глаза.

– Вот только случилось это не на уроке, я прав?

Врать не хотелось. Но для Содара его молчание было красноречивее слов. Едва старик открыл рот, чтобы задать новый вопрос, как в главную дверь часовни постучали.

– Кого это принесло? – удивился Содар. – Для прихожан еще слишком рано.

Он поставил чашу на стол, положил стержень рядом и направился к двери, ведущей в зал часовни.

– Погоди, Аннев. Я сейчас.

Аннев через силу кивнул и проводил священника взглядом. Пока Содар отсутствовал, юноша постарался сосредоточиться на своей злости, еще больше распалить в себе негодование и обиду, но когда Содар вернулся, неся под мышкой какой-то мешок, сильнее всего оказалось любопытство.

– Кто приходил? – спросил он.

– Йохан, свечник. – Содар водрузил мешок на край стола. – Принес ароматных свечей для сегодняшней службы.

– Это очень... щедро.

– Да уж, – согласился Содар, сунув руку в мешок. – Для такого-то говнюка.

Аннев, на мгновение позабыв о своих муках, весело рассмеялся. Вдруг Содар вскрикнул, отдернул руку, и мешок свалился со стола.

– Что? Что такое?

– Проклятый свечник, – пробурчал Содар, поднимая увесистую суму с пола. – Здесь что-то острое.

Он снова осторожно опустил руку в мешок и вынул из него длинный осколок стекла. Задумчиво хмыкнув, он положил осколок на стол.

– Вот уж воистину – остерегайся даров.

Аннев нервно заерзал на стуле: а ведь с Финном они подрались как раз после того, как он принял подарок Маюн.

– Ты и правда в это веришь?

Содар пожал плечами, прижавшись губами к ранке на большом пальце.

– Это ты мне скажи. Кроме свечей, Йохан принес послание от мастера Эдры.

Аннев, как мог, постарался сохранить невозмутимый вид. Содар взял уголь и начертил глиф на посиневшей ладони.

– Эдра напомнил, что у нас с тобой сегодня тренировка. А это значит, что он ничего не слышал о сломанной руке. – Старик вопросительно поднял кустистую бровь. – Не желаешь ли объяснить?

Аннев застонал: обещание, данное Эдре, напрочь вылетело у него из головы.

– Я пропустил половину тренировки с оружием.

– Но явно не по этой причине. – Содар кивнул на его бедную кисть.

– Нет. Меня отправили помогать Дювареку.

Содар что-то промычал себе под нос.

– Позанимаемся, когда рука заживет.

Он снова окунул стержень в чашу с водой и нарисовал третий глиф – в центре запястья. Аннев скривился, приготовившись к вспышке боли, но прикосновения стержня оказались легкими и точными.

– Запястье я вылечу – не хватало еще, чтобы из-за этих живодеров ты пропустил завтрашнее Испытание.

Аннев благодарно кивнул.

– А вот синяки оставляю, – продолжил Содар. – Для правдоподобности.

Он внимательно осмотрел свою работу и поднял взгляд на

Аннева:

– Узнаешь эти глифы?

– Тот, что на запястье, – исцеляющий. А другие два... –

Он замялся.

– Символы соединения, – ответил за него Содар, указывая на знаки, нарисованные на ладони и предплечье. – Это две части одного глифа. Если начертить их по отдельности, то они привяжут два предмета друг к другу – как минимум на некоторое время. Благодаря им кости быстрее срастаются, в особенности если рядом начертан исцеляющий глиф.

Аннев кивнул: ясно. Старик отложил стержень, накрыл изувеченную кисть ладонями и закрыл глаза.

– Сначала произносишь заклинание исцеления, – объяснил он, не открывая глаз. – После – заклинание соединения.

Он сделал глубокий вдох, медленно выдохнул и, аккуратно ощупывая запястье Аннева, начал читать: «*Slànaich is cuplaich. Cuplaich le slànachadh*».

Аннев зачарованно наблюдал за действием волшебных слов: сначала глифы засияли мягким светом, кости потянулись одна к другой, и кисть медленно начала вставать на место; вскоре размазанные черные линии высохли и превратились в полоски сухой черной пыли. Содар подул – и она улетела, а запястье стало совершенно чистым, не считая красного отпечатка от порезанного пальца Содара. Аннев стер и это пятнышко и с удовольствием осмотрел руку: страшный лиловый синяк исчез, к коже вернулся здоровый розовый цвет.

Аннев осторожно повращал кистью, потом потряс всей рукой и, наконец, сжал пальцы в кулак и с силой грохнул по столу.

Содар одобрительно качнул головой:

– Как новенькая.

– Было совсем не больно, – удивленно произнес Аннев. – Раньше всегда жгло, да и после еще долго болело. – Он снова потряс кистью. – А сейчас ничего такого нет. Это потому, что ты начертил все три глифа?

– Хм... Нет, не поэтому. Вообще-то, боль должна была усииться, ведь на сей раз исцеление прошло намного быстрее обычного. – Он постучал пальцем по подбородку. – Хотя подобные случаи известны. Видишь ли, сила действия того или иного заклинания определяется многими условиями. Соблюдение некоторых из них может привести к тому, что процесс протекает безболезненно.

– И что это за условия?

Содар задумался.

– Даритская магия требует опыта и понимания. Мощный колдун-целитель, постигший глубину слов силы и глифов, может творить настоящие чудеса, в то время как умений обычного человека, использующего такое же заклинание, хватит лишь на то, чтобы вылечить придавленный дверью палец.

– Но всего два дня назад, – возразил Аннев, – когда ты лечил мне треснувшие ребра, боль была такая, будто ты их

ломаешь. Неужели всего за пару дней ты стал лучше понимать магию?

– Сомневаюсь.

– В чем же тогда дело? – не унимался Аннев.

– Пока не знаю. На действие заклинания может влиять эмоциональное состояние больного или лекаря, но это скорее имеет место при заклинательном песнопении, нежели при глифоречении.

– Заклинательное песнопение?

Содар кивнул:

– Магия илюмитов. Я ведь тебе уже рассказывал. Они создают заклинание с помощью музыки и эмоций. А терранцы свое колдовство называют ворожейным ремеслом.

– Все это я помню. Однако ты не пел, и мы с тобой не илюмиты.

Содар, секунду помедлив, согласился:

– Верно. Так и есть.

«Так-так, – подумал Аннев. – Чего же ты недоговариваешь?»

– Ну что ж, – бодро сказал Содар, меняя тему. – Твоя рука в полном порядке. Ты ел что-нибудь?

– Почти ничего.

– Вот и славно. Значит, идем на урок. Подкрепимся, как закончим.

Аннев застонал. Сколько можно? Он ведь и так весь день дрался: на крыше, в лабиринте, на улице с Финном, в конце

концов, и единственное его желание сейчас – получить ответы на свои вопросы.

– А может, ну ее, эту тренировку? Не так уж и много я пропустил. Да если и пропустил, то после уроков все нагнал, даже с лихвой.

Он показал Содару покрытые ссадинами руки и вытянул шею, демонстрируя шишки и царапины на лице.

– По-моему, это лишний раз доказывает, что тебе нужно больше тренироваться.

Аннев негодуя запротестовал:

– Это нечестно. У Фина было оружие, и напал он на меня не один. Дерись он честно, я бы с ним справился.

«Скорее всего», – добавил он про себя.

Содар равнодушно пожал плечами:

– Опасность не станет дожидаться, пока ты вооружишься или приведешь друзей. Ты должен это помнить – и всегда быть начеку, а не оправдываться, если тебя застали врасплох.

– Спасибо за сочувствие.

Священник вскинул бровь:

– Не ерничай. Если я буду позволять тебе спокойно отлеживаться каждый раз после того, как тебя избили до полусмерти, ты ничему не научишься.

Аннев вздохнул:

– Значит, тренировка?

Содар снова пожал плечами:

– Хочешь отдохнуть – пожалуйста...

Аннев поднялся со стула.

– Но тогда я не отдам тебе твой подарок, – добавил старик.

Аннев встрепенулся:

– Какой подарок?

Он незаметно сунул руку в карман – малиновая перчатка оказалась на месте.

– Но... ты ведь всегда говорил, что Регалей – проклятый праздник. Поэтому мы с тобой ничего друг другу не дарим.

– Ну, я подумал, что в кои-то веки можно сделать исключение – ты это заслужил. – Содар улыбнулся, и в его взгляде появилась легкая грусть. – Если хочешь, можешь считать это подарком ко дню рождения.

– Да? – воодушевился Аннев. – Значит, у меня сегодня день рождения?

Содар раздраженно сплюнул:

– Да при чем здесь... В общем, назови как хочешь, главное – чтобы его получить, тебе придется как следует попотеть.

Аннев, поразмыслив, кивнул:

– Ну что ж, старик. Ты сам напросился.

Глава 18

Аннев распахнул дверь в сарай и, перепрыгнув через три коротеньких ступеньки, направился к дальней стене, где висело оружие. Он снял со стойки деревянный топор и выдавший виды короткий меч.

– Что, опять? – проворчал Содар. – Три месяца подряд одно и то же.

Аннев расправил плечи:

– Просто мне нравится это оружие.

– Тебе нравится сражаться обеими руками, – поправил Содар.

– А вот и нет, – возразил Аннев. – Топор хорош тем, что им я могу блокировать атаку и обезоружить соперника. А у меча подходящая длина – можно наносить удары с короткого расстояния, но не приближаться к врагу вплотную.

Содар тем временем вооружился обычным мечом.

– Докажи.

И, не дожидаясь ответа, бросился на Аннева. Тот отклонился назад, опершись на левую ногу, и парировал удар лезвием топора. Потом прыгнул вперед, целясь мечом Содару в бок.

Но Содара на прежнем месте уже не оказалось: нырнув под меч, он перекатился по полу и стоял на одном колене позади Аннева.

«Вот это скорость. Не могут старики так быстро двигаться, – удивился про себя Аннев, и тут же в его памяти всплыли вопросы, которые он собирался задать Содару. Он снова почувствовал себя преданным. – Нужно придумать, как вывести его на чистую воду».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.